

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ТЕХНОГНОЗИСА

ДИАЛОГ КАК МЕТОД СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ПАРАДИГМА РУБИНШТЕЙНА» И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» -
ЛИЧНОСТНЫЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ ПЕДАГОГИКИ И
ВОСПИТАНИЯ

2020 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии

Научный руководитель серии:

Песоцкий В. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. – д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. – д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. – д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла – доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. – д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш – доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио Микосиба – доктор наук, почётный профессор, Университет Чиба (Япония)

Михалкин Н. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Сафонов А. Л. – д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. – д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина – доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 2. – 14 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Scientific Consultant:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V.P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2020. – № 2. – 142 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бондарева Я. В. В ОЖИДАНИИ НЕОКЛАССИКИ 6

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Артеменков А. А. ОБЪЕКТИВНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ОНТОЛОГО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ 8

Стоцкая Т. Г. ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ОТВЕТ 20

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Костадинович Даниэла, Бондарева Я. В. ДИАЛОГ КАК МЕТОД СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 27

Михалкин А. Н. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ «ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА» СОПРОВОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И В СССР 35

Молчан Э. М. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ЦЕННОСТНОМУ ОСНОВАНИЮ КВАЗИФРАКТАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР 44

Насу. МОНГОЛЬСКИЙ НАРОДНЫЙ ИНСТРУМЕНТ МОРИНХУУР: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И ИДЕНТИФИКАЦИЯ 51

Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, НЕДОСТАТКИ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 57

Рукин А. В. О ПРИРОДЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА 69

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Колесниченко Ю. В. «ПАРАДИГМА РУБИНШТЕЙНА» И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» – ЛИЧНОСТНЫЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ ПЕДАГОГИКИ И ВОСПИТАНИЯ. ЧАСТЬ I 75

Кравченко В. В. ФИЛОСОФСКО-МИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ, ИСТОКИ И ПАРАЛЛЕЛИ «МИСТЕРИИ» А. Н. СКРЯБИНА 82

Прядко И. П. ПРОТИВОРЕЧИЕ В ЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ НАЧАЛА XX В.: НОВАТОРСКИЕ РАЗРАБОТКИ Н. А. ВАСИЛЬЕВА И П. А. ФЛОРЕНСКОГО 95

Симонова С. А. ИДЕИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ 109

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Лебедев С. А. ИСТИННОСТЬ ЧУВСТВЕННОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ 117

Тимофеев А. В. СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ 127

РАЗДЕЛ V. ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Ильин В. В. ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ТЕХНОГНОЗИСА 134

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Ya. Bondareva. IN ANTICIPATION OF NEOCLASSICISM 6

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

A. Artemenkov. OBJECTIVE AND VIRTUAL REALITY: DEREGALIZATION OF HUMAN CONSCIOUSNESS AS AN ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL PROBLEM OF OUR TIME 8

T. Stotskaya. THE CHALLENGES OF MODERNITY: RATIONALITY AS AN ANSWER 20

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

D. Kostadinovich, Ya. Bondareva. DIALOGUE AS A METHOD OF MODERN EDUCATION. ... 27

A. Mikhalkin. THE MAIN COMPONENTS OF THE "LEGAL MECHANISM" SUPPORTING NATIONAL PROJECTS IN MODERN RUSSIA AND THE USSR 35

E. Molchan. A SYSTEMIC APPROACH TO THE VALUE BASIS OF QUASI-FRACTAL SOCIAL STRUCTURES 44

Nasu. MONGOLIAN FOLK INSTRUMENT MORIN KHUUR: CULTURAL-HISTORICAL GENESIS AND IDENTIFICATION. 51

A. Nekhamkin, V. Nekhamkin. SOCIAL FORECASTING: ACHIEVEMENTS, SHORTCOMINGS, WAYS OF IMPROVING. 57

A. Rukin. ON THE NATURE OF INFORMATION AND MAN. 69

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Yu. Kolesnichenko "RUBINSTEIN'S PARADIGM" AND "THE KNOWLEDGE SOCIETY" – PERSONAL PRINCIPLE IN THE PHILOSOPHY OF PEDAGOGY AND EDUCATION. PART I. 75

V. Kravchenko. PHILOSOPHICAL-MYSTICAL MEANING, ORIGINS AND PARALLELS OF THE "MYSTERY" BY A. N. SRIABIN 82

I. Pryadko. CONTRADICTION IN LOGICAL DOCTRINES OF THE EARLY 20TH CENTURY: INNOVATIVE DEVELOPMENTS OF N. A. VASILIEV AND P. A. FLORENSKY 95

S. Simonova. IDEAS OF ETHICAL-AESTHETIC SYNTHESIS IN GERMAN PHILOSOPHY 109

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

S. Lebedev THE TRUTH OF SENSORY AND EMPIRICAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE. ... 117

A. Timofeev. THE ESSENCE AND PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS .. 127

SECTION IV. INTRODUCTION TO THE DISCUSSION

V. Ilyin. EDUCATION IN THE ERA OF TECHNOGNOSIS 134

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В ОЖИДАНИИ НЕОКЛАСИКИ IN ANTICIPATION OF NEOCLASSICISM

Сегодняшние карантинные испытания вынуждают... – нет, просто обязывают – серьёзно задуматься о светлых и тёмных сторонах цифровой культуры, о глубинной философской тектонике современности и, в конечном итоге, о ценностях и идеалах науки и образования... Наконец-то появилось время остановиться и окинуть взором окружающее философское пространство, более плотно познакомиться с новейшими отечественными философско-методологическими исследованиями, большинство из которых, к сожалению, не может не оставлять впечатления застарелого синдрома ученичества, слепого и доверчивого следования

западным образцам, моделям и схемам.

Оказывается, для нас вполне привычна безропотная вовлечённость в сетку «научных парадигм» и «исследовательских программ», пребывание в фарватере позитивистских и постпозитивистских установок, дробящих философскую науку на множество «концепций», «учений», «направлений» и т. д. Более того, как и полагается новообращённым, это интеллектуальное «послушание» осуществляется с особым старанием, перерастая в истовое служение предмету поклонения. Этот предмет наделяется изначально несвойственными ему чертами – уникальностью, универсальностью и незаменимостью, возводится на пьедестал, чтобы десятилетиями бронзоветь в незаслуженной абсолютности...

Именно позитивизм с его пост- и неомодификациями формирует стержень неклассической и, в особенности, постнеклассической науки – своего рода философского протестантизма, математической суммы разрозненных осколков некогда целостного, фундаментального знания. На этом фоне всё острее ощущается тоска по классике с её субъект-объектной определённой, чёткими критериями истины, методологической основательностью. Это ожидание (и, если хотите, – предвкушение!) возвращения классической традиции (очевидно, в её новой, неоклассической вариации) продиктовано нарастающей тревогой и за судьбу отечественного образования, которое, расшатанное неклассическим плюрализмом, может окончательно лишиться фундамента, сработанного по классическим чертежам. Как известно, здание, выстроенное на песке, может легко оказаться «унесённым ветром»...

Ещё одна острая тема современности – взаимоотношения человека и техники. С поправкой на безудержное желание человека заполучить мощный инструмент в виде искусственного интеллекта, следует вспомнить некоторые эпизоды из истории этих взаимоотношений. В XVIII веке – это пребывание на одной доске, отношения равноправия и равнозначности, почти отождествления – «человек-машина» (Ж. О. Ламетри). В XIX веке – уже разведение по разным углам метафизического ринга, предчувствие угроз, состояние «ящика Пандоры» и – как итог – «человек и машина» (Н. А. Бердяев). Почему-то зреет уверенность в том, что следующей вехой этой двухкомпонентной истории станет отношение «человек *или* машина» как новая драма противостояния.

Сама собой напрашивается аллюзия Пигмалиона-Франкенштейна, и зреет вопрос: какая роль будет отведена человеку в этой драме – влюблённого творца цифровой Галатеи или незадачливого создателя цифрового монстра? В любом случае ясно одно: неклассика, и в особенности постнеклассика, с их размытостью методов, ценностей и идеалов не вытянут в одиночку высокую ноту современного научного знания, не вытащат систему образования из сферы услуг и не возведут её в ранг служения или – что лучше и определённое – фундаментальных элементов национальной безопасности. Наверное поэтому историки русской философии продолжают отчаянно оборонять рубежи нашей национальной идентичности, находя в глубине веков классическую опору для современного «тонкого и хрупкого культурного слоя» (так называл интеллигенцию Н. А. Бердяев)...

Некоторые из озвученных выше проблем стали темами статей настоящего номера. Понимая, что высказанные суждения небесспорны, приглашаем уважаемых коллег принять участие в дискуссии.

Главный редактор

*Доктор философских наук,
профессор,
зав. кафедрой философии
Бондарева Яна Васильевна*

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 11

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-8-19

ОБЪЕКТИВНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ОНТОЛОГО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Артеменков А. А.

Череповецкий государственный университет

162600, г. Череповец, проспект Луначарского, д. 5, Российская Федерация

Аннотация.

Целью работы является философский анализ проблемы соотношения объективной и виртуальной реальности в структуре человеческого бытия и определение роли сознания в отражении окружающей действительности.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ теоретического материала по проблеме соотношения объективной и виртуальной реальности в жизни человека. В процессе исследования использовался теоретический метод научного познания, общефилософский диалектический метод, абстрагирование, индукция и дедукция, анализ и синтез, мысленное моделирование образов объективной и виртуальной реальности.

Результаты проведённого исследования. В ходе анализа отмечена положительная роль виртуальной реальности, которая находит всё большее применение в различных сферах жизнедеятельности человека. Вместе с тем, автор рассмотрел и отрицательную её роль в процессах отражения материального мира. В статье ставится вопрос о дереализации сознания человека в результате частого использования виртуального пространства. Автором показано, что искусственно созданная виртуальная реальность приводит к формированию в сознании человека ложных образов, мешающих восприятию реального мира. Проведённый анализ показал, что сегодня виртуальная реальность часто служит способом «ухода» человека от текущих проблем и получения положительных эмоций. Автору удалось проанализировать представления Ф. Аквинского, Р. Декарта и взгляды современных философов на проблему виртуализации бытия и причину привлекательности виртуального мира.

Теоретическая и / или практическая значимость. Автор приводит оригинальную схему возникновения дереализации сознания человека под влиянием виртуальных образов сознания и нарушения восприятия реального мира. По заключению автора статьи, необходим поиск критериев соотношения объективной и виртуальной реальности для отражения человеком действительности и дальнейшего изучения феномена «мутного стекла».

Ключевые слова: человек, объективная и виртуальная реальность, окружающий мир, дереализация сознания, виртуальные образы, феномен «мутного стекла»

OBJECTIVE AND VIRTUAL REALITY: DERIALIZATION OF HUMAN CONSCIOUSNESS AS AN ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL PROBLEM OF OUR TIME

A. Artemenkov

Cherepovets State University

5 Lunacharskogo prospekt, Cherepovets 162600, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of the work is a philosophical analysis of the problem of the ratio of objective and virtual reality in the structure of human life and the definition of the role of consciousness in reflecting the surrounding reality.

Methodology and Approach. The analysis of theoretical material on the relationship between objective and virtual reality in human life was conducted. The theoretical methodology of the research includes: general philosophical dialectic method, abstraction, induction and deduction, analysis and synthesis, mental modeling of images of objective and virtual reality.

Results. The analysis revealed the positive role of virtual reality, which is increasingly used in various spheres of human activity. At the same time, the author considered its negative role in the processes of reflection of the material world. The article raises the question of derealization of human consciousness as a result of frequent use of virtual space. The author shows that the artificially created virtual reality leads to the formation of false images in the human mind that interfere with the perception of the real world. The analysis showed that today virtual reality often serves as a way of escaping current problems and receiving positive emotions. The author was able to analyze the ideas of Th. Aquinas, R. Descartes and the views of modern philosophers on the problem of virtualization of being and the reason for the attractiveness of the virtual world.

Theoretical and / or Practical Implications. The author makes an original pattern of the emergence of derealization of human consciousness under the influence of virtual images of consciousness and impaired perception of the real world. According to the author of the article, a search is necessary for the criteria for the correlation of objective and virtual reality to reflect human reality and further study the phenomenon of "cloudy glass".

Keywords: human, objective and virtual reality, the world around him, derealization of consciousness, virtual images, the phenomenon of "muddy glass"

ВВЕДЕНИЕ

В своё время академик В. И. Вернадский указывал на то, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера постепенно переходит в новое эволюционное состояние – ноосферу. Такой неизбежный переход, по мнению автора, связан с развитием мозга в высших проявлениях жизни¹. Действительно, научная мысль сегодня шагнула далеко вперёд, и В. И. Вернадский даже не мог себе представить, каких успехов достигнет человечество к началу третьего тысячелетия в связи с интенсивным

развитием информационных технологий. Наступил век информации, в котором цифровые устройства стали неотъемлемой частью человеческой жизни со всё возрастающей ролью ноосферного мышления и сознания. Человек стал «разделять» существующий вокруг него мир на реальный (объективный) и виртуальный (цифровой), связанный с формированием иллюзорных образов. Поэтому в обществе возникла новая глобальная проблема дереализации сознания человека, связанная с постепенным «стиранием» границы между реальным и виртуальным миром. Так, многие увлечённые люди «с головой уходят» в виртуальный мир, меняя своё социальное

¹ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Т8RUGRAM, 2017. С. 387.

поведение, становясь необщительными, замкнутыми в условиях дефицита реальности. Одной из причин возникшего дефицита реальности является всё большее проникновение информационных технологий во все сферы человеческого бытия. С другой стороны, в современном сложном мире человек, имеющий проблемы в реальной жизни, которые он не в состоянии решить, может решить их в виртуальной реальности. И в этом кроется большая опасность, так как виртуальная реальность способна почти полностью захватить сознание человека.

Таким образом, окружающая человека объективная реальность всё больше виртуализируется, а сформированные в виртуальном пространстве образы всё чаще онтологизируются. Такая виртуальная детерминация человеческого бытия и отказ от вещей материального мира создают явную угрозу человечеству, поскольку у находящегося в виртуальном пространстве человека меняется осознанное отражение действительности. Виртуализация бытия человека постепенно приводит к дереализации – дефициту реального бытия, утрате человеком способности «проводить» параллель между реально существующим миром и виртуальной реальностью.

Цель данной работы – философский анализ проблемы соотношения объективной и виртуальной реальности в структуре человеческого бытия и определение роли сознания в отражении окружающей действительности.

ОБЪЕКТИВНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Большинство современных философов признаёт, что окружающий нас мир существует сам по себе и является объективной реальностью. Он существует независимо от нашей воли и сознания. Независимость существования вещей от нашей воли и сознания подразумевает продолжение существования окружающего мира и без нас. Такая реальность мира является сутью повседневной окружающей действитель-

ности, в которой мы существуем. Иными словами, это всё то, что нас окружает в реальном мире, что воспринимается нашими органами чувств и отражается нашим сознанием. Но объективная реальность мира может быть непознанной полностью, поскольку каждый человек живёт в своём мире, созданном на основе его собственных мироощущений, миропонимания и личного опыта. Поэтому объективная реальность мира выступает как некий механизм, работающий по своим законам, на которые наш мозг может оказывать лишь минимум влияния.

Заметим, что виртуальная реальность существовала и ранее в виде мифов, сказок, сновидений, но особенно часто она возникает в современном обществе. Человеку известны следующие типы виртуальной реальности: театр, фотография, радио, кино, телевидение, зеркало, телефон, компьютер. Представления о «виртуальной реальности» были заложены ещё в античной философии. Так, идеализм Платона заключался в том, что в окружающая нас действительность – это всего лишь иллюзия, недоступная познанию. Метафизические рассуждения Аристотеля в определённой степени это доказывают. Аристотель, изучавший начала и причины всего сущего высказывал мнение о том, что материя сама по себе не познаётся, она, с одной стороны, воспринимается чувствами, а с другой – постигается умом. По Аристотелю, Эйдосы суть и причина бытия, они находятся в чувственно воспринимаемых вещах. Но Аристотель в отыскании истины указывает на обманчивость чувственного восприятия и отмечает следующее: «... даже каждому отдельному человеку, когда он воспринимает чувствами, одно и то же кажется не всегда одним и тем же. Так вот, какие из этих представлений истинны, какие ложны – это не ясно, ибо одни несколько не более истинны, чем другие...»¹. И далее Аристотель, рассуждая об истине, указывает на то, что восприни-

¹ Аристотель. Метафизика. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 106.

маемое органами чувств не тождественно представляемым образам, которые формируются в нашем мозге и поэтому на этот счёт он пишет следующее: «... восприятие того, что свойственно воспринимать тому или иному отдельно чувству, конечно, не обманчиво, но представление не то же самое, что восприятие»¹. Следовательно, воспринимаемый нами окружающий мир может быть частично изменён нашим мозгом, нашим сознанием, и тогда мы можем говорить, что объективная действительность в нашем мозге создаёт виртуальные образы. Эти виртуальные образы и представления накладываются на повседневную реальность, встраиваются в наше поведение и психическую деятельность.

У Н. Эмесского представления суть сила неразумной части души, действующая через посредство внешних органов чувств. Представляемое же есть то, что подлежит деятельности воображения, как воспринимаемое чувством (подлежит) чувству². У Гегеля представления суть непосредственная принадлежность интеллекта, а образы в первую очередь относятся к внешнему, непосредственному пространству и времени, вместе с которыми они и сохраняются. В свою очередь, интеллект по Гегелю есть власть, господствующая над запасом принадлежащих ему образов и представлений. Фантазия есть то средоточие, в котором всеобщее и бытие, собственное и преднайденное, внутреннее и внешнее всецело претворены в одно³.

Заметим, что христианские писатели-апологеты считали, что объективная реальность есть мир сам по себе, который недоступен для понимания человека. С другой стороны, и современная философия считает, что объективная реальность является принципиально непознаваемой в полном объёме и до мельчайших деталей и что она может отражаться в виде изменённых образов нашего сознания и пред-

ставлений, то есть частично виртуализироваться.

Другое дело – субъективная реальность, под которой подразумевается существование вещей и явлений по воле нашего сознания. И тогда эта реальность как бы подтверждает факт существования объективного мира. Но как тогда нам следует трактовать сновидения, в которых все объекты создаются нашим сознанием, т. е. субъективно и неосознанно, а в воображении и мечтах – осознанно. Следовательно, существует две разновидности субъективной реальности – неосознанные и осознанные образы нашего сознания. К примеру, Д. И. Дубровский, анализируя онтологические и гносеологические измерения субъективной реальности, рассматривает её как вид информационной и виртуальной реальности, связанной с сознательными мозговыми процессами [4, с. 82]. Тогда получается, что объективная и виртуальная реальность должна достаточно сильно влиять на жизнь человека в различных сферах современного общества. И действительно, сейчас наблюдается повсеместное интегрирование различных форм деятельности человека в расширенное объективно-виртуальное пространство [7, с. 86].

А ведь некогда, например, в схоластике, категория виртуальной реальности разрабатывалась как необходимое условие для решения проблем, заключающихся в возможности существования реальностей разного уровня, к примеру – образования сложных вещей из простых или энергетического обеспечения акта действия. В этой связи хотелось бы сказать, что Фома Аквинский развил представление о виртуальной реальности как отношении в иерархии души и тела. По его мнению, душа существует в теле, пока оно живёт, и она не является телом. Человеческая душа не мыслит без чувственных образов, она не материальна, неразрушима и воспринимает виды вещей нематериальным образом⁴.

¹ Там же. С. 110.

² Эмесский Н. О природе человека. // О человеке: Сб. трактатов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 218.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия духа. М.: Э, 2018. С. 68–89.

⁴ Фома Аквинский. Учение о душе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 158.

Но, как показал Д. Юм¹, существует значительная разница между реальными перцепциями (восприятиями) и состоянием, когда человек вызывает это ощущение в своей памяти или превосхищает его в воображении. Говоря о воображении, Д. Юм пишет: «нет ничего свободнее воображения человека; пусть оно и не может выйти за пределы первоначального запаса идей, доставляемых внутренними и внешними чувствами, зато оно обладает способностью безгранично смешивать, соединять, отделять друг от друга и делить эти идеи со всем разнообразием, на какое только способны фантазия и вымысел»². Далее Юм указывает на то, что воображение распоряжается нашими идеями, что оно может смешивать и разнообразить их, выдумывать фиктивные объекты со всеми подробностями или ставить их перед нашими глазами в том виде, в каком они могли бы существовать в действительности. Ощущение виртуальной реальности зависит от развития воображения у того или иного человека. И человек, погружённый в виртуальный мир, забывает о своих биологических и социальных потребностях, ему никто не нужен, а созданный в его воображении виртуальный мир он считает идеальным.

Противоположной является позиция диалектического материализма, согласно которой не признаётся душа, а признаётся объективное реальное бытие (материя), которое существует независимо от сознания, ощущения и опыта. Причём сознание есть отражение бытия, а материя – это то, что, действуя на органы чувств, производит ощущение. Таким образом, материя, с точки зрения диалектического материализма, есть объективная реальность, данная нам всего лишь в ощущении. Иными словами, материя, природа, бытие, всё физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое – вторичное. И с этим утверждением, по сути, можно согла-

ситься. С. В. Орлов [8, с. 173] также соотносит понятия философского материализма (бытие, материя, сознание, развитие, вещество) с такими понятиями информационного общества, как объективная, субъективная и виртуальная реальность. Он делает вывод о том, что теория материи, разработанная в диалектическом материализме, применима к дальнейшему развитию в условиях информационного общества.

Д. Дойч указывает на то, что физическое проявление универсальности – виртуальная реальность – начинает развиваться только сейчас. По мнению автора, любой генератор виртуальной реальности, который можно рассматривать как генератор образов (пилотажный тренажёр или компьютер с видеоиграми), должен подавлять или изменять нормальное функционирование наших органов чувств, потому что картина, создаваемая виртуальной реальностью, являясь вроде бы реальной, на самом деле вводит нас в заблуждение. Но, как замечает Д. Дойч, человеческая способность к пониманию реального мира не то что ограничена, а наоборот, она безгранична³.

И, действительно, сегодня в эпоху развития информационного общества в качестве альтернативы существованию объективной (физической) реальности формируется искусственно созданное виртуальное пространство, которое обретает онтологический статус, поскольку в виртуальном мире человек существует в виде образов и знаков [9, с. 38]. Но стоит заметить ещё одно важное обстоятельство, которое нельзя игнорировать: виртуализация бытия оказывает негативное воздействие на человека и, в конечном счёте, приводит к дезадаптогенезу [1, с. 95], проявлением которого является дереализация сознания человека, деперсонализация и дисморфобия. Поскольку сейчас интенсивно идёт становление и развитие новой социальной реальности – виртуального сетевого общества, то есть происходит постепенное пе-

¹ Юм Д. О человеческой природе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 50.

² Там же. С. 88.

³ Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 174.

ремещение индивидуального и общественного сознания в «цифровую ноосферу» [3, с. 69], это обстоятельство надо учитывать. В настоящее время необходимо переосмысление понятия «реальность», поскольку социальная философия сейчас сталкивается с новым явлением – виртуальной реальностью. Постепенно стирается разница между объективной и виртуальной реальностью [10, с. 80].

Прочное слияние объективной и виртуальной реальности в настоящее время связано в первую очередь со стремительным развитием информационных технологий. Понятие виртуальной реальности стало сегодня востребованным, так как уже трудно отыскать сферу деятельности человека, где бы оно не применялось. Постепенно создается впечатление, что рядом с реальным миром возник новый виртуальный мир со своим, каким-то особым мироощущением. Под виртуальной реальностью обычно понимается мир, созданный с помощью технических средств, воспринимаемый человеком через различные органы чувств. Это мир, в который мы не можем заглянуть и что-то потрогать. В виртуальном мире человек «находится» в искусственно созданной трёхмерной среде, «погружаясь» в неё частично или полностью. Виртуальная реальность сегодня действительно используется повсеместно: в дизайне, архитектуре, медицине, спорте, телевидении, искусстве и при обучении. И в этом её большое положительное значение [11].

Также сегодня в условиях информационного пространства современных городов объективная реальность мира, воспринимаемая нашими органами чувств, дополняется виртуальной реальностью, генерируемой сложной техникой (компьютерами, смартфонами), и воспринимается нашим сознанием как аналог материальной реальности. Дополненная реальность окружающей действительности раскрывается как сфера дополнительных возможностей осознания реальных объектов городской среды с помощью современной техники [5, с. 50].

В то же время Ю. Л. Балюшина уточняет понятие виртуального образа города Череповца и приходит к выводу, что виртуальное существование промышленного города многослойно и представляет собой систему виртуальных образов, создаваемых Интернет-технологиями. Но, как это бывает, образы реального (объективного) города и виртуального города совпадают не в полной мере. К сожалению, виртуальные образы города подчас искажают реальное городское пространство и формируют в сознании людей негативные представления [2, с. 212].

Тем не менее, для жителей городов дополненная реальность полезна для знакомства с памятниками культуры. Как пример этого, в г. Череповце для горожан и туристов на Советском проспекте установлена карта достопримечательностей «Сердце города». Это карта с дополненной реальностью. Перейдя по QR-коду, можно узнать много исторической информации обо всех культурных объектах нашего города, не посещая данные места (см. репортаж о функционировании карты достопримечательностей г. Череповца с дополненной реальностью¹).

Из всего сказанного ясно, что виртуальный мир – это не что иное, как модель тех или иных явлений и процессов, которые в совокупности создают несколько иной мир, частично копирующий объективный. Но виртуальный мир, состоящий из моделей объективной реальности и похожий на реальный мир, не поддается возможности его ощутить как реальный. Он только имитирует воздействия реального мира, например, даёт возможность создавать предметы из ничего. В объективной реальности этого сделать практически невозможно. Кроме того, виртуальная реальность позволяет «создавать» различные миры, по которым можно «гулять», «общаться» с

¹ Интерактивную карту достопримечательностей Череповца установили в центре города: репортаж // 35 tv ru. URL: <https://35tv.ru/news/2019/6/13/interaktivnuyu-kartu-dostoprimechatel-nostey-cherepovca-ustanovili-v-centre-goroda> (дата обращения: 10.01.2020).

виртуальными друзьями. Однако мы полагаем, что применение виртуальных технологий может способствовать увеличению продуктивности мышления. При правильном подходе виртуальная реальность позволяет познавать окружающую нас действительность без прямого взаимодействия с предметами объективного мира.

В виртуальной реальности человек может «прожить» новую, удивительную жизнь: совершать покупки, получить новую профессию, путешествовать. Но здесь настораживает то, что виртуальная реальность стала подменой реального мира ввиду удобства и доступности для каждого. Это не что иное, нежели кажущийся хороший способ получения положительных эмоций. С другой стороны, виртуальный мир активно развивается, что позволяет успешно воспроизводить окружающую действительность в виде моделей (объектов) виртуального мира. Непосредственной формой виртуальной реальности является воображение, но воспринимаем внешний мир мы через органы чувств. Д. Дойч пишет по этому поводу следующее: «То, что мы ощущаем непосредственно, – это воспроизведение в виртуальной среде, удобно созданной для нас нашим бессознательным разумом из сенсорных данных вместе со сложными теориями (т. е. программами) их интерпретации, рождёнными в нашем разуме и приобретёнными извне»¹. По мнению автора, объективная реальность существует независимо от того, что мы думаем о ней, и жизненные процессы включают виртуальную реальность. Жизнь – это форма виртуальной реальности, а организм есть виртуализация, определяемая его генами. Таким образом, жизненные процессы организма и создание виртуальной реальности оказываются процессами одного рода. Экологическая ниша, занимаемая людьми, зависит от виртуальной реальности, а также от приобретённого знания.

Поэтому мы склонны резюмировать, что сейчас перед обществом стоит пробле-

ма соотношения объективной и виртуальной реальности. Виртуальная реальность – это лучший способ сбежать от объективной реальности, поэтому человек всё чаще «отодвигает» в сторону объективную реальность и заменяет её виртуальной реальностью, что в конечном счёте может привести к дереализации сознания.

ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. ЭФФЕКТ «МУТНОГО СТЕКЛА»

Можно бесспорно утверждать, что в настоящее время существует проблема дереализации сознания человека, и связана она с нарушением восприятия окружающего мира. И тогда уже окружающий мир воспринимается человеком как нереальный, отдалённый, лишённый всех красок жизни. В крайнем состоянии дереализации человек может окончательно утратить ощущение действительности происходящего. Перейти к виртуальным образам, созданным силой воображения. О подобных невиданных образах Фома Аквинский говорил следующее: «... сила воображения формирует себе некий образ отсутствующей вещи или же никогда не виденной»². Но мы знаем, что никакие фантазии не являются телесными, поскольку воображение не выходит за время и пространство. Поэтому с Фомой Аквинским в понимании образов восприятия можно согласиться, представив, что невиданные образы нашего воображения – это всего лишь защитная реакция человека на действие стресс-факторов окружающей среды. Отметим, что подобное состояние является довольно распространённым в современном мире явлением, с которым сталкивается довольно часто даже вполне здоровый обычный человек. Однако обычный человек, находящийся в реальном мире, не в состоянии выявить факторы, приводящие к дефициту реальности. Но если допустить, что в будущем уровень «погружения» человеческого сознания в виртуальную реальность значительно повысится, то это может

¹ Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 203.

² Фома Аквинский. Учение о душе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 378.

привести к значительному дефициту реального и объективного отражения действительности. Заметим, что дефицит реальности – это не дефицит вещей, которые сегодня производятся в большом количестве. Вещи служат для человека всего лишь знаками существования действительности. При дефиците реальности у человека происходит потеря собственного «Я» (деперсонализация), личность самим человеком ощущается чужой, а тело незнакомым, чувства притупляются, мысли становятся как бы не своими. С. В. Коваленко указывает на то, что такое отчуждение может выражаться в потере субъектом чувства реальности происходящего или утрате своей индивидуальности (деперсонализации). Интернет-зависимость в конечном счёте приводит к нарушению адекватности восприятия реальности и к выходу за пределы объективной реальности своего бытия. Сознание переживает конфликт между имеющимися знаниями и сложившейся системой мировосприятия [6, с. 31].

Находясь в таком состоянии, человек воспринимает окружающий мир размытым и бесцветным, возникает искажение расстояния, а также размеров и формы объектов. Иными словами, дереализация проявляется у человека в дефиците реального мира при ограничении воздействия реальных объектов на наши органы чувств в ходе постоянного виртуального общения. Ведь ещё Р. Декарт полагал, что наши органы чувств могут нас обмануть, и поэтому часто сомневался в понимании объективной реальности. По этому поводу Р. Декарт писал следующее: «Итак, исходя из того, что ощущения, бывает, обманывают нас, я решился допустить, что ни одна вещь в действительности не является таковой, какой наши чувства заставляют её представить»¹. Как видно, у Декарта имелись свои представления о многих чувственно постигаемых вещах, которые иногда оказывались ложными и поэтому он говорил следующее: «Ведь пусть даже я воображал, что сплю и грежу и что всё

видимое или представляемое мной ложно, я не могу отрицать, что представления обо всём этом присутствуют в моём уме»². Подобные ложные образы Декарт сравнивал с могущественным демоном, который постоянно дурачит человека, выставляя перед его органами чувств иллюзии так, что человек не может ничего заподозрить. Таким образом, мы видим, что «злой демон» у Декарта – это своего рода виртуальная реальность.

И даже во сне, при понижении деятельности наших органов чувств и временном отключении сознания, в нашем мозге иногда возникают неправдоподобные образы, напоминающие представления человека, находящегося в виртуальной реальности. О подобных представлениях во сне Григорий Нисский рассуждает так: «Если душа отрешена сном от чувств по необходимости, то бездейственна и мысль. И далее церковный автор пишет следующее: «Доказательством служит то, что мечтающий во сне часто представляет себе неуместное и невозможное, чего не было бы, если бы душа и тогда управлялась рассудком и размышлением»³. Отсюда следует, что человек при дереализации сознания всегда живёт в придуманном мире и не воспринимает окружающую его реальность всерьёз, оценивает себя как бы со стороны с искажением чувства времени. Иными словами, человеку кажется, что прошло всего пять минут, а в реальной действительности пролетело несколько часов.

Д. Дойч⁴ указывает на то, что у виртуальной реальности и путешествия во времени есть одна общая черта: они изменяют обычное отношение между внешней реальностью и восприятием её пользователем. Поэтому человек не может найти разницу между двумя мирами, и для него окружающий мир кажется несуществующим. И такое явление сегодня довольно часто распространено в современном обще-

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 103.

² Там же. С. 107–108.

³ Нисский Г. Об устройении человека // О человеке: Сб. трактатов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 65–66.

⁴ Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 485.

стве, особенно у лиц, постоянно использующих компьютерные игры. Как нам представляется, в виртуальном мире человек ощущает себя в относительной безопасности, чувствует большую свободу, и поэтому у него появляется желание никогда его не покидать. Но при длительном нахождении в виртуальном мире мозг человека не в состоянии анализировать всю поступающую в него информацию, он замедляет свою работу и не может ставить реальных целей. Католический философ и теолог Фома Аквинский указывал на то, что мы не можем различать посредством органов чувств само ощущаемое или его ложный образ. Поэтому он говорил о том, что не следует ожидать истины от чувств, только интеллектуальное познание «схватывает» истину. Только интеллект может актуально познавать мир, не обращаясь к фантазиям. А вот если бы мы познавали материальные вещи путём их абстрагирования от фантазий, то наш интеллект заблуждался бы¹.

Принимая во внимание рассуждения Фомы Аквинского, мы можем сказать, что

на самом деле у человека, длительно находящегося в виртуальном мире, возникает потеря реальных ощущений от жизни. А это уже представляется серьёзной угрозой всему человечеству. Основными признаками такой дереализации сознания человека служат: временная дезориентация человека в пространстве и времени, притупление тактильных ощущений, ослабление памяти, утрата способности испытывать положительные эмоции, замкнутость и агрессия. Человек, находящийся в виртуальной реальности, ощущает, что в реальной действительности вокруг него всё происходит «как в тумане», звуки кажутся для него отдалёнными, время останавливается или, наоборот, течёт слишком быстро. Одним словом, восприятие окружающего мира сильно меняется, и человек как будто наблюдает за реальным миром через мутное стекло. Поэтому подобный комплекс субъективных проявлений, возникающих у человека, находящегося в виртуальном мире, мы назвали эффектом «мутного стекла» (рис. 1).

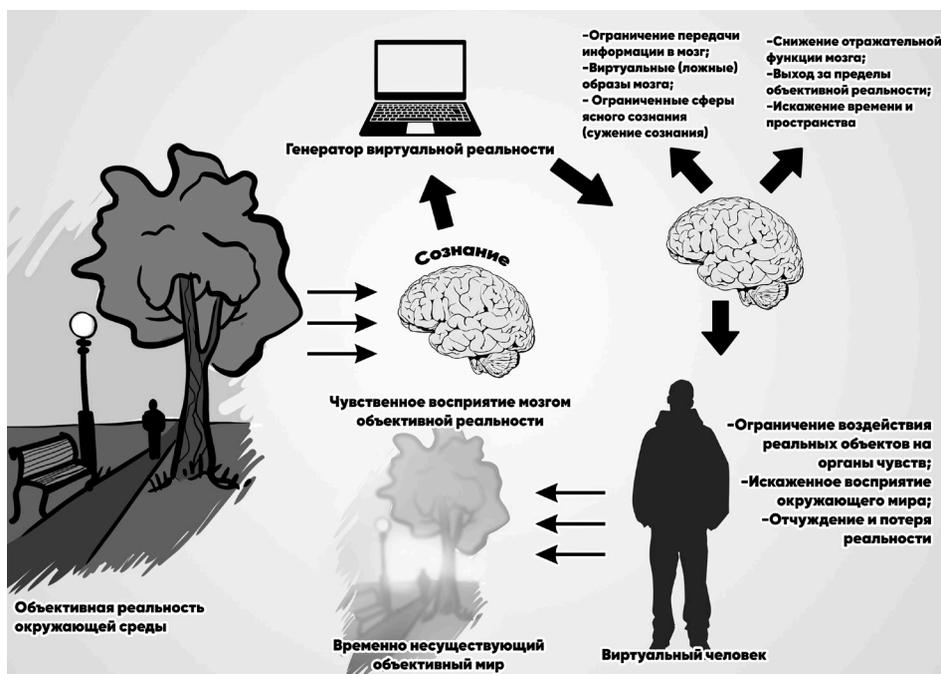

Рис. 1. Эффект «мутного стекла» при виртуализации сознания человека
Fig.1. The effect of "muddy glass" in the virtualization of human consciousness

Источник: составлено автором

¹ Фома Аквинский. Учение о душе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 359.

Таким образом, несмотря на имеющиеся «плюсы» виртуальной реальности, злоупотреблять ею не стоит, так как избыток виртуальной информации может привести к возникновению неадекватного взгляда на реальную жизнь. Человеку необходимо «отражать» реальность такой, какая она есть в действительности, и существовать в реальном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, затронутая в статье проблема соотношения объективной и виртуальной реальности в современном мире имеет онтолого-гносеологический статус. Следовательно, находясь в виртуальном мире нельзя познать ни материю, ни человеческое бытие, ни тем более определить достоверность знания об окружающей действительности. Но дело здесь заключается ещё и в том, что при возникшей де-realизации сознания человека «меняется» сама сущность бытия. Познание истинности человеческого бытия возможно только при восприятии объективной реальности в условиях ясного сознания. Ведь при де-realизации сознания пути постижения истины связаны с заблуждениями человека. Сегодня объективная реальность порой сложна и жестока, поэтому у погружённого в мир фантазий и иллюзий человека возникает чувство кажущейся его способности на многое. И получается, что виртуальная реальность является для некоторых

людей вынужденной необходимостью, поскольку позволяет уйти от проблем объективного мира, «создать» свой новый мир, в котором нет наихудших обстоятельств человеческой жизни. Но нахождение в мире виртуальных образов и иллюзий при изменённом сознании человека делает невозможным процесс «построения» ноосферной картины мира, осознания путей прогрессивного развития человеческой цивилизации. Поэтому сегодня одной из задач философии является выработка онтологических критериев познания объективной реальности в условиях современного информационного общества. Надо признать факт того, что сегодня человечеству необходимо время, чтобы адаптироваться к новому цифровому образу жизни, и правильно дозировать своё пребывание в виртуальном пространстве. В этой связи надо чётко соотнести объективную и виртуальную реальность. Может быть, сейчас ещё нет значительного дефицита реальности у людей, так как виртуальная реальность только вступила на круги своего развития в жизни человека. Но очевидно то, что виртуальная реальность ни в коем случае не должна заменять объективную реальность, а должна лишь гармонично дополнять её, приносить пользу. Поэтому сейчас крайне необходимы новые подходы в решении проблемы познания материального мира.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменков А. А. Деадаптогенез в антропосфере: естественнонаучное и философское осмысление проблемы // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. 2019. №5. С. 91–101.
2. Балюшина Ю. Л. Индустриальный город как виртуальный феномен (на материалах города Череповца) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. №1 (30). С. 212–217.
3. Девтеров И. В. Человек и машина: нейрофилософия и новые антиномии // Знание. 2015. №11–1. С. 69–73.
4. Дубровский Д. И. Субъективная реальность: динамическая структура, онтологические и гносеологические измерения // Вопросы философии. 2016. №12. С. 82–95.
5. Касаткина С. С. Проектирование историко-культурной среды города в условиях информационного общества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №2 (19). С. 49–54.
6. Коваленко С. В. Концепция ноосферогенеза как философско-методологическая основа функци-

- онирования и развития университетского образования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №2 (19). С. 29–34.
7. Makeev S. N. Влияние расширенной объективно-виртуальной реальности на жизнь современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1 (69). С. 86–89.
  8. Orlov S. V. Материализм, диалектика и информационная парадигма философского мышления // Новые идеи в философии. 2017. №4 (25). С. 173–182.
  9. Соловьева Л. Н. Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение // Общество: философия, история, культура. 2016. №2. С. 38–40.
  10. Черемисин А. Г. Интернет как новая социальная среда: феноменологический подход // Вестник Донецкого национального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №2. С. 80–82.
  11. Malakhova N. N., Sinenko V. Y., Demchenko A. R., Lysenko V. G., Milinis O. A., Nikolaev V. A., Pokhorukov O. Y. Regional model of professional mobility development of a teacher engaged in supplementary education: scientific and methodological backgrounds // Modern Journal of Language Teaching Methods, 2018, vol. 8, no. 10, pp. 41–55.

REFERENCES

1. Artemenkov A. A. [Disadaptogenesis in the anthroposphere: natural science and philosophical understanding of the problem]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], 2019, no. 5, pp. 91–101.
2. Balyushina Yu. L. [Industrial city as a virtual phenomenon (based on the materials of the city of Cherepovets)]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Bulletin of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management], 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 212–217.
3. Devterov I. V. [Human and machine: neurophilosophy and new antinomies]. In: *Znanie* [Knowledge], 2015, no. 11–1, pp. 69–73.
4. Dubrovsky D. I. [Subjective reality: dynamic structure, ontological and epistemological dimensions]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2016, no. 12, pp. 82–95.
5. Kasatkina S. S. [Designing the historical and cultural environment of the city in the information society]. In: *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], 2019, no. 2 (19), pp. 49–54.
6. Kovalenko S. V. [The concept of noospherogenesis as a philosophical and methodological basis for the functioning and development of university education]. In: *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], 2019, no. 2 (19), pp. 29–34.
7. Makeev S. N. [The impact of extended objective virtual reality on the life of modern society]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 7–1 (69), pp. 86–89.
8. Orlov S. V. [Materialism, dialectics and the information paradigm of philosophical thinking]. In: *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 2017, no. 4 (25), pp. 173–182.
9. Solov'eva L. N. [Man in the global virtual space: a philosophical dimension]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2016, no. 2, pp. 38–40.
10. Cheremisin A. G. [Internet as a new social environment: a phenomenological approach]. In: *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series: Humanities.], 2018, no. 2, pp. 80–82.
11. Malakhova N. N., Sinenko V. Y., Demchenko A. R., Lysenko V. G., Milinis O. A., Nikolaev V. A., Pokhorukov O. Y. Regional model of professional mobility development of a teacher engaged in supplementary education: scientific and methodological backgrounds // Modern Journal of Language Teaching Methods, 2018, vol. 8, no. 10, pp. 41–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артеменков Алексей Александрович – кандидат биологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета;
e-mail: basis@live.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Artemenkov – PhD in Biological Sciences, Associate Professor, Acting Head at the Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Sports and Health, Cherepovets State University;
e-mail: basis@live.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артеменков А. А. Объективная и виртуальная реальность: дереализация сознания человека как онтолого-гносеологическая проблема современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 8–19.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-8-19

FOR CITATION

Artemenkov A. A. Objective and Virtual Reality: Derealization of Human Consciousness as an Ontological and Epistemological Problem of our Time. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 8–19.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-8-19

УДК 165

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-20-26

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ОТВЕТ

Стоцкая Т. Г.

Самарский государственный технический университет

443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Статья посвящена анализу философско-мировоззренческого содержания проблемы «человек – техногенная цивилизация».

Процедура и методы исследования. Автор выявляет основные тенденции изменения приоритетов в отношении человека к миру в условиях глобализации. Особое внимание уделяется анализу проявлений трансформации современного общественного сознания.

Результаты проведённого исследования. В повседневной жизни современный человек сталкивается с огромными потоками информации, получает знания из самых разных, порой противоречащих друг другу источников. При этом критерии, по которым информация принимается или отвергается, могут быть совершенно отличными. Отличительной особенностью постнеклассического типа рациональности является способность к оперативному принятию решений на основании использования значительного объёма информационных данных. Слабой стороной данного типа рациональности является вовлечённость его носителей в поле различных информационных манипуляций.

Теоретическая и / или практическая значимость данного исследования заключается в анализе трансформаций общественного сознания, который позволит через исследование современных тенденций построить образ рациональности будущего.

Ключевые слова: рациональность, информация, глобализация, мировое сообщество, угрозы современности

THE CHALLENGES OF MODERNITY: RATIONALITY AS AN ANSWER

T. Stotskaya

Samara State Technical University

244 Molodogvardeiskaya ul., Samara 443100, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article is devoted to the analysis of the philosophical and ideological content of the problem of man vs technogenic civilization.

Methodology and Approach. The author identifies the main trends in changing priorities in human attitude to the world in the context of globalization. Special attention is paid to the analysis of the manifestations of the transformation of modern social consciousness.

Results. In everyday life, a modern person is faced with huge flows of information, receives knowledge from a variety of sources that sometimes contradict each other. However, the criteria for accepting or rejecting information may be completely different. A distinctive feature of the post-non-classical type of rationality is the ability to make operational decisions based on the use of a significant amount of information data. The weak side of this type of rationality is the involvement of its carriers in the field of various information manipulations.

Theoretical and / or Practical Implications of this article lie in the analysis of transformations of public consciousness, which will allow us to build an image of the rationality of the future through the study of current trends.

Keywords: rationality, information, globalization, world community, threats to modernity

ВВЕДЕНИЕ

Трансформации современного мира – как гуманитарного, так и технологического содержания – являются объектом пристального изучения философским сообществом, которое достаточно обоснованно констатирует формирование нового типа рациональности. Рациональность у многих исследователей XX в. связывалась с определенным типом *отношения* к миру, свойственным преимущественно (а для ряда авторов — исключительно) современной научно-технической цивилизации. Проблематика стала актуальной в начале XX века, когда постиндустриальная эпоха создала новые формы коммуникации и передачи информации – интернет, информационные сети, которые постепенно вытеснили традиционные формы и упрочили своё значение, доведя его до доминантного. Применяя в исследовании подход к изучению рациональности, предложенный В. С. Стёпиным [6], можно попытаться выделить отличительные особенности постнеклассической рациональности, проявляющиеся в самых разных областях человеческого бытия в сравнении с классической и неклассической парадигмами.

ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Носители классической парадигмы стараются выстроить целостное и, по возможности, непротиворечивое мировоззрение, хотя это и непростая задача в постоянно меняющемся мире. При этом недостаток информации может быть компенсирован верой, не обязательно религиозной. Это может быть вера в свободу, справедливость, закон, прогресс или в другие ценности. Вера, опора на традиции и авторитеты помогают принимать решения в сложных ситуациях.

Неклассическая парадигма ставит тезис существования абсолютного знания под сомнение. Её представители исходят из отрицания «абсолютного» научного метода, убеждения в том, что ответ зависит от способа постановки вопроса.

В споре рождается истина. Поиск истины – это бесконечный процесс, путь, на котором альтернативные мнения и гипотезы в равной мере ценны. При этом носители неклассического типа рациональности демонстрируют большую, нежели классики, гибкость, стараются услышать оппонента, обнаружить в его аргументах здоровое зерно.

Важной частью неклассического типа рациональности является критическое мышление. Критическое мышление – способность человека ставить под сомнение как поступающую информацию, так и собственные убеждения. Это умение предполагает стремление обнаруживать слабые места не только в чужих, но и в своих собственных рассуждениях. Таким образом, в повседневной жизни сильной стороной неклассического типа рациональности является способность понять оппонента и признать ограниченность своей точки зрения.

Особенностью неклассического типа рациональности является также неспособность вынести суждение при отсутствии достаточных оснований. Эта особенность выталкивает носителей неклассического типа рациональности на периферию общественной жизни.

Постнеклассический тип рациональности учитывает влияние на формирование содержания знания культуры, эпохи, рассматривает теорию и условия, в которых она возникла, как единое целое.

В повседневной жизни современный человек сталкивается с огромными потоками информации, получает знания из самых разных, порой противоречащих друг другу источников. При этом критерии, по которым информация принимается или отвергается, могут быть самыми разными. Убедительной может стать информация, полученная из известного источника, часто повторяемая, оформленная в определённом стиле и т. д.

Сильной стороной постнеклассического типа рациональности является способность быстро принимать решения на основе больших объёмов данных. Слабой стороной данного типа рациональности

является то, что в повседневной жизни его носители легко становятся объектами различных информационных манипуляций.

НОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ОПАСНОСТИ

Сегодня в повседневную жизнь как общества в целом, так и каждого человека прочно вошли новейшие технические средства, скоростной транспорт, новые системы коммуникаций. Скорость распространения информации поражает. На первый план постепенно выходит не само содержание знания, а алгоритм его получения. Он (алгоритм) должен быть максимально прост, понятен и, главное, эффективен [7].

Несомненно, что эти изменения служат на благо человечества, упрощая его повседневную жизнь. Однако одновременно появились и негативные побочные явления. Так, итальянский учёный, исследовавший глобальные модели развития человечества, основатель и президент Римского клуба Аурелио Печчеи в своей книге «Человеческие качества» ещё в середине прошлого века выразил серьёзную обеспокоенность тем, что развитие техники, основанной на науке, превращается в неуправляемый человеком процесс. «Нынешний глобальный кризис – где все элементы человеческой системы оказались неуравновешенными друг с другом – является прямым следствием неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его новой могущественной роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нём» [5, с. 17].

С одной стороны, глобализация объединяет международное сообщество в единое целое и должна привести его к единству, информационному, экономическому и культурному, должна стереть противоречия между государствами и народами, превратив мировое пространство в единое целое.

Но, с другой стороны, в действительности, с развитием глобальных процессов, таких как мгновенное перемещение инфор-

мации, капитала, товаров и услуг, возникла неустойчивость, которая обусловлена виртуальностью экономических процессов, управляемых транснациональными компаниями посредством современных электронных технологий. Капитал превратился в особую надгосударственную реальность, управляемую транснациональными компаниями. Таким образом, большинство населения мира оказалось вне этого процесса, произошло расслоение человечества по уровню доходов и, соответственно, по доступу к природным ресурсам. Создавшаяся неустойчивость усиливается и неравномерным экономическим развитием разных государств, население и даже правительства менее развитых в этом отношении стран не готовы и не хотят стать средством существования и обогащения транснациональных компаний [1].

В научном исследовании «Глобализация как процесс самоорганизации» В. Г. Ваниярхо, профессор кафедры химии МИРЭА (ТЭ), и В. О. Чкаурели отмечают: «Структура процессов глобализации формирует одинаковую структуру процессов социально-экономических отношений для стран одного уровня экономического развития» [2]. Таким образом, возникают различные по однородности социально-экономические процессы, общие для стран примерно одинакового уровня экономического развития. Следует дополнить: только для государств с примерно одинаково высоким уровнем экономического развития. Остальные государства должны войти в глобальное мировое сообщество как сырьевой придаток или как место расположения крупнейших транснациональных предприятий, где можно применять дешёвую рабочую силу. Безусловно, это вызывает протест со стороны последних, который выражается, в том числе, и в международном терроризме. Таким образом, процесс глобализации привёл к глобальному политическому кризису. Но и развитые страны сегодня постоянно находятся в кризисном состоянии: ипотечные, банковские кризисы и т. д. При этом благодаря

глобализации кризис охватывает в большей или меньшей степени все страны.

Ещё в первой половине XX века В. И. Ленин, а позднее А. В. Луначарский в «Воспитании нового человека» отмечали, что для построения справедливого общества необходимо изменение сознания людей путём образования и соответствующего воспитания. Однако за семь десятилетий советской власти принципиально новых советских людей воспитать не удалось, хотя и был сформирован особый тип – «хомус советикус» – с новыми проблемами при сохранении старых. В своё время тот же А. Печчеи сделал вывод, что решение проблемы лежит внутри человека, заключаясь в «человеческих качествах» каждого, т. е. в «средних» качествах всех жителей планеты. В них же Печчеи видит и истоки создавшихся проблем, поскольку, по его мнению, уже построено общество потребления, члены которого в погоне за комфортом и благополучием разрушают природу при помощи всё новых видов техники, ставят науку на службу самым богатым и влиятельным и т. п. Следовательно, грядущим поколениям достанется изуродованная как физически, так и социально планета [5, с. 29].

Таким образом, как подчёркивает Печчеи, в мире разворачивается не только экологический кризис. Радикально изменился образ жизни, внутреннее состояние общества, отношения людей. Эти изменения в целом можно назвать изменением рациональности.

Подобно новым явлениям в окружающей среде, в социуме также возникли и развиваются побочные негативные явления, остановить которые уже невозможно. Следовательно, кроме глобального экологического кризиса, человеческое общество переживает и глобальный социально-гуманитарный кризис. Если традиционное общество было достаточно устойчивым, поскольку в нём господствовали взаимосвязи между людьми, интересы всего общества и сообществ, а личные интересы чаще всего были подчинены им, работало чувство долга перед близким окружением, се-

мьей, общиной, государством, то в последние полвека, когда в развитых странах уже сформировалось новое, глобальное, общество, общество потребления, на передний план выходят материальные интересы каждого индивидуума. Если же учесть то, что незыблемость семейных уз в обществе потребления стремительно теряет свою значимость, то и семейные связи перестают быть прочными и не ограничивают индивидуума. Социологи всё чаще констатируют трансформации института семьи в сторону нивелирования её ценностей.

Человек традиционного общества ощущал себя его частью, носителем его культуры и традиций. Глобализация привела к размытию границ и связей, привела к ослаблению коммуникаций, взаимосвязей между людьми, что позволяет говорить о социальных трансформациях традиционного общества. В обществе потребления главным ценностным критерием становится материальный уровень каждого, общественные интересы отступают перед личными. Даже религия, которая по своему определению является объединяющей силой, подчас становится формальной, что способствует разрыву духовных связей. Человек остаётся один, теряются связи с социальной группой. Это усиливает криминальность общества: стираются ограничительные рамки, увеличивается количество маргиналов, перестаёт действовать общепринятая ранее мораль. Поскольку человек уже не ограничен прежними общепринятыми в социальных группах нормами, он теряет устойчивость поведения, что может оказаться катастрофичным при решении возникающих социальных проблем.

На этом фоне на нижнем уровне возникают простейшие неконструктивные сообщества. Обостряются национальные противоречия не только между странами, но и внутри них: проблема басков в Испании, каталонцев во Франции, ирландцев в Великобритании и т. д. Последние события, связанные с притоком беженцев в страны Европы, заставляют по-новому взглянуть на прозрачность границ, одна-

ко возврат к прежнему уже невозможен, в результате приходится приспосабливать установившиеся порядки к реальным изменениям.

Можно говорить об изменении социальной психологии, которая становится психологией массового общества. Одна из особенностей общества такого типа – мощный информационный поток, осмыслить и «переварить» который человек не может физически, его организм усваивает только то, что постоянно повторяется. От направленных на него информационных потоков зависят настроения массового общества, что даёт возможность информационного управления им. Эти информационные потоки могут нести сообщения в нужном им ключе, при этом нежелательная информация замалчивается. Таким образом, поведение общества программируется в расчёте на прогнозируемую им оценку ситуации и ответные шаги, которые позволяют достигнуть желаемого. Подобное управление можно назвать рефлексивным. Другой метод управления – трансформационный, когда подаваемый поток информации направлен на размывание принятых обществом смыслов, ценностей, мировоззрения, приоритетов, симпатий и антипатий [3, с. 44]. На первый план выходит умение формировать поток информации, направлять его в заданном ракурсе и манипулировать массовым сознанием. Информация, неся как созидательное, так и разрушительное воздействие, способна внести значительные изменения в картину мироощущений и мировоззрений человека, меняя его когнитивные установки. «Поэтому научная область управления психологическими операциями и защиты от них является сейчас в ряде ведущих стран одной из приоритетных для фундаментальных исследований» [4, с. 5].

Сейчас практически каждый субъект, имея телефон и доступ к Интернету, входит в состав всемирного информационного поля, что даёт возможность заинтересованным структурам держать его под полным контролем. Достоянием всеобщего информационного пространства стано-

вятся многие личные действия человека: от высказываний в Сети до электронных платежей.

С определённой долей уверенности можно утверждать, что в России ситуация более сложная, чем в других странах, поскольку за последнюю четверть века она пережила достаточно резкий переход от социалистического общества к обществу, которое сегодня с трудом можно назвать капиталистическим, поскольку значительная часть населения не только воспитывалась, но и жила в условиях фактической изоляции от остального мира. При этом радикальные изменения в государственном и общественном устройстве были положительно восприняты далеко не всем обществом. Это усугубляется тем, что новые представления об общественном порядке не оправдали себя, а показали свою несостоятельность на протяжении кратчайшего исторического периода. Мир идеологически выстроенной уверенности в неизбежности наступления «светлого будущего» и всеобщей справедливости сменился миром неопределённости, неуверенности в завтра. Многие российские граждане, особенно представители старших поколений, испытывают внутренний кризис, разлад с реально существующим миром. В последнее время этот кризис усугубляется материальной нестабильностью, боязнью бедности и голода, который помнит старшее поколение. Трудоспособное население испытывает страх потери работы из-за оптимизации условий труда за счёт активного внедрения информационных технологий, не нуждающихся в использовании человеческого ресурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность изучения состояния современного общества связана с многоаспектностью проявлений трансформаций (наука, экономика, психология и др.). Особенное положение можно наблюдать в России, что связано с глобальными социально-экономическими потрясениями XX века. Но с достаточной долей уверенно-

сти можно констатировать: современная реальность такова, что информационно-технический прогресс существенно опережает духовное развитие человечества. Пафос Ж. Ж. Руссо, призывающего человека вернуться в прошлое, в свой «золотой век», где он был менее цивилизован, но более нравственен, становится всё более актуальным. Самоуверенность человека в своих познавательных возможностях,

воспетая Ф. Бэконом и новоевропейскими эмпиристами, спустя три века сменилась растерянностью, тревогой и страхом человека за своё будущее. Но именно Разум, и являющийся создателем науки, техники, цивилизации в целом, может стать тем единственным средством спасения для самого себя.

Статья поступила в редакцию 25.02.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/vallerstayn-konec_znakomogo_mira-8l.pdf (дата обращения: 28.01.2020).
2. Ванярхо В. Г., Чукарели В. О. Глобализация как процесс самоорганизации // Глобализация: синергетический подход. [Сайт С. П. Курдюмова]. URL: <http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-kak-process-samoorganizacii/> (дата обращения: 28.01.2020).
3. Голицын Г. А., Петров В. М. Информация. Поведение. Творчество. М.: Наука, 1991. 221 с.
4. Петухов А. Ю. Манипуляции сознанием в современных информационных войнах. Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 59 с.
5. Печчеи А. Человеческие качества / Аурелио Печчеи. Пер. с англ. О. В. Захаровой. М.: Прогресс, 1985. [Электронный ресурс]. URL: <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/articles/peccei/ch2.html> (дата обращения: 28.01.2020).
6. Степин В. С. Теоретическое знание: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
7. Стоцкая Т. Г. Сетевое общество и виртуальная реальность // Научный взгляд в будущее: международное периодическое научное издание. Вып. №11. Одесса, ноябрь 2018. Том 2. С. 71–75.

REFERENCES

1. Wallerstein I. The End of the World as We Know It (Russ. ed.: V. L. Inozemtsev, transl. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Translated from English under the editorship of V. L. Inozemtsev. Moscow, Logos, 2003). Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/vallerstayn-konec_znakomogo_mira-8l.pdf. (accessed: 28.01.2020).
2. Vanyarkho V. G., Chkuaireli V. O. *Globalizatsiya kak protsess samoorganizatsii* [Globalization as a process of self-organization]. In: *Globalizatsiya: sinergeticheskii podkhod* [Globalization: a Synergistic Approach]. [Site of S. P. Kurdyumov]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-kak-process-samoorganizacii/> (accessed: 28.01.2020).
3. Golitsyn G. A., Petrov V. M. *Informatsiya. Povedenie. Tvorchestvo* [Information. Behavior. Creativity]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 221 p.
4. Petukhov A. Yu. *Manipulyatsii soznaniem v sovremennykh informatsionnykh voynakh* [Manipulation of Consciousness in Modern Information War]. Nizhny Novgorod: NSU named after N. I. Lobachevsky Publ., 2015. 59 p.
5. Peccei, Aurelio. Human Qualities (Russ. ed.: O. V. Zakharova, transl. *Chelovecheskie kachestva*. Transl. from English by O. V. Zakharova. Moscow, Progress Publ., 1985). [Electronic resource]. Available at: <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/articles/peccei/ch2.html> (accessed: 28.01.2020).
6. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie: monografiya* [Theoretical Knowledge: A Monograph]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p.
7. Stotskaya T. G. *Setevoe obshchestvo i virtual'naya real'nost'* [Network society and virtual reality]. In: *Nauchnyi vzglyad v budushchee: mezhdunarodnoe periodicheskoe nauchnoe izdanie* [Scientific View of the Future: An International Periodical Scientific Publication]. Issue no. 11, Odessa, November 2018, vol. 2, pp. 71–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стоцкая Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского государственного технического университета;
e-mail: stotskaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana G. Stotskaya – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Samara State Technical University;
e-mail: stotskaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стоцкая Т. Г. Вызовы современности: рациональность как ответ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 20–26.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-20-26

FOR CITATION

Stotskaya T. G. The Challenges of Modernity: Rationality as an Answer. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2020, no. 2, pp. 20–26.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-20-26

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 37.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-27-34

DIALOGUE AS A METHOD OF MODERN EDUCATION

D. Kostadinovich¹, Ya. Bondareva²

¹University of Niš

²Univerzitetskitrg, Niš 18106, The Republic of Serbia

²Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Purpose: substantiation of new approaches in the education system at the post-non-classical stage: dialogical, existentialist, hermeneutic, synergetic, which focus not on the object and the search for objective truth, but on the subject with all the wealth of its spiritual world and subject-subject relations both in education and in all other spheres of human activity.

Methodology and Approach. The work is based on a systemic approach, taking into account the interdisciplinary significance of the subject.

Results. It has been revealed that a dialogic method presupposing a parity dialogue at all levels can be a means of solving both private problems and a global survival issue.

Theoretical and / or Practical Implications. The research results can be used to improve the competency-based approach in the education system under modernization.

Keywords: education, dialogue, hermeneutics, subject of educational activity, holistic personality, worldview

ДИАЛОГ КАК МЕТОД СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Костадинович Даниэла¹, Бондарева Я. В.²

¹Университет в Нише

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – обоснование новых подходов в системе образования на постнеклассическом этапе: диалогического, экзистенциалистского, герменевтического, синергетического, – где главное внимание уделяется не объекту и поиску объективной истины, а субъекту со всем богатством его внутреннего духовного мира и субъект-субъектным отношениям как в системе образования, так и во всех других сферах человеческой деятельности.

Процедура и методы исследования. Работа выполнена на основе системного подхода с учётом междисциплинарной значимости изучаемого предмета.

Результаты проведённого исследования. Выявлено, что именно диалогический метод, а вместе с ним – и паритетный диалог на всех уровнях, в состоянии обеспечить решение как частных проблем, так и глобальную проблему выживания всего человечества.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании компетентного подхода на этапе модернизации системы образования.

Ключевые слова: образование, диалог, герменевтика, субъект образовательной деятельности, целостная личность, мировоззрение

INTRODUCTION

The formation of the modern model of education is taking place in the context of the global anthropic crisis, the essence of which is the lag in the spiritual and moral development of mankind from scientific and technological progress. Equally, this state is inherent both in Russia and in Serbia. In this situation, building a system of training and education, the state, society and family should fully recognize that education is a multifaceted, complex concept. It denotes the scope of social practice, and the industry system, and a specially organized process, and a certain result of activity. Depending on what meaning is put into this concept, the goals and objectives of education are formulated; methodologies and methods of teaching and educating the younger generation are selected.

MORAL FOUNDATIONS OF THE MODERNIZATION OF EDUCATION IN THE POST-NON-CLASSICAL ERA

Modernization processes in education are taking place against the background of the dominance of the post-non-classical paradigm in science, the most significant features of which are the spread of interdisciplinary and problem-oriented forms of research activity; dissemination of comprehensive research programs; combination of basic and applied research; intensification of the processes of integration and differentiation in the construction of the picture of knowledge; the desire to reflect reality, in the center of which is a person, the problems of values and the meaning of his being; the inclusion of value factors in the explanatory provisions of scientific re-

search; approval of the principle of historical reconstruction in studies of various levels and areas; increasing importance for the development of sciences of socio-economic, spiritual, political and other factors and goals; the concept of science as part of society, determined by the general state of culture.

What are the ways of integrating post-non-classical science with education?

In the history of the development of education, at least two basic philosophical and pedagogical paradigms of understanding its essence have developed. The first considers education as transfer and assimilation of knowledge, comprehension of truth. In its developed form, this educational system is based on the principles of classical rationalism. It is focused on recognition as a model of any knowledge of the natural sciences, in the system of which man was also considered.

Objective truth, the source of which is a textbook or teacher, is the main goal of education and is presented in a monological form. Here, the teacher, as the holder of the universally recognized scientific truth, carries out the “teaching ... of the unknowing and erring.” The student thus appears in the role of the object of teacher’s influence. Such an attitude Michael Bakhtin called «pedagogical dialogue»¹, but it should be considered only as an imitation of dialogue in a philosophical sense.

The orientation to a narrowly disciplinary approach without horizontal interdisciplinary connections, a strict distinction between humanities and sciences, the separation of teach-

¹ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 томах. Т. 2. М.: Русское слово, 2000. С. 61 [Bakhtin M. M. Problems of Dostoyevsky's Poetics / Bakhtin M. M. Collected Works in 7 volumes. Vol. 2. Moscow, Russkoe slovo, 2000, pp. 61].

ing and upbringing brought to life a narrow specialist overloaded with information. Such a specialist lacks a holistic worldview and a harmonious picture of the world, having a fragmented vision of reality instead, which under the conditions of modern technological progress can pose a danger to all mankind. Reliance mainly on scientific truth develops formal intelligence and makes a person «having a ready-made judgment for all occasions»¹.

In modern conditions, another philosophical and pedagogical paradigm is emerging, since society, having experienced the achievements and tragedies of industrial civilization, has entered the post-industrial, informational stage of its development. It became clear that the more complex and diverse humanity becomes, the further it progresses in creating, on the basis of natural science knowledge, civilizational benefits of a comfortable existence, the more obvious is the dependence of its further progress on the degree of mastery of the social and humanitarian sciences and orientation to the system of moral values. In contrast to the industrial one, the information society, in the opinion of the French sociologist J. Ellul, is «culture-centric» [4]. Here, the intellect and spiritual constant of the individual and the whole society take on a whole new meaning: survival in a global crisis requires a person to gain his wholeness.

In this situation, education should become assimilation of culture, on the basis of which the image of the future society arises, the «matrix» of its further development is laid, staff is trained to form a new infrastructure for its existence. Such ideas were developed by the representatives of hermeneutics. Thus, G. Gadamer, considers education as a «historical concept», related to the number of «leading humanistic concepts», the content of which varies depending on the stage of development of society as a whole [5].

So, the historical need arose for a new view of man, the conditions of his being, and a different understanding of the nature and goals of education.

The European and Russian philosophers of the era of religious and philosophical renaissance, as well as European and Russian representatives of the dialogical direction, hermeneutics, existentialism and synergetics made a great contribution to the outreach on these issues.

So, according to Vladimir Solovyov, the task of education is the formation of a «whole personality», and the means – «whole knowledge». He proceeded from the fact that knowledge cannot be reduced only to a theoretical level, but must correspond to all human needs. He identified three types of needs:

1. Achievement of theoretical knowledge, in other words – the search for truth.
2. Achievement of good (social sphere). This is an area of morality or, in modern language, moral and legal education.
3. Creating beauty through creativity and aesthetic development².

The development of ideas Solovyov about the need to develop a philosophical justification of the education system is associated with the name of the famous scientist-teacher, philosopher and publicist S. I. Hesse (1887–1950), whose main problem was the question of the role of pedagogical science in teaching and upbringing. Considering pedagogy as a science, the subject of which is educational activity, S. I. Hesse divided all sciences into theoretical and practical. «The former investigate being as it exists, regardless of our human goals and desires... They see their goal in establishing the laws of things... Practical sciences that establish the rules or norms of our activity are very different from them. This is a science not about existing, but about what's due, exploring not what is, but how we should act... Obviously, these are the sciences that include pedagogy»³.

² Соловьев В. С. Философские начала цельного знания / Собрание сочинений В. С. Соловьева. Т. 1. СПб., 1873–1877. С. 250–406 [Solovyov V. S. The Philosophical Foundations of Integral Knowledge / Collected Works. Vol. 1. St. Petersburg, 1873–1877, pp. 250–406].

³ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-пресс, 1995. С. 22–23 [Hesse S. I. Foundations of Pedagogy. Introduction to Practical Philosophy: textbook for universities. Moscow, Shkola-press, 1995, pp. 22–23].

¹ Rosenstock-Huussy O. The Language of the Human Race. Moscow, 2000, pp. 31.

In essence, these ideas can be regarded as the prologue to a new anthropology in which a person, according to the thought of the Russian philosopher Sergei Bulgakov appears as a thinking, social and creative being in the world¹. The implementation of such anthropological ideas required a new look at the essence of education and its historical nature and social role. Thus, dialogue philosophers (M. Bakhtin, O. Rosenstock-Hüssi, M. Buber) consider education not only as a sphere of narrow professional activity of teachers, but as a great «model of any life that takes place in time». According to this model, the cultivation of the human race, its feeding and education takes place. Education fulfills its functions by connecting «people of different times among themselves», connecting generations in a common space (O. Rosenstock-Hüssi). He explores the mechanisms of this process, the ways of interaction of participants in the «educational space» – a concept that is widely used by modern teachers. The meaning of the relationship that the teacher and student enter into is to establish a «learning community». The participants in this process seem superficially only contemporaries, but, in fact, they are «from different times»². At first glance, this statement seems absurd: after all, we all live in the same physical space and time. However, in the process of education it is necessary to create an intellectual and spiritual unity of the representatives of different generations, otherwise the problem of misunderstanding of «fathers and children» will arise again and again.

THE TASKS OF «LEARNING COMMUNITY»

In the «learning community» two tasks are tackled. First: the teacher brings to the student knowledge about life «preceding his birth», seeks to «spiritualize» the student, arouses the desire to comprehend the past and use the knowledge gained to build his future. Every

teacher, according to O. Rosenstock-Hüssi, «embodies for the student not his own time, but his whole life from Adam and from time immemorial... On the contrary, the student does not embody for his teacher his own youth, but the whole subsequent world up to the Last Judgment». During the dialogue, the teacher and the student establish a «balance between the past and the future», and become owners of the joint time. the same way, as says O. Rosenstock-Hüssi, «nurturing and learning create the present», and «the right way to nurture this destroys both the old and the young, the abyss that separates not only their times, but all times as a whole». This means, according to the philosopher, «that man was created in order to belong to all times»³.

In this dialogue, the second task is also fulfilled: the education of a person, the formation of his personality. In this case it is again necessary to recognize and resolve another contradiction. It lies in the fact that educators often offer the student images of a person «in a finished form even before the learning community is established». Then often the student simply rejects such ideals, be it a «comprehensively developed personality», an English gentleman or a « blonde beast». A good upbringing will succeed to the extent that the educator and the educated are able to abandon their own ideals of man and, as a result of joint «endless efforts», come to create a real image of man, to the fact that «an animal named «man» can really become a man»⁴. In this case, the student ceases to be the object of pedagogical influence of an adult and becomes an equal participant in their dialogue. The dialogue in which the «learning community» is born and the tasks are fulfilled, M. Buber calls a «real dialogue». This is a spontaneous dialogue, not predetermined in any of its parts; in it everyone turns directly to his partner and calls for an unpredictable response. According to M. Buber, each «real lesson» should be a «meeting» of the teacher and the student, look like a «real, not a toy

¹ Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры. Соч. в 2-х томах Т. 2. М., 1993. С. 637–643 [Bulgakov S. N. Dogmatic Substantiation of Culture. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1993, pp. 637–643].

² Rosenstock-Huussy O. *The Language of the Human Race*. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000, pp. 31.

³ Ibid.

⁴ Rosenstock-Huussy O. *The Language of the Human Race*. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000, pp. 31.

duel», carried out in live speech¹. In this case, the authority of the teacher should flow from his personality. The teacher is a concentrated expression of the outside world with its requirements and rights regarding the child. In the eyes of a child, the teacher personifies and embodies all adult reality. He presents the curriculum (knowledge and skills), social behavioral attitudes, moral imperative (values).

These philosophical ideas turn out to be appropriate in the conditions of modern education, although they are still not dominant.

The curriculum of the modern education system includes the materials of three types of culture: natural sciences, socio-philosophical disciplines and subjects of a «spiritual-figurative» culture.

Back in the early twentieth century, the poet, philosopher, and writer Dmitry Merezhkovsky (1865–1941) gave a philosophical substantiation of the essence of these three types of culture. In their unity they represent the ontological, axiological and anthropological aspects of the vision of the world and man. In the first case, culture appears as a process of creating a new being, in the second – as a system of values. In the third – as a problem of a person, carrier and creator of culture.

All of them contain certain ideas, focused on spiritual and material values, expressed in different forms of natural verbal language, the language of sounds, colors and movements, or a special language of scientific symbols. However, the real significance of these elements in different subjects is different, and the hierarchy of accents characterizes the specifics of each type of culture. Within the cycle of natural sciences, the problem of understanding the truth, the laws of the development of the objective world, creating new scientific ideas, theories and hypotheses, mastering the conceptual apparatus of the language of science is being solved. Scientific theories and programs are born as a result of contemplation and observation, experiment and mental operations at various levels. In this cycle, the meanings of all categories and concepts are strictly unambiguous; they can easily be found

in the corresponding scientific dictionary. They record the already «become» (past) state of the objects of study. Their purpose is a practical use of knowledge to build a civilization.

The development of man as a social being occurs through the realization of the potential of the socio-philosophical block. Its main content is social and moral values, which cannot be scientifically substantiated and proved, but are accepted by our consciousness simply because we are people, not natural beings. Entering the field of social and humanitarian knowledge, we begin to experience some difficulties in determining the meaning of various social science concepts and terms. The reason for this is that in different systems for describing the social world, meanings can include definitions that are opposite in meaning, although each of the systems fixes them quite clearly. Ideas and values of the subjects of the socio-philosophical cycle are born from the actual needs of society, but they are all facing the future [7].

The third area of human existence is the sphere of creativity, a spiritually-shaped culture. Its main instrument is the national language, the language of various fields of culture, presented in the form of various texts. Each of the types of spiritual-shaped culture is the result of individual creativity with its own unique language, and therefore fundamentally untranslatable into another semantic system. Spiritually shaped culture is a form of memory in which the experiences of people are recorded, events that take place in the past, but, of course, affect the present and future. It is in this sphere that the beauty and perfection of the world and man is comprehended.

However, the presence of these three forms of culture in the educational system does not automatically lead to the formation of a «whole person». «Whole person» arises where the educational process allows you to organically combine truth as a result of mastering theoretical knowledge, comprehension of goodness on the basis of moral and legal education and the ability to perceive and create beauty as the quintessence of aesthetic education and upbringing, quite in the spirit of antiquity [1]. The listed characteristics determine the combined cognitive map of the personal-

¹ Бубер М. Проблема человека. М., 1993. С. 154
[Buber M. *The Problem of Man*. Moscow, 1993, pp. 154].

ity and the study group, including the desire and ability for various ways of describing the world, the need to learn diverse value orientations, and the need to understand languages of different types of culture and the specifics of different stages of development of domestic and world culture. The idea of an organic connection of truth, goodness and beauty, which should be realized in the system of education and upbringing, was actively developed by philosophers of the 19th and 20th centuries.

The development of different types of culture is carried out on the basis of various texts. The philosophers of the dialogical and hermeneutic direction in the 20th century revealed the dialogical nature of the text, its ontological, epistemological, educational and educational functions. Famous Russian philosopher and philologist M. Bakhtin investigated the principles of understanding any text. He wrote: «The event of the life of the text, that is, the true essence always develops at the boundary of two consciousnesses, two subjects»¹. One subject is the author of the «text as an object of study and reflection», and the other is the author of the «created framing the context (questioning, understanding, commenting, objecting, etc.)»². The text cannot be treated as a «thing», behind it is the personality, its consciousness, and this «second consciousness, the consciousness of the perceiver, cannot be eliminated or neutralized»³. The meeting of subjects «in the frontier spheres» will make it possible to penetrate into the deep meaning of the text, to understand it not as a reality, reflecting only the past state of the object, but as the possibility of the emergence of new meanings that reveal the «incomplete» being-event. Yuri Lotman in his studies concluded that the text «reveals the properties of an intel-

lectual device», which, as a carrier of cultural memory, «transfers information embedded in it from outside», «transforms messages and produces new ones» [3]. Moreover, in the process of interaction with the audience, «the text ceases to be only a mediator in the act of communication. He becomes an equal interlocutor with a high degree of autonomy» [3].

Understanding the text always implies the possibility of different interpretations of its content. Reliance in teaching on the text, reading it on the principles of dialogic and hermeneutic analysis allows us to answer the fundamental philosophical question: how is it possible not only to explain, but also to understand the world around us, how is the truth of being embodied in this understanding? The difference between understanding and explanation is that when explaining, when one consciousness acts, cause-effect relationships are revealed. Understanding, on the contrary, is dialogical; it is achieved with at least two consciousnesses. This is evidence of the communicative nature of knowledge. According to G. Gadamer, genuine understanding is not only reproductive, restoring the original, «dead meaning» in the text, but always also a productive attitude. It requires constant consideration of the historical distance between the interpreter and the text, the interaction of the past and present spiritual atmosphere, which leads to the birth of an infinite number of new meanings. In this context, the idea of Lotman is significant for us on the language of education. He notes that any terms and concepts have «meaning only in relation to the model of the world of which they are a part». And «when we ascribe a word in a historical context to a «simple», «obvious» meaning, then most often the substitution of the meaning from the contemporary model of the world to the researcher occurs [3]. In order to avoid incorrect modernization of the content, the teacher should keep in mind that in teaching both social and humanitarian disciplines and the natural sciences, it is necessary to turn to different ways of understanding the world: the experience of philosophy, art, history itself. They also «declare truth that is not subject to verification by the methodological means of science» (G. Gadamer) [5].

¹ Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. М.: Русское слово, 2000. С. 310 [Bakhtin M. M. The Problem of the Text / Bakhtin M. M. Collected Works in 7 volumes. Vol. 5. Moscow, Russkoe slovo, 2000, pp. 310].

² Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. М.: Русское слово, 2000. С. 310 [Bakhtin M. M. The Problem of the Text / Bakhtin M. M. Collected Works in 7 volumes. Vol. 5. Moscow, Russkoe slovo, 2000, pp. 310].

³ Ibid.

The teacher's understanding of the dialogical nature of the text is a condition for successful interaction with the student. A variety of texts create a space of a dialogue in which there are opportunities to satisfy the spiritual needs of the participants in the «learning community», to form each one's own model of the world on the basis of personal experience and build a strategy for behavior in life. Here, the teacher and the student are equal participants in the meeting, personalities whose values are worthy of respect and can influence the essence of the dialogue. Work with the text, the development of different layers of its content contributes to the development of universal interdisciplinary skills: to defend one's own point of view, respect another, find and formulate problems, outline ways and methods of solving them.

CONCLUSION

Thus, modern education, fulfilling its role as the most important sphere of society, in determining goals and objectives should be based on

the integrated use of social, humanitarian and natural sciences, philosophical and artistic-figurative knowledge. Its main goal should be the development of the personality of an «integral person», who knows the world and acts also in the interests of the whole society.

In the information society [2], given the awareness of the multiplicity and continuity of the world, it is impossible to focus on a single methodological approach and a single model of the world. Along with rationalism, other methodological approaches, such as dialogic, existentialist, hermeneutic, synergetic, have gained the right to exist. In them, it is not the object and the search for objective truth that comes to the fore, but the subject with all the richness of his inner spiritual world and subject-subject relations, both in education and in all other spheres of human existence. A parity dialogue at all levels can only provide a solution to particular problems and the survival of all mankind.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020.

REFERENCES

1. Burenkov S. V. [Anthropology and Axiology of Labour: Hellas]. In: Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy, 2017, no. 1, pp. 39–45.
2. Gorbunov A. S. [Personality in the Context of State Information Security]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian Teacher], 2017, no. 5 (114), pp. 64–68.
3. Lotman Yu. M. *Tekst kak semioticheskaya problema* [Text as a Semiotic Problem]. In: *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i* [Lotman Yu. M. Selected papers: in 3 volumes]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. pp. 131
4. Ellul J. *Autopsy of Revolution* / Transl. from the Fr. by Patricia Wolf. New York, Knopf, 1971. 300 p.
5. Gadamer H. G. *Truth and Method*. London; New York, 2004. 637 p.
6. Janic Z., Maikova V. P., Maikova N. O., Ilchenko D. A. Spiritual and moral personality development as a factor society safe existence. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Atlantis Press Publ., 2019, pp. 1193–1197.
7. Yanich N., Maikova V. P., Molchan E. M., Tihvinskiy P. N., Maykov A. I. Personality digitalization as a quantum discord of social reality. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Atlantis Press Publ., 2019, pp. 11–14.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буренков С. В. Антропология и аксиология труда: Эллада // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. №1. С. 39–45.
2. Горбунов А. С. Личность в контексте информационной безопасности государства // Сибирский учитель. 2017. № 5 (114). С. 64–68.
3. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 томах. Таллинн: Александра, 1992. С. 131.
4. Ellul J. *Autopsy of Revolution* / Transl. from the Fr. by Patricia Wolf. New York, Knopf, 1971. 300 p.

5. Gadamer H. G. *Truth and Method*. London; New York, 2004. 637 p.
6. Janic Z., Maikova V. P., Maikova N. O., Ilchenko D. A. Spiritual and moral personality development as a factor society safe existence. In: *Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019)*. Series: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Moscow, Atlantis Press Publ., 2019, pp. 1193–1197.
7. Yanich N., Maikova V. P., Molchan E. M., Tihvinskiy P. N., Maykov A. I. Personality digitalization as a quantum discord of social reality. In: *Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019)*. Series: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Moscow, Atlantis Press Publ., 2019, pp. 11–14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danijela D. Kostadinovic – Doctor in Philological sciences, associate professor at the Faculty of Philosophy, University of Niš, The Republic of Serbia;

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Yana Vasilievna Bondareva – Doctor in Philosophical sciences, Professor, Head at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костадинович Даниэла Д. – доктор филологических наук, доцент факультета философии, Университет Ниша, Республика Сербия;

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Kostadinovic D., Bondareva Ya. V. Dialogue as a method of modern education. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: *Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 27–34.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-27-34

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Костадинович Д. Д., Бондарева Я. В. Диалог как метод современного образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 27–34.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-27-34

УДК: 304.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-35-43

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ «ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА» СОПРОВОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И В СССР

Михалкин А. Н.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель данной работы заключается в выявлении основных компонентов «правового механизма» сопровождения национальных проектов в современной России посредством использования опыта исполнения социальных обязанностей в СССР.

Процедура и методы исследования. В статье осуществлено выявление причин, которые препятствуют реализации заявленных государством национальных проектов, а также осуществлён анализ и оценка правовых средств, которые использовались в СССР при исполнении государством социальных обязанностей. При проведении исследования применены методы: аналогии, сравнительный, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты проведённого исследования. В работе уточняется ряд понятий, относящихся к правовому сопровождению национальных проектов государства в современной России, раскрыто содержание основных компонентов «правового механизма» сопровождения реализации государством заявленных национальных проектов, выявлена фактическая роль права в деятельности государственных органов страны при решении ими тех задач, которые относятся к социальным.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию права, а также в практику государственно-правового управления.

Ключевые слова: социальные обязанности государства, правовое сопровождение, правовой механизм, фактор, роль

THE MAIN COMPONENTS OF THE "LEGAL MECHANISM" SUPPORTING NATIONAL PROJECTS IN MODERN RUSSIA AND THE USSR

A. Mikhalkin

*Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of this work is to identify the main components of the "legal mechanism" accompanying national projects in modern Russia by using the experience of performing social duties in the USSR.

Methodology and Approach. The article identifies the reasons that hinder the implementation of the national projects announced by the state, as well as the analysis and evaluation of legal means that were used in the USSR in the execution of social responsibilities. The methodology of the research includes: analogy, comparative method, generalization, interpretation of the results.

Results. The work clarified a number of concepts related to the legal support of state national projects in modern Russia, disclosed the contents of the main components of the "legal mechanism" accompanying the implementation of state-stated national projects and revealed the actual role of law in public activities of the country's authorities.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study contribute to the theory of law, as well as to the practice of public-legal administration.

Keywords: social responsibilities of the state, legal accompaniment, legal mechanism, factor, role

ВВЕДЕНИЕ

В своём Послании Федеральному собранию 15 января 2020 года Президент страны отметил, что «национальные проекты» в социальной сфере не в полной мере реализованы. С учётом сложившейся ситуации им были сформулированы требования к Правительству, к региональным государственным властям по разрешению данной проблемы.

Очевидно, что данное требование относится и к учёным, исследующим правовые аспекты деятельности государственных органов, исполняющих национальные проекты.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ» СОПРОВОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И В СССР

А. С. Бедняков и Л. А. Миэринь отмечают, что для реализации национальных проектов и программ государству необходимо «повысить качество принимаемых нормативно-правовых актов, обеспечивающих их реализацию» [1, с. 34].

Примерно такой же позиции придерживается и Б. Н. Порфирьев, изучавший законодательное обеспечение реализации майского 2018 года Указа Президента Российской Федерации [5, с. 178-180].

В связи с этим автор данной статьи, исследовавший проблематику правового обеспечения социальных обязанностей Советского государства, намерен рассмотреть и предложить для широкого круга читателей такой феномен, как «правовой механизм сопровождения» национальных проектов, заявленных и осуществляемых государственной властью современной России. С нашей точки зрения, данный «правовой механизм» имеет значительный потенциал в деле разрешения наличествующих в стране проблем, возникающих при реализации национальных проектов в социальной сфере [3, с. 20].

В качестве обоснования данного утверждения обратимся к следующим фактам. Например, в Конституции Российской Федерации зафиксированы бесплатная медицина и образование, но в реальности они «перекрываются» коммерческим сектором. Словом, всё, что формально бесплатно, реально становится платным.

Это не только противоречит положениям Конституции России, но и «разрушает» общенациональное чувство справедливости. Граждане не могут смириться с тем, что наша государственность стала «бухгалтерским учётом», стала «коммерческой государственностью».

Правовая коллизия обуславливает формирование в обществе такого феномена, как «духовное неблагополучие» граждан страны в его гуманистически светском понимании. Оно проявляется в следующих чертах жизни людей: чувство несвободы, тоска, безысходность и т. д. В общем, в личном и общественном беспорядке. И, как результат, никто не стремится соблюдать положения законов, не желает исполнять даже указы Президента страны. В обществе и стране не воспроизводится, фактически отсутствует субъект реализации социальных обязанностей государства, субъект реализации «национальных проектов».

Следовательно, необходимо формирование в стране «правового механизма» обеспечения и сопровождения исполнения государственными органами «национальных проектов». В определённой степени такой «правовой механизм», только по исполнению государством своих социальных обязанностей, был сформирован в СССР.¹

Работы таких учёных, как С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, Е. В. Вавилин, Н. В. Витрук, А. И. Гнатенко, Н. Л. Гранат, Л. Н. Завадской, В. Б. Исаков, В. В. Лазарев, А. В. Малько, Н. И. Матузов, Р. К. Русинов, В. М. Сырых, А. Ф. Черданцев, позволяют выделить следующие его признаки:

¹ См.: Бутылин В. И. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан. М., 2002. С. 17–19.

- указанный «механизм» представляет собой вид особой государственной деятельности;

- указанный «механизм» имеет неразрывную взаимосвязь с правом;

- указанный «механизм» обусловлен необходимостью государства исполнять свои обещания перед определёнными категориями граждан страны;

- указанный «механизм» предназначен для преодоления препятствий, стоящих на пути исполнения государством своих обещаний;

- указанный «механизм» являет собой комплекс связанных между собой общей целью определённых административно-управленческих решений;

- указанный «механизм» предполагает последовательность мероприятий государственных органов и их юридическую ответственность за неисполнение принятых решений.¹

Другими словами, «правовой механизм обеспечения социальных обязанностей» – это система юридических средств и способов, создаваемых с целью преодоления различного вида препятствий, стоящих на пути исполнения обещаний государства трудящимся, и направленных на достижение определённого результата в выполнении поставленной задачи, а также последовательное осуществление социального

обеспечения законодательно выделенных групп граждан страны.

Данный «механизм» включает в себя:

- нормативно-правовые акты: конституции, законы, постановления, указы, решения и т. д., как общеобязательные правила поведения и деятельности государственных органов, осуществляющих исполнение социальных обещаний трудящимся и выделенным группам граждан;

- нормативные акты исполнения органами государственной власти и их должностными лицами организационно-исполнительной, контрольно-надзорной, регулятивной и охранительной деятельности.

Наряду с «правовым механизмом» обеспечения исполнения государством своих обязанностей, в СССР создавался «правовой механизм сопровождения» этого процесса. Содержательно он представлял собой научно обоснованный и детерминированный общественной практикой процесс корректировки и изменения правового обеспечения исполнения государством социальных обязанностей, всех его структурных элементов и их функций в соответствии с изменяющейся экономической, политической, технико-технологической, духовной, демографической ситуацией в стране, мире.

«Правовой механизм сопровождения» исполнения государством социальных обязанностей был ориентирован на то, чтобы не только эффективно обеспечивать создание условий и ценностей обеспечения потребностей граждан, но и «воспроизводить» активных субъектов этого процесса, *формировать* культуру социальной справедливости, гуманизма, культуру будущего наших народов, обуславливая интегративность всех форм жизнедеятельности людей страны.

Особенностью создания такого «механизма», по сравнению с сегодняшними условиями, было то, что он формировался на основе преобладания государственной и общественной собственности на средства производства и власти народных Советов, что позволяло концентрировать опти-

¹ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 34; Бабаев В. К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах. Горький, 1990. С. 29; Вавилин Е. В. Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 27; Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. 1983. №2. С. 24; Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 308; Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 25; Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2009. С. 501; Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 267–268; Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1998. С. 128–129; Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996. С. 166–167.

мально скудные материальные, финансовые, кадровые ресурсы на разрешении приоритетных социальных проблем.

Правовую основу данного механизма составляли конституции страны. Так, на основе ст. 126 Конституции (Основном законе) СССР 1936 года была официально утверждена практика совместных решений государственных и партийных органов на всех уровнях действия правового механизма обеспечения и сопровождения социальных обязанностей государства.¹

Потенциал возможностей коммунистической партии использовался для консолидации властных и общественных структур в процессе воплощения в реальность заявленных государством социальных обязанностей. Более того, партийные решения фактически приобретали статус нормативных актов и воспринимались структурными элементами правового механизма обеспечения и сопровождения социальных обязанностей как обязательные для их исполнения.

Конкретно, Конституция (Основной закон) СССР 1936 года в ст. 2 закрепляла: «Право на труд и отдых, материальное обеспечение в старости и болезни, право на образование (бесплатное)».²

Эти положения были закреплены и в Конституции (Основном законе) СССР в 1977 году.³

Вместе с тем обязанности, закреплённые в Основном законе, сами по себе реализоваться не могли. Создавался «правовой механизм» сопровождения исполнения заявленных обязанностей, который включал три способа-средства:

- назначение на соответствующие должности квалифицированных, нравственно и социально зрелых руководителей;

- непрерывный гласный отчёт соответствующих государственных учреждений о выполнении ими нормативно-правовых

актов, отражающих содержание заявленных государством обязанностей перед гражданами;

- применение санкций, привлечение к ответственности чиновников, по вине которых не исполнялись законы, указы, постановления.

Что касается первого способа-средства, то в СССР была сформирована иерархическая, политическая и деловая система подготовки и расстановки кадров на государственные должности.⁴

В этом процессе участвовали партийные, комсомольские и общественные организации. Как отмечает Ю. А. Розенбаум, данные организации не только давали оценку профессиональным и нравственным качествам кандидата, но и брали на себя определённую ответственность за качество его будущей работы. Это приносило определённую предсказуемость в полученный в будущей работе кандидата результат [6, с. 21].

Главной составляющей второго способа-средства было то, что конкретные исполнительные органы отчитывались перед гражданами страны о количественных и качественных параметрах выполненных ими обязательств [2, с. 17].

По третьему способу-средству можно сказать следующее: в стране активно применялись санкции, привлекались к ответственности чиновники, по вине которых не исполнялись нормативно-правовые акты. В подтверждение такого суждения мы можем сослаться на выводы ряда учёных, которые изучали практику применения партийными и судебными органами санкций к конкретным государственным чиновникам [4, с. 28–33].

При этом мы обращаем внимание на тот факт, что понятие ответственности, закреплённое в Конституции (Основном законе)

¹ Конституция (Основной закон) СССР 1936 года. М., 1936. С. 9.

² Там же. С. 3.

³ См.: Конституция (Основной закон) СССР 1977 года. М., 1977. Главы: 3, 7. Ст. 20, 21, 24, 25, 27, 41, 42, 43, 44, 45.

⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 октября 1977 г. №933 «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1978. Т. 12. С. 564–569.

не) СССР 1977 года, следует рассматривать в двух аспектах:

- во-первых, в широком смысле слова как ответственность исполнительно-распорядительных органов, должностных лиц перед представительными органами власти и ответственность депутатов Совета перед избирателями. Содержание конституционного положения об ответственности Правительства СССР перед Верховным Советом СССР и его Президиумом, депутатов перед гражданами заключается в понятии «подотчётен» (ст. 65 Конституции СССР 1977 года). В соответствии с данной ответственностью, представительный орган государства или народ может заменить чиновника или депутата.¹

- во-вторых, ответственность, понимаемая как реализация санкции правовой нормы либо как юридическая обязанность правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения. Такое понимание было закреплено в ст. 80 Конституции (Основном законе) СССР 1977 года и предполагало для правонарушителей реализацию санкции государственного принуждения.²

Например, если план и результат не совпадали, а показателем такого положения дел были факты обращения самих граждан в средства массовой информации, партийные и судебные органы, то государственные служащие, отвечающие за данные социальные обязанности, сменялись и в некоторых случаях привлекались к административной и уголовной ответственности.

Примером такого действия «правового механизма» может быть результат развернувшейся на страницах «Литературной газеты» дискуссии о мерах повышения ответственности руководителей социальными учреждениями, когда исполнители, на высоких ступенях управления, отвечали своим общественным и служебным положением, включая смещение с занимаемой должности [8, с. 3].

Не оставалась в стороне от утверждения действенности «правового ме-

¹ См.: Конституция (Основной закон) СССР 1977 года. М., 1977. Ст. 65.

² См.: Там же. Ст. 80.

ханизма» и судебная власть страны. Знаменательным в этом аспекте является Постановление Пленума Верховного суда СССР от 18.04.1986 №9 «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан на преследование за критику».³

Пленум требовал, чтобы суды проявляли большую требовательность к такого рода нарушениям, непременно привлекали к ответственности должностных лиц, допускающих грубые нарушения трудового законодательства или преследование граждан за критику.⁴

В дальнейшем Постановления Верховного Суда СССР принимались по отдельным аспектам реализации государственными органами социальных обязанностей. Такие Постановления Верховного Суда СССР были:

- по вопросам обеспечения права на труд и достойной его оплаты;⁵

- по вопросам защиты права на жильё;⁶

- по вопросам права на свободу творчества и защиты авторских прав;

- по вопросам, что, возможно, является одним из важнейших моментов, особенно в свете современной ситуации в государстве, «права на критику должностных лиц»;

- по вопросам гарантированного государством права на обращение в государственные органы для оспаривания действий и решений должностных лиц, ущемляющих права и законные интересы граждан государства, а также защи-

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.04.1986 №9 «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан на преследование за критику». М.: СПАРК, 1996. С. 288.

⁴ См.: Там же. С. 291.

⁵ См.: Там же. С. 292.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1981 №4 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 №14) «О судебной практике по разрешению споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом». М.: СПАРК, 1996. 278 с.

та от «волокиты» и «бюрократического подхода».¹

В целом, практика «правового механизма обеспечения и сопровождения» исполнения властью социальных обязанностей занимала относительно самостоятельное место в правовой системе советского государства, в государственном управлении и играла существенную роль в достижении в стране социального благополучия, утверждения в обществе социальной справедливости.

Что касается «правового механизма обеспечения и сопровождения» национальных проектов в современной России, то в контексте рассмотренного можно утверждать, что он представляет собой процесс корректировки и изменения правового обеспечения исполнения государственными органами и общественными организациями задач, заявленных в национальных проектах, и достижения поставленных целей с учётом изменяющихся социально-экономических, политических и духовных ситуаций в стране и мире.

Образно говоря, правовое *сопровождение* процесса реализации государством национальных проектов в России можно представить как «динамику правопорядка в обществе», ориентированного на социальный прогресс, на создание в стране «общества счастливых людей».

Данный «правовой механизм» представляет собой:

- *составную часть действий, деятельности и отношений* органов государства и его социальных институтов в плане выполнения ими своих функциональных задач;

- *создание условий* по исключению или минимизации предпосылок и факторов возникновения противоречий, способных воспрепятствовать исполнению государственными органами и социальными институтами общества заявленных задач в

тех сферах общества, которые связаны с национальными проектами;

- *организацию*, на основе динамично изменяющихся нормативных актов, практических действий государственных органов и общественных организаций по привлечению к исполнению национальных проектов сил и средств, которые позволяют достичь поставленных целей в тех сферах жизни страны, которые охватываются национальными проектами;

- *поддержание правопорядка*, позволяющего государственным органам и общественным организациям страны эффективно исполнять свои функции (роли) по воплощению в реальность заявленных задач и достижению целей национальных проектов;

- *предоставление полномочий* органам государственного управления корректировать, в соответствии с изменениями, которые будут возникать в процессе исполнения национальных проектов, планы практической деятельности структурных подразделений, привлекаемых к реализации в стране национальных проектов.

При этом, для обеспечения правового сопровождения процесса реализации государством национальных проектов *органам* государственной власти, отвечающим за данные проекты, потребуется приобрести следующие статусные позиции:

- им потребуется сформировать из себя действенную *систему* контроля, учёта факторов, обуславливающих процесс реализации национальных проектов и, одновременно, корректировки практических действий по совершенствованию механизма реализации, воплощения в жизнь заявленных целей и задач;

- они должны стать *инструментом* корректировки «механизма» не только исполнения заявленных обязанностей государства перед гражданами страны, но и противодействия процессам глобализации и атомизации стран, происходящим в современном мире;

- они обязаны будут представлять из себя *механизм* обеспечения эффективно-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.04.1986 №9 «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан на преследование за критику». М.: СПАРК, 1996. С. 288-289.

сти функционирования элементов системы социального государства [9, с.265];

- им потребуется превратиться в своеобразный *социальный институт* формирования реальных субъектов, отвечающих за обеспечение заявленных в Конституции России прав и свобод граждан;

- они должны быть *средством* воплощения в жизнь идеологии социальной справедливости, идеологии социального и правового государства, идеологии создания в стране государства счастливых людей.

Для этого данная система должна выполнять следующие функции:

- правового контроля за деятельностью всех органов, осуществляющих реализацию национальных проектов в Российской Федерации;

- гармонизации интересов этносов, наций, личностей, всех социальных институтов и органов в стране;

- оптимизации ограничительных норм и допущений, которыми пользуются граждане;

- регулирования деятельности граждан, юридических лиц, государственных органов и органов местного самоуправления;

- выработки проектов нормативных правовых актов, подготовленных на базе устоявшейся нормотворческой практики;

- обеспечения действенности правовых и других социальных норм, закреплённых в Конституции Российской Федерации.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что сегодня в правовом сопровождении реализации государством национальных проектов наличествуют следующие неиспользованные резервы:

- ряд действующих законов и актов государственного масштаба являются документами, разработанными без возможного прогноза развития ситуаций в стране и мире;

- отсутствуют окончательно сформулированные цели и порядок разработки комплекса законодательных актов по вопросу обеспечения реализации государством национальных проектов;

- происходит рассогласование в действиях государственных структур по во-

просам обеспечения реализации государством национальных проектов;

- наличествует ситуация, когда ряд уже принятых законов, относящихся к делу реализации национальных проектов, не согласован между собой.

В связи с этим, по нашему мнению, предстоит осуществить преобразование организационной структуры, кадрового состава, относящегося к государственному управлению, придать всем звеньям системы управления гибкость форм организации, способность перестраиваться адекватно складывавшимся ситуациям, сохранять и укреплять связь с гражданами страны. Важно сформировать действенных субъектов исполнения социальных обязанностей государства перед различными слоями граждан страны. Определяющей составляющей данных субъектов является формирование у них такого качества и свойства, как социальная ответственность.

Мы считаем, что *социальная ответственность* личности – это сложное мировоззренческое и социально-психологическое образование, совокупность черт, свойств, компетенций личности, которые проявляются в её готовности и способности качественно исполнять те социальные роли (функции), которые соответствуют её социальному статусу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная ответственность личности – это и исходная основа, базис утверждения в обществе, в нашей стране, права, как одной из форм регулирования отношений между людьми, как рациональности, которая отражает и воплощает в себе закономерности организации общества, соответствующие законам его прогрессивного развития.

Что же касается «шагов» по совершенствованию правового механизма *сопровождения* процесса реализации государством национальных проектов в стране, то, очевидно, понадобится осуществить следующее:

- создать действенный гражданский контроль процесса реализации государ-

ством национальных проектов в стране (создать гражданские органы контроля);

- изменить статус и роль современных профсоюзов в вопросах отстаивания интересов граждан в процессе реализации государством национальных проектов в стране;

- придать оппозиционным политическим партиям и общественным организациям статусное положение, позволяющее им контролировать исполнение государством заявленных им национальных проектов;

- сформировать «институт» подготовки субъектов исполнения национальных проектов, заявленных государством;

- скорректировать функционирование налоговых служб во всех регионах страны, чтобы достойно обеспечить процесс реализации государством национальных проектов в стране;

- направить усилия Прокуратуры Российской Федерации на контроль де-

ятельности всех органов, включённых в механизм реализации национальных проектов в стране, за исполнением национальных проектов;

- сориентировать всю судебную систему страны, в том числе и мировых судей, на контроль за исполнением национальных проектов, создать в стране реальное правовое общество.

Сформулированные рекомендации в определённой степени коррелируются и с предложениями Р. Л. Федосовой, которая обобщила опыт и результаты реализации ранее заявленных национальных проектов в России [7, с. 115–121].

Такие выводы можно сделать на основе рассмотрения действия правового механизма обеспечения и сопровождения процесса реализации государством национальных проектов в стране, имеющего быть в СССР и современной России.

Статья поступила в редакцию 07.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты как инструмент реализации национальных целей // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. С. 34.
2. Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. 1983. №2. С. 17.
3. Михалкин А. Н. Правовое сопровождение социальных обязанностей в СССР и национальных проектов в современной России // Наука: общество, экономика, право. 2020. №1. С. 20.
4. Олейник Н. Н. Правовое регулирование частного промышленного предпринимательства в годы нэпа (1921–1930) // История государства и права. 2001. №5. С. 28–33.
5. Порфирьев Б. Н. Императивы законодательного обеспечения реализации майского 2018 года Указа Президента Российской Федерации: пространственный аспект // ЭКО. 2018. №9 (531). С. 178–180.
6. Розенбаум Ю. А. Управленческие кадры: требования и подготовка // Советское государство и право. 1973. №3. С. 21.
7. Федосова Р. Л. Опыт и результаты реализации национальных проектов в России // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы: материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции 15 декабря 2017 года (г. Владимир). Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 115–121.
8. Чернявский В. Привычка прощать виновных? // Литературная газета. 1973. №52. С. 3.
9. Berkut V. P., Bondareva Ya. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. №5. С. 265.

REFERENCES

1. Bednyakov A. S., Mierin' L. A. *Natsional'nye proekty kak instrument realizatsii natsional'nykh tselei* [National projects as an instrument of national goals] // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics], 2019, pp. 34.

2. Vitruk N. V. [Acts of law in the mechanism of realization of the rights and freedoms of the individual]. In: *Pravovedenie*, 1983, no. 2, pp. 17.
3. Mikhalkin A. N. [Legal support of social responsibilities in the Soviet Union and national projects in modern Russia]. In: *Nauka: obshchestvo, ekonomika, pravo* [Science: Society, Economics, Law], 2020, no. 1, pp. 20.
4. Oleinik N. N. [Legal regulation of the private industrial enterprise during the era of New Economic Policy (1921–1930)]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2001, no. 5, pp. 28–33.
5. Porfir'ev B. N. [The imperatives of the legislative support of implementation of the May 2018 Decree of the President of the Russian Federation: spatial aspect]. In: *EKO*, 2018, no. 9 (531), pp. 178–180.
6. Rozenbaum Yu. A. [Management skills: requirements and training]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1973, no. 3, pp. 21.
7. Fedosova R. L. *Opyt i rezul'taty realizatsii natsional'nykh proektov v Rossii* [The experience and results of implementation of national projects in Russia]. In: *Strategicheskoe upravlenie: teoriya, praktika i problemy* [Strategic management: theory, practice and problems]: Proceedings of the 15th Interregional Theoretical and Practical Conference held on 15 December 2017 (Vladimir). Vladimir, Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Publ., 2018, pp. 115–121.
8. Chernyavskii V. [Habit to forgive perpetrators?]. In: *Literaturnaya gazeta*. 1973, no. 52, pp. 3.
9. Berkut V. P., Bondareva Ya. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. №5. С. 265.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалкин Александр Николаевич – аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Mikhalkin – postgraduate student at the Department of State History and Law, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михалкин А. Н. Основные компоненты «правового механизма» сопровождения национальных проектов в современной России и в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 35–43.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-35-43

FOR CITATION

Mikhalkin A. N. The Main Components of the "Legal Mechanism" Supporting National Projects in Modern Russia and the USSR. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 35–43.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-35-43

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-44-50

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ЦЕННОСТНОМУ ОСНОВАНИЮ КВАЗИФРАКТАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Молчан Э. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной работы заключается в исследовании процессов трансформации духовно-нравственных ценностей и их формирования в квазифрактальных социальных структурах.

Процедура и методы исследования. В статье использован системный подход к изучению проблем современного образования и других социальных систем в условиях цифровой глобализации. Данный подход позволяет объяснить процесс формирования духовно-нравственных ценностей личности в квазифрактальной образовательной системе, определить структурированные модели поведения субъектов в социальной реальности.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы были выявлены особенности ценностного основания социальных систем, проведён социально-философский анализ ценностно-содержательной социальной и личностно ориентированной деятельности субъектов взаимодействия в квазифрактальной образовательной системе.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методологическую базу социальной философии и обусловлены трансформацией ценностно-содержательного потенциала социального и культурного опыта поколений через образовательную систему в структурированные квазифрактальные элементы социума посредством энергично-информационного обмена духовно-нравственными ценностями.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, ценностное основание, социальные системы, образовательная система, энергично-информационное взаимодействие, квазифрактальные структурированные матричные системы, системный подход

A SYSTEMIC APPROACH TO THE VALUE BASIS OF QUASI-FRACTAL SOCIAL STRUCTURES

E. Molchan

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy st., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of this paper is to study the processes of transformation of spiritual and moral values and their formation in quasi-fractal social structures.

Methodology and Approach. The article considers a systemic approach to the problem of modern education and other social systems in the context of digital globalization. This approach allows us to explain the process of formation of spiritual and moral values of the individual in a quasi-fractal educational system, to determine the structured models of behavior of subjects in social reality.

Results. In the course of the study, the features of the value foundation of social systems were identified, and a socio-philosophical analysis of the value-content social and personality-oriented activities of interaction subjects in the quasi-fractal educational system was carried out.

Theoretical and / or Practical implications. The results of the research contribute to the methodological base of social philosophy and are caused by the transformation of the value-content potential of social and cultural experience of generations through the educational system into structured quasi-fractal elements of society through the energy and information exchange of spiritual and moral values.

Keywords: spiritual and moral values, value base, social systems, educational system, energy and information interaction, quasi-fractal structured matrix systems, systemic approach

ВВЕДЕНИЕ

Ценностное основание социальных систем выстраивается в квазифрактальные матричные структуры образовательной деятельности субъектами взаимодействия. основополагающим фактором формирования духовно-нравственных ценностей личности в социальной среде выступает образовательная система, которая представляет квазифрактальную матричную структуру подсистем, обладающих самоподобием. Энергетико-информационное взаимодействие всех субъектов квазифрактальной матричной структуры, которое максимизирует согласование функциональных свойств субъекта и социальных систем, их резонансного взаимодействия духовно-нравственными ценностями в образовательной системе, реализуется с помощью методологических подходов. Методологические подходы выстраивают квазифрактальную матричную структуру образовательной системы, определяя вектор энергетико-информационного взаимодействия субъектов на духовно-нравственном уровне. Системный подход раскрывает ценностное основание социальных систем, процесс формирования духовно-нравственных ценностей в квазифрактальной образовательной системе и составляет инструмент исследования многогранной социальной реальности. Объективная социальная реальность раскодируется с помощью методологического инструментария, базируясь на философском фундаменте научного знания. Системный подход выступает инструментом освоения окружающей квазифрактальной многофакторной матричной действительности, который позволяет считывать ценностно-содержательную информацию самоорганизующихся, саморазвивающихся социальных систем и получать результаты [14].

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА КВАЗИФРАКТАЛЬНЫХ МАТРИЧНЫХ СТРУКТУР

Методологической основой системного подхода выступает социально-философский анализ многофакторной матричной системы, обладающей многообразием самоподобных элементов. Использование квазифрактальной многофакторной матричной системы позволяет рассматривать объект как целостностный фрактал и предполагает разделение на фрактальные подсистемы разного уровня, наполненные ценностно-содержательной информацией. Обладая фрактальным самоподобием, целостная квазифрактальная многофакторная матричная система отражается в микроэлементах своих упорядоченных структур [12, с. 68]. Квазифрактальное матричное самоподобие структурированной системы не в полной мере раскрывает целостную структуру взаимосвязанных фрактальных элементов, так как функциональность самоорганизующейся системы отличается от функциональности отдельных фракталов-элементов системы, и каждый фрактал-элемент не в состоянии функционировать как система [2].

Системный подход рассматривает образовательную сферу как квазифрактальную многофакторную матричную структуру образующих совокупность самоорганизующихся подсистем, реализующих содержательно-образовательную деятельность. Он выступает операндом¹ социально-философского анализа энергетико-информационного взаимодействия субъектов и наделяет сущностными характеристиками

¹ Операнды — это объекты, над которыми или при помощи которых выполняются действия, задаваемые инструкциями или директивами.

квазифрактальные матричные социальные системы, выстраивая ценностно-содержательное основание общности. Духовно-нравственные ценности, как структурированные фрактальные сущности, образуют ядро целостности образовательной системы, объединяют субъекты энергийно-информационной образовательной деятельности на реализацию целевых установок общества. Современное общество представляет открытую квазифрактальную матричную социальную систему, самоорганизация которой лежит в данности духовно-нравственных ценностей. Являясь идеализированными феноменами социальной реальности, духовно-нравственные ценности отражаются в сознании личности как фундаментальные сущности и в своей структурированной последовательности образуют ценностную доминанту общественного сознания. Квазифрактальная целостность социальной реальности структурирована матричным распределением духовно-нравственных ценностей в ментальных построениях человеческого бытия. Энергийно-информационное взаимодействие в ментальных построениях сознания субъектов, присутствующих в социальной данности, определяет их фрактальную матричную структуру ценностей и наделяет ценностно-информационными свойствами. Выстраивается фрактальная матричная подсистема структурированных ценностей личности, обусловленная ценностным основанием социальных систем, происходит энергийно-информационное взаимодействие сущностных данностей ценностных основ общества и личностного содержания в матрице ценностей. Системный подход с позиции квазифрактальных матричных структур позволяет раскрыть особенности самоподобия социальных систем, как самоорганизующихся, образующих совокупную целостность и относительную раздельность. Относительная раздельность квазифрактальной матричной социальной системы образуется из элементов-фракталов подсистем, рассматривая их как самостоятельно функционирующие в энергийно-

информационной взаимосвязи временных структур реальности [5].

Системный подход производит разделение квазифрактальной матричной системы на элементы и рассматривает каждый взаимосвязанный фрактал-элемент в структуре функционирования временных промежутков, обнаруживая потерю информационного потенциала между частями целого. Социальная система представляет квазифрактальную метасистему, функционирующую во временных структурах субъективного бытия. Временная структурированность квазифрактальных социальных систем определяет устойчивое развитие и согласованное взаимодействие всех подсистем. Структурированность связана с фрактальной целостностью системы и определяется ценностным основанием матричных подсистем, образующих открытые автоколебательные нелинейные системы, функционирующие в условиях постоянного энергийно-информационного обмена с реальностью [8]. Существование в фрактальных системах резонаторов, механизмов восполнения энергии-информации и обратной связи между резонатором и источником энергии определяет незамкнутость всех процессов. Целостность социальных систем во временных структурах – это достаточно динамическая устойчивость, определяемая ходом процессов как внутри квазифрактальной системы, так и вне [10].

Системный подход с позиции квазифрактальной матричной структуры рассматривает образовательную систему как совокупность подсистем, а образовательную деятельность субъектов соотносит с отдельными элементами, функционирующими по алгоритму, который последовательно проецируется на все нижележащие уровни и подуровни, создавая тем самым интегральную гармонию и устойчивость образовательного процесса. Ценностное основание образовательной системы отражено в исследованиях Б. Г. Ананьева, С. И. Архангельского, В. Г. Афанасьева, Б. Ф. Ломова, Э. Г. Юдина, которые ядро духовно-нравственных ценностей образовательной деятельности субъектов срав-

нивают с вектором развития квазифрактальных матричных структур социальной реальности [1, с. 23]. Фрактальное подобие лежит в основе энергийно-информационного взаимодействия всех объектов образовательной системы и обуславливает рассматривать образовательную систему во взаимосвязи с социальными системами. По мнению Б. Ф. Ломова, духовно-нравственные ценности максимизируют согласование функциональных свойств субъекта и окружающей среды, их резонансного взаимодействия [6, с. 45]. Исследование социальных процессов с позиции системного подхода позволяет проследить воздействие мирового глобализационного пространства на современное общество, изучить открытость социальных систем и интеграцию их в мировое сообщество. Квазифрактальную образовательную систему с матричной структурой духовно-нравственных ценностей системный подход представляет как энергийно-информационное взаимодействие субъектов от начальных параметров до ценностного основания социальной системы [9].

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Системный подход к изучению образовательной деятельности позволяет выделить три матричные формы передачи ценностного потенциала структурированным социальным системам: ценностно-культурную, рецепторную и ценностно-диалогическую.

Ценностно-культурная форма предполагает наличие энергийно-информационной ценностно-культурной доминанты в духовно-нравственном сознании личности, заложена в гено-энергетическом информационном коде всего человечества, раскрывается как качество мирозерцания и присуща только личности. Она трансформируется в результате энергетически-информационного воздействия на существование человека и общества в социальном бытии.

Рецепторная форма связана с энергийно-информационным обменом с соци-

ально-культурной составляющей цивилизационного потенциала человечества на протяжении всей истории развития с учётом индивидуального и общественного развития квазифрактальных матричных социальных систем.

Ценностно-диалогическая форма энергийно-информационного духовного взаимодействия субъектов характеризуется способностью обмена духовно-нравственными ценностями на уровне индивидуального сознания каждой личности и их реализацией через диалогические отношения в квазифрактальной структурированной образовательной системе в общественном сознании.

Взаимосвязь ценностного потенциала национального и воздействие информационного инонационального – одна из важных закономерностей формирования духовно-нравственных ценностей в квазифрактальных социальных системах. Ценностно-содержательная национальная составляющая культуры структурирована в энергийно-информационном геноме, отразившим межпоколенные связи духовного развития народа.

Рассматривая проблему концептуализации ценностного основания квазифрактальных матричных структур, мы имеем процесс энергийно-информационного обмена духовно-нравственными ценностями в социально-образовательных системах. В квазифрактальных социально-образовательных системах энергийно-информационный обмен духовно-нравственными ценностями на уровне общественного сознания определяет вектор развития социума [3, с. 16]. Имея двухуровневый формат, они реализуются в отношениях между людьми и группами как социальные и соционормативные.

В социальных системах России духовно-нравственные ценности выражены в соборно-интегральной культуре, в которой «духовность» как энергийно-информационная данность общественного сознания выступает первой, а «материальность» как энергетически-информационный потенциал людей – второй. Находясь в постоян-

ном взаимодействии, «духовность» и «материальность» пытаются преодолеть свою ограниченность [4, с. 97]. Предпосылки этой «синергетической» энергийно-информационной культуры трансцендентально предполагают духовное лидерство России в XXI веке. Возвращение России к православным истокам, утерянным в процессе духовного катаклизма прошлого столетия, позволит запустить созидательную функцию ценностно-культурной доминанты страны и отразится в духовно-нравственной деятельности мирового сообщества [7, с. 23].

Системный подход проблеме энергийно-информационного обмена духовно-нравственными ценностями субъектов духовного взаимодействия раскрывает как часть парадигмальных исследований квазифрактальных социально-образовательных систем, отражённых в матричных структурах духовно-культурного достояния народа, его традиций, ценностей. В культурно-историческом содержании главной структурированной составляющей являются этнонациональные ценности, каждая из этнических общностей обладает собственным ценностно-содержательным потенциалом, отражённым в энергийно-информационной структуре общественного сознания [11, с. 132]. Потенциальная возможность сущностных характеристик духовно-нравственных ценностей является чрезвычайно ёмкой и широкой, охватывающей социально-образовательные системы, религиозные традиции, светские, этнические, региональные сегменты культуры. Без учёта ценностно-исторических составляющих национальной культуры в данном случае невозможно оценить в полной мере причины сегодняшних социальных процессов и специфику их проявления в общественном сознании.

Энергийно-информационный обмен духовно-нравственными ценностями в пространственно-временном континууме интегрирует духовное развитие цивилизаций в поисках ценностно-содержательной доминанты человеческого бытия. В этом структурирован парадигмальный онтоло-

гизм ценностного основания социальных систем, а также энергийно-информационный ценностно-диалогический подход, где объективной реальностью существования личности выступает стремление к духовно-нравственным ценностям [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация системного подхода в квазифрактальной образовательной системе позволяет описать самоорганизующуюся квазифрактальную образовательную систему, ценностное основание которой обусловлено структурой устойчивого ядра ценностей. Образовательная система – это самоорганизующаяся фрактальная система, обладающая самоподобием в структуре подсистем, входящих в неё. Самоорганизация, саморазвитие, самоопределение характерны для всех без исключения процессов функционирования образовательной системы, включающей целеполагание, ценностные ориентации, деятельность личности в социальном пространстве. Целеполагание как вектор направления развития образовательной системы представлено координатными параметрами, определяющими модель самоорганизации квазифрактальных матричных структур. Результативность образовательных систем характеризуется квазифрактальным входением в социальную реальность, энергийно-информационным взаимодействием субъектов, выстраиванием ценностного основания общества. Самоорганизация и самоуправление образовательной системы обусловлены квазифрактальной матричной структурой социальных систем, которым свойствен обмен ценностно-содержательной информацией. Квазифрактальная образовательная система в своей матричной структуре не замкнута, завершённости одних процессов открывает начало другим.

Статья поступила в редакцию 20.03.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1980. 232 с.
2. Богатых Б. А. Фрактально-голографический конструкт и теория поля К. Левина // Национальный психологический журнал. 2018. №2 (30). С. 123–134.
3. Бондаревская Е. В. Формирование нравственного сознания старших школьников: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Л., 1980. 29 с.
4. Голубинский Ф. А. Лекции по философии, умозрительному богословию, умозрительной психологии. СПб.: О-во памяти игумении Таисии, 2006. 695 с.
5. Камынин Ю. А. Квазифрактальные матричные структуры – основа технологий третьего тысячелетия // Глобальная безопасность. М., 2007. №3. С. 102–105.
6. Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды. Воронеж: МОДЭК; М.: Изд-во МПСИ, 1996. 423 с.
7. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа Ценностей. Paris: YMCA Press, 1931. 135 с.
8. Майкова В. П., Майков А. И. Моделирование динамики социальных систем как метод прогнозирования общественного развития // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. №2 (10). С. 72–81.
9. Полежаев А. А., Борина М. Ю. Пространственно-временные структуры в активной среде, вызванные диффузионной неустойчивостью // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2014. №2. Т. 22. С. 116–129.
10. Прытков В. П. Фрактальный характер философского знания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философские науки. 2016. №3 (385). Вып. 39. С. 26–35.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
12. Черников В. В. Оптимизация управления качеством обучения человека в среде современного социума. М.: Форма-Т, 2008. 360 с.
13. Berkut V. P., Bondareva Ya. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: Modern Journal of Language Teaching Methods, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.
14. Yanich M., Pesotsky V. A., Maykova V. P., Molchan E. M. Spiritual and Moral Values as a System-forming Factor of Social Systems. In: The International Science and Culture Center for Academic Contacts (ISCCAC) is pleased to announce the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). The conference will be held on June 05-06, 2019 in Moscow. Pp. 1185-1188. Available at: <https://doi.org/10.2991/cesses-19.2019.264> (accessed: 10.01.2020).

REFERENCES

1. Ananyev B. G. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected Studies in Psychology]: In 2 volumes. Vol. I. Moscow, *Pedagogika* Publ., 1980. 232 p.
2. Bogatykh B. A. [The fractal-holographic construct and field theory of K. Levin]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 2 (30), pp. 123–134.
3. Bondarevskaya E. V. *Formirovaniye npravstvennogo soznaniya starshikh shkol'nikov: avtoref. dis. ... dokt. ped. nauk* [The formation of the moral consciousness of senior pupils: D. thesis in Pedagogy]. Leningrad, 1980. 29 p.
4. Golubinskiy F. A. *Lektsii po filosofii, umozritel'nomu bogosloviyu, umozritel'noipsikhologii* [Lectures on philosophy, speculative theology, speculative psychology]. St. Petersburg, *Obshchestvo pamyati igumenii Taisii* Publ., 2006. 695 p.
5. Kamynin Yu. A. [Quasi-fractal matrix structure is the basis of technologies of the third Millennium]. In: *Global'naya bezopasnost'* [Global Security]. Moscow, 2007, no. 3, pp. 102–105.
6. Lomov B. F. *Sistemnost' v psikhologii: izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Consistency in psychology: selected psychological works]. Voronezh, *MODEK* Publ.; Moscow, *MPSI* Publ., 1996. 423 p.
7. Lossky N. O. *Tsennost' ibytie. Bog itsarstvobozhiekakosnova Tsennostei* [Value and Existence. God and the Kingdom of God as the Basis of the Values]. Paris, *YMCA Press* Publ., 1931. 135 p.
8. Maykova V. P., Maykov A. I. [Modeling the dynamics of social systems as a method of forecasting social development]. In: *Gumanitarnyi vestnik Voennoi akademii raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya* [Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Rocket Forces], 2018, no. 2 (10), pp. 72–81.

9. Polezhaev A. A., Borina M. Yu. [Spatiotemporal structures in the active medium caused by diffusion instability]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Prikladnaya nelineinaya dinamika* [Bulletin of Higher Education. Applied Nonlinear Dynamics]. Saratov: *Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet im. N. G. Chernyshevskogo*, 2014, no. 2, vol. 22, pp. 116–129.
10. Prytkov V. P. [The fractal nature of philosophical knowledge]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philosophical Sciences], 2016, no. 3 (385), vol. 39, pp. 26–35.
11. Rubinstein S. L. *Bytieisoznanie. Chelovekimir* [Being and Consciousness. Man and the World]. St. Petersburg, *Peter Publ.*, 2003. 508 p.
12. Chernikov V. V. *Optimizatsiya upravleniya kachestvom obucheniya cheloveka v srede sovremennoyo sotsiuma* [Optimization of quality management of human learning in the environment of modern society]. Moscow, *Forma-T Publ.*, 2008. 360 p.
13. Berkut V. P., Bondareva Ya. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.
1. Yanich M., Pesotsky V. A., Maykova V. P., Molchan E. M. Spiritual and Moral Values as a System-forming Factor of Social Systems. In: The International Science and Culture Center for Academic Contacts (ISCCAC) is pleased to announce the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). The conference will be held on June 05-06, 2019 in Moscow. Pp. 1185-1188. Available at: <https://doi.org/10.2991/cesses-19.2019.264> (accessed: 10.01.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard M. Molchan – PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Moscow State Regional University;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчан Э. М. Системный подход к ценностному основанию квазифрактальных социальных структур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 44–50.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-44-50

FOR CITATION

Molchan E. M. Systemic Approach to the Value Basis of Quasi-Fractal Social Structures. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 44–50.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-44-50

УДК 1 (740)

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-51-56

МОНГОЛЬСКИЙ НАРОДНЫЙ ИНСТРУМЕНТ МОРИНХУУР¹: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Насу

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
308000, г. Белгород, ул. Королева, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования – раскрыть генезис моринхуура как этнического «конского инструмента», олицетворяющего собой уникальный пласт монгольской народной музыкальной культуры, в основе которой – принцип «уважения к древности», понимание и восприятие музыки как отражения природы; сформулировать рекомендации по популяризации традиционной модели моринхуура как носителя культурного кода кочевой культуры монголов.

Процедура и методы исследования. Автором использовались: *сравнительно-аналитические методы* (в ходе экспедиционных, полевых исследований по изучению характеристик моринхуура во Внешней и Внутренней Монголии, в подготовке справочно-энциклопедических материалов); *метод исторической реконструкции* (для отражения этапов эволюции древних монгольских инструментов; *общефилософские методы и принципы, контекстный и культурно-исторический подходы* (для концептуализации этнической монгольской музыки).

Результаты проведённого исследования. Доказано, что рождение традиционного моринхуура явилось результатом длительной эволюции древних монгольских инструментов периода горно-охотничьей и кочевой культуры, метафорическим образом которых выступает «конская арфа»; предложена авторская типология «семейства моринхууров»; выработаны рекомендации по укреплению статуса инструмента в музыкально-образовательной системе и культуре КНР.

Теоретическая и / или практическая значимость состоит в наличии авторских оригинальных идей (в том числе прикладного характера), представляющих интерес для мастеров-изготовителей, специалистов по современному моринхууру; в поисково-исследовательской, в том числе полевой (экспедиционной) работе; интерпретации цикла легенд, связанных с инструментом моринхуур; в выработке философского определения моринхуура, отражающего его звуковую и дизайнерскую специфику; в рекомендациях по популяризации моринхуура в современной музыкально-исполнительской культуре Внутренней Монголии и КНР.

Ключевые слова: моринхуур, этнические музыкальные инструменты, матоцинская музыка, традиционная культура, Внутренняя Монголия, генезис, кочевая культура, «лошадина музыка»

MONGOLIAN FOLK INSTRUMENT MORIN KHUUR: CULTURAL-HISTORICAL GENESIS AND IDENTIFICATION

Nasu

*Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva ul., Belgorod 308000, Russian Federation*

Abstract.

Purpose: to reveal the genesis of morin khuur as an ethnic "horse instrument" embodying a unique layer of Mongolian folk music culture based on the principle of "respect for antiquity", understanding

¹ Опираясь на древнемонгольский народный эпос, фольклор и пр. (включая цикл легенд о Сью и Белой лошади), мы обосновываем собственно монгольское происхождение названия «моринхуур» – инструмента с лошадиной головой (хуур) – от корневого «хур» (колчан, футляр для стрел), означающего понятия «лошадь», «конь» (на ранних этапах культуры степных кочевников инструмент носил многовариативные названия).

and perception of music as a reflection of nature; to formulate recommendations for the popularization of the traditional model of morin khuur as a carrier of the cultural code of Mongolian nomadic culture.

Methodology and Approach. The author used comparative-analytical methods (in field studies in Outer and Inner Mongolia and while preparing encyclopedic reference materials); method of historical reconstruction (to reflect the stages of evolution of ancient Mongolian instruments; general philosophical methods and principles, contextual and cultural-historical approaches (to conceptualize ethnic Mongolian music).

Results. It is proved that the birth of the traditional morin khuur was the result of a long evolution of the ancient Mongolian instruments of the period of mining - hunting and nomadic cultures metaphorically represented by a "horse harp". The author suggests the original typology of morin huur family instruments and makes recommendations to promote the instrument and enhance its "image" in musical education system and culture of China.

Theoretical and / or Practical Implications. The value of the research is in the author's original ideas (including practical ones) which can be of interest to craftsmen, specialists in modern morin huur; in field (expedition) studies; interpretation of the cycle of legends associated with morin huur; in the development of a philosophical definition of morin huur reflecting its sound and design specifics; in recommendations for the popularization of morin huur in modern musical and performing culture of Inner Mongolia and China.

Keywords: morinhuur, ethnic musical instruments, matocin music, traditional culture, Inner Mongolia, Genesis, nomadic culture, "horse music"

ВВЕДЕНИЕ

В широком философском смысле основная **проблема исследования** связана с противоречием: с одной стороны, нельзя утверждать, что традиционная культура Внутренней Монголии находится под угрозой потери своих типических черт или распада¹ [2; 3]. А с другой стороны, глобализующийся мир, интеграционные процессы оказывают негативное влияние на кочевую цивилизацию монголов, расшатывая устои её культуры. В первую очередь, это касается этнической музыки, ярким выражением которой является моринхуур – «степная жемчужина» монголов. В этой связи **задача** работы состоит в концептуализации моринхуура в контексте монгольской народной музыкальной культуры и выявлении качественной специфики его звуковых концептов – образов.

Анализ литературных источников показал: культурно-исторический генезис монгольского народного музыкального инструмента моринхуур нашёл отражение в солидном массиве исторических рукопи-

сей, в которых даны определения древних музыкальных инструментов малочисленных древних северных народов Ши Чин (или Ху Чин). В этом ряду: «Стихи Чин Танга» (периода государства Тан и Мон Хо Рань), «Музыкальные заметки» Чи Яна (государства Сун), «Заметки Ши Лин Ван» Чин Юан Ланья, относящиеся к тому же периоду. Не менее значим и цикл произведений Инжинаша («Сокровенное сказание монголов», «Основные краткие золотые записки хаанов», «Белая история книги десяти благодетелей», «История Юаней, заметки о церемониальной музыке»), а также сочинение японца Ли Шан Сан Ну «Исследование музыкальных инструментов Восточной Азии».

Существенны для понимания генезиса моринхуура «История национальной музыки Монголии» Хугжилта, труды крупного монголоведа А. М. Позднеева (изучение духовенства в Монголии, быта буддийских монастырей, образцы народной литературы монгольских племён и пр.), Бадамжавын Батжаргал (вопросы периодизации музыкальной монгольской культуры), Улзийбаатар, Ариунболд (музыкальные традиции монголов в системе

¹ Мемориал Чингисхана. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1987. 167 с.

региональной цивилизации Центральной Азии) [5, с. 249-263], других учёных¹. Анализ источников выявляет ряд исследовательских лакун (влияние стратегии «культурной индустрии» в сегодняшней КНР на качество музыки и репертуар моринхуура; проблема разработки единого стандарта инструмента в условиях мировых музыкальных интеграционных процессов и пр.), требующих изучения.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОРИНХУУРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Первая часть исследования связана с культурно-исторической идентификацией моринхуура в контексте истории монгольской народной музыкальной культуры² [4; 7; 8], в ходе чего даётся авторская идентификация ранних музыкальных практик: 1) понимание и отношение к музыке как к отражению природы; 2) своеобразие, выраженное в таких характеристиках, как протяжность, мелодичность; 3) приоритет сольного песенного исполнения (сольное пение); распространение одноголосных народных песен, представленных двумя видами, одни из которых медленно-протяжные (Уртын дуу), отличающиеся большим диапазоном, богатой орнаментикой, а другие короткие (богино дуу), более простые по своему ритму и построению; 4) неотъемлемым атрибутом народного песенного исполнения выступает инструментальное сопровождение, «... когда песня дополняется игрой на музыкальном инструменте класса «народных» (лимбэ (род

флейты), моринхуура, хучира (струнные смычковые), шанзы (плекторный), ёочина (род цимбал)»³; 5) широкая популярность так называемого «горлового пения» (хоомий, или хеемий); 6) тематическая направленность, представленная в традиционно-древних формах: а) лиро-эпическое восхваление (родного края, любимого коня и пр.); б) лирическо-любовные песни; пиршеские (песни-мистерии); в) дорожно-пастушьи возгласные распевы; г) песенные восхваления и пр.⁴ [6, с. 14-15]. Данная характеристика выявляет многообразие, природно-эмоциональную специфику ранних образцов звукового творчества, позволяет идентифицировать моринхуур в качестве «генетического атрибута» песенной культуры монголов, несущей в себе традиции сакрального слияния музыки и человека [7, с. 57].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕНЕЗИСА МОРИНХУУРА

Вторая часть исследования охватывает основные этапы генезиса моринхуура. В этой связи, во-первых, посредством фундирования и аналитики источниковедческой базы производится реконструкция основных этапов эволюции древних этнических музыкальных инструментов, метафорическим образом которых выступает «конская арфа», послужившая прообразом традиционного моринхуура, и, во-вторых, даётся типология «семейства моринхууров». Данная задача реализуется нами с учётом привлечения солидного массива источников (китайских монускриптов, древних прозаических и стихотворных рукописей I-II вв. до н. э., повествующих о музыкальных инструментах «малочисленных северных народов»; в частности, это «Стихи Чан Тана» периода государства Тан, «Музыкальные заметки» Чи Ян госу-

¹ А. И. Андреев, Е. Н. Афолина, А. А. Бурькин, С. В. Дмитриев, И. И. Иориш, С. А. Кондратьев, О. Ю. Коробейникова, И. В. Кульганек, В. Н. Митин, Б. М. Нармаев, П. О. Рыкин, А. Г. Сазыкин, Л. Г. Скородумова, В. Л. Успенский, А. Д. Цендина, Н. П. Шастина, В. К. Шивлянова, Я. П. Шишмарев, А. Г. Юрченко и др. Особо отметим коллективный сборник по духовной культуре монгольских этносов (Mongolica-VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 160 с.).

² Страница из монгольской жизни: [портал]. URL: <http://www.ulanbator.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Страница из монгольской жизни: [портал]. URL: <http://www.ulanbator.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

⁴ Цохуу Х. 15 ключей к познанию монгольского характера. Коренное искусство и культура. 05.02.2015 // ARD: портал деловой информации. URL: <http://asiarussia.ru/articles/6048/> (дата обращения: 10.11.2019).

дарства Сун, «Заметки Ши Лин Вана», трактат Ин Жи Наша «Сокровенные сказания монголов» и пр., описывающие «конский» музыкальный инструмент, на котором исполняется «прекрасная конская музыка» и др.); обращаемся к запискам китайских военачальников периода древнекитайского государства Хань (I в. до н. э.)¹ [1]. Синтезируя данные источники, мы обосновываем длительную культурно-историческую эволюцию, связывающую в единое целое «человека на лошади», монгольскую лошадь и моринхуур – двухструнный смычковый инструмент, сотворённый, согласно легенде, из гривы и хвоста крылатого коня и издающего чарующие мелодии при полёте («морин хуур» означает у монголов «Конь Цинь»).

Далее, с опорой на исследования отечественных и зарубежных учёных-монголоведов мы доказываем, что мелодии, исполняемые на этно-монгольских инструментах, правомерно рассматривать как развитие сакрально-ритуальных танцевальных и песенных музыкальных практик древнего шаманского бубна. Следовательно, а) источником музыкальной культуры коренных монгольских племён выступала философия и культура шаманизма (ранняя эволюция и развитие примитивных музыкальных инструментов монголов осуществлялись именно в данной мировоззренческой парадигме); б) рождение традиционного моринхуура инициировано потребностями героической эпической музыки, изначально развившейся из музыки и культурных практик шаманизма.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МОРИНХУУРА

Третья часть посвящена философской проблематизации современного состояния моринхуура, в связи с чем осуществляется репрезентация комплекса причинно-следственных факторов, обуславливающих

тревожную динамику снижения мотивации монгольских музыкантов к популяризации этнической музыки: 1) социально-экономические, связанные с переходом к оседлому образу жизни; 2) культурно-интеграционные (влияние западно-европейских музыкальных стандартов); 3) образовательные (устаревание исполнительского репертуара; чрезмерная формализация обучения в музыкальных учреждениях; отсутствие качественных учебников по теории и практике игры на моринхууре²; 4) технологизация музыкальной сферы³.

Доказано, что чрезмерное увлечение обновленческими тенденциями несёт угрозу неоправданной трансформации, симулякризации моринхуура и обосновывается необходимость выработки «предохранительного механизма», упреждающего модернизаторские тенденции «осовременивания» моринхуура, влекущие за собой нивелирование его индивидуальности в сравнении со своим «прародителем», традиционным изначально «ручным» инструментом пастбищно-степной культуры монголов. Исходя из этого мы приходим к выводу, что переход от традиционного моринхуура к современному, с одной стороны, предполагает непрерывное совершенствование техники и исполнительского стиля игры, а с другой – повышает апелляции к вопросу о границах возможного и допустимого вмешательства «музыкальной технологизации» и процессов реформирования моринхуура.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация основной цели и задач исследования позволяет заключить следующее:

1. Генезис музыкальной культуры коренных монгольских племён и этнических

¹ Также: полевые исследования монгольских, российских и др. учёных-культурологов, материалы, полученные в ходе личных этноэкспедиций во Внутреннюю и Внешнюю Монголию (2010–2016 г.).

² Основная масса учебной литературы по игре на струнных инструментах – это частичное заимствование западных учебных изданий, при этом выдвигается задача создания классического учебника в редакции монгольских учёных, специалистов, знающих изнутри данную проблему.

³ Поток во Внутреннюю Монголию сверхсовременных музыкальных инструментов (включая дизайн, звучание и пр.).

инструментов, включая прообразы древней «конской арфы», восходит к древним ритуальным музыкальным практикам шаманского бубна. В период горно-лесной охотничьей культуры основными музыкальными жанрами являлись именно монгольские племенные шаманские песни и танцы, охотничьи коллективные песни и ранние героические эпосы, претерпевшие эволюцию в условиях степной кочевой культуры («гу ли ян» – кочевой образ жизни).

2. Традиционный моринхуур и его схожие аналоги (чжур, хуйбаси, икили, хуэр, эрху, банху, узинху, йэклер, синаган хул, художочи и пр.), произошли от щипкового инструмента, эволюционируя в инструмент со струной-тетивой лука, воплощая комплекс черт кочевой культуры. Всё это усиливает значимость этнической музыки для повышения нравственных качеств монгольского человека, «глубокую философичность мышления которого сформировала «Великая степь», породив протяжную песню»¹.

3. Мировому признанию инструмента будет способствовать системность мер, включающих в себя: профильную подготовку мастеров-специалистов на основе наставничества; выработку общего стандарта инструмента; совершенствование технологии изготовления с учётом апробированных, зарекомендовавших себя традиционных способов; сертификацию продукции собственным патентом, знаком мастерской или индивидуального мастера. При этом основополагающим принципом внешней формы, структуры, дизайна моринхуура должно стать: 1) использование пучка волосинок конского хвоста для струн и смычка, 2) трапециевидный корпус с натянутой кожей, 3) стволообразная шейка, в совокупности образующие золотое соотношение элементов, составляющих конструкцию инструмента и его звуковую гармонию² [8, с. 33].

Статья поступила в редакцию 30.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арин В. Д. Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. 402 с.
2. Нестерова Е. Р. Особенности культурного взаимодействия монголов и китайцев в 13–14 вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. №4 (25). С. 55–59.
3. Новоселова А. В. Шёлк и бамбук в музыкальной культуре традиционного Китая: автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 2015. 24 с.
4. На Су, Римский В. П. Народная музыкальная культура в КНР (монгольские культурные особенности в контексте музыкального инструмента Моринхуур) // Народная музыкальная культура русской провинции: проблемы сохранения и развития: сборник докладов международной научно-практической конференции (в рамках VIII научно-творческих «Маничкиных чтений», Белгород, 21–22 марта 2019 г.). Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2019. С. 238–241.
5. Улзийбаатар, Ариунболд. Музыкальные традиции монголов в системе региональной цивилизации Центральной Азии // Вестник Московского государственного института культуры. 2013. №4 (54). С. 249–253.
6. Шастина Н. П. А. М. Позднеев / Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина // *Mongolica-VI*: сб. ст. Посвящается 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. Составитель И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 7–18.
7. Na Su. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // *Danish scientific journal*, 2019, no. 29, pp. 55–57.
8. Na Su. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // *Danish scientific journal*, 2019, no. 30, pp. 33–36.

¹ Цохуу Х. 15 ключей к познанию монгольского характера. Коренное искусство и культура. 05.02.2015 // ARD: портал деловой информации. URL: <http://asiarussia.ru/articles/6048/> (дата обращения: 10.11.2019).

² Автор является разработчиком оригинальной модели инструмента (на основе традиционных методик), используемой музыкантами Внутренней Монголии (в 1990 г.).

REFERENCES

1. Arin V. D. *Rossiyai Mongoliya na rubezhe XIX – XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the turn of the 19-20th centuries: Economics, Diplomacy, Culture]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013. 402 p.
2. Nesterova E. R. [Features of cultural interaction between the Mongols and the Chinese in the 13th and 14th centuries.]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture], 2015, no. 4 (25), pp. 55–59.
3. Novoselova A. V. *Shelk i bambuk v muzykal'noi kul'ture traditsionnogo Kitaya: avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved.* [Silk and bamboo in the musical culture of traditional China: PhD in Art Thesis]. Moscow, 2015. 24 p.
4. Na Su, Rimski V. P. [National musical culture in China (Mongolian cultural characteristics in the context of a musical instrument Morin huur)]. In: [Folk musical culture of the Russian provinces: problems of preservation and development: Proceedings of International Theoretical and Practical Conference (in the framework of the 8th scientific-creative "Manichkin Readings", Belgorod, Russia, 21- 22 March 2019)]. Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture Publ., 2019, pp. 238–241.
5. Ulziibaatar, Ariunbold. [Musical traditions of the Mongols in the system of regional civilization of Central Asia]. In: *Bulletin of Moscow State Institute of Culture*, 2013, no. 4 (54), pp. 249–253.
6. Shastina N. P. A. M. Pozdnev / Preparing to print, notes by A. G. Sazykin]. In: *Mongolica-VI: A Collection of Papers. Dedicated to the 150th birthday of A. M. Pozdnev. Compiled by I. V. Kulganek.* St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 2003, pp. 7–18.
7. Na Su. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // *Danish scientific journal*, 2019, no. 29, pp. 55–57.
8. NaSu. National-cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential // *Danish scientific journal*, 2019, no. 30, pp. 33–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насу – аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры;

e-mail: 渴望自由

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nasu – postgraduate student at the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture;

e-mail: 渴望自由

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Насу. Монгольский народный инструмент моринхуур: культурно-исторический генезис и идентификация // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2020. №2. С. 51–56.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-51-56

FOR CITATION

Nasu. Mongolian Folk Instrument Morin Huur: Cultural-Historical Genesis and Identification. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 51–56.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-51-56

УДК 001.18; 167.7

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-57-68

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, НЕДОСТАТКИ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Нехамкин А. Н.¹, Нехамкин В. А.²

¹ Независимый исследователь, г. Брянск, Российская Федерация

² Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, 2-я Бауманская улица, д. 5/1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Цель работы – выявить универсальные ошибки, мешающие развитию теории и практики социального прогнозирования, сформулировать рекомендации по их устранению.

Процедура и методы исследования. Авторами проведён анализ эволюции социального прогнозирования. На базе структурно-функционального анализа установлены типичные ошибки социального прогнозирования, проведена оценка возможных методик их блокирования.

Результаты проведённого исследования. По результатам исследования сделан вывод о наличии в системе социального прогнозирования следующих ошибок: прямая экстраполяция, сокращение срока сбываемости прогнозов, придание прогнозу катастрофического (алармистского) характера.

Теоретическая и / или практическая значимость работы заключаются в выявлении методологических основ ошибок социального прогнозирования, сформулированы предложения по их устранению. Выявляется прямая и обратная связь социального прогнозирования и действительности. Статья адресована специалистам в области социальной философии, социологии, прогнозирования.

Ключевые слова: прогноз, общество, социальное прогнозирование, недостатки и перспективы социального прогнозирования

SOCIAL FORECASTING: ACHIEVEMENTS, SHORTCOMINGS, WAYS OF IMPROVING

A. Nekhamkin¹, V. Nekhamkin²

¹Independent Researcher, Bryansk, Russian Federation

² Bauman Moscow State Technical University
5/1, 2nd Baumanskaya st., Moscow 105005, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of the work is to reveal universal errors that hinder the development of social forecasting theory and practice, to formulate recommendations for their elimination.

Methodology and Approach. The authors analyzed the evolution of social forecasting. On the basis of structural and functional analysis the typical errors of social forecasting are revealed, the estimation of possible methods of their blocking is carried out.

Results. The research showed the presence of the following errors in the system of social forecasting: direct extrapolation, shortening of forecast horizons, catastrophic (alarmist) nature of forecasts.

Theoretical and / or Practical Implications. Identification of the methodological foundations of social forecasting errors and proposals for their elimination; social forecasting and reality feedback. The article is addressed to specialists in the field of social philosophy, sociology, forecasting.

Keywords: forecast, society, social forecasting, shortcomings and prospects of social forecasting

ВВЕДЕНИЕ

Начнём с определений базовых понятий работы. Прогноз – «вероятностное высказывание (утвердительное или отрицательное) о событиях или ситуациях будущего с описанием их качественных или количественных характеристик и с указанием временного интервала их наступления, опирающееся на научное знание закономерностей развития в описываемой области действительности» [16, с. 50]. Совокупность прогнозов, сделанных относительно общественной эволюции, её динамики с использованием научных методов, может быть названа «социальным прогнозированием». Оно – важная часть обыденного, религиозного, научного, философского познания человеком окружающего общественного мира, его настоящего, прошлого, будущего. Авторы исследуют социальное прогнозирование только в аспекте, изучающем будущее. «Ретропрогнозирование» не реализовавшихся вариантов прошлого [8; 9; 18] в данной работе не рассматривается. Будущее познавали жрецы, теологи, философы, обычные люди. Они либо не прибегают к научным методам вообще, либо используют их выборочно. Авторы относят подобные попытки к «социальному предвидению». Наконец, грядущее может описываться либо в виде самых общих тенденций (например, в диалоге «Государство» Платона), либо с фиксацией подробностей (сценарии).

Социальное предвидение зародилось ещё до возникновения науки. Тогда его осуществляли различные служители культа: от шаманов и колдунов первобытных времён до древнеримских прорицателей и христианских мыслителей. Здесь высказывания о будущем были тесно связаны с реальностью. Иногда от них зависела жизнь людей. Так, в Древнем Риме гадания специального жреца (авгура) на внутренностях священных животных относительно исхода сражения предшествовали многим битвам, оказывали на их исход существенное влияние, служили психологической подготовке

воинов. Гадания, как первый метод предвидения, подвергал подробному анализу М. Т. Цицерон (трактат «О дивинации»). Предвидению хода военных действий с помощью разведки уделял много внимания древнекитайский военачальник, теоретик Сунь-цзы (см. «Искусство войны»).

Немало предсказаний можно найти в Библии, трудах «отцов церкви» (см., например, труд Блаж. Августина «О Граде Божьем»). Следует выделить и пророчества о «конце света», регулярно переносившемся в средневековой Европе с одной даты на другую (первой датой был 1000 г.). До нашего времени дошли прогнозы французского мыслителя и врача XVI в. М. Нострадамуса, выраженные в стихах. Они разбивались на центурии, которые делились на четверостишия (катрены). Первый сборник центурий Нострадамуса появился в 1550 г. Содержание зашифрованных здесь в виде символов предсказаний будущего до сих пор волнует многих людей, включая учёных, стремящихся «расшифровать Нострадамуса» [3]. Их цель – знать события XXI в., о которых, возможно, упоминается в центуриях. В XX в. удивительным феноменом пока неясного учёным дара предвидения на базе интуиции, внутренних «озарений» была болгарская прорицательница Ванга. Таковы некоторые наиболее масштабные попытки предвидеть будущее общества на базе религии, в культуре, искусстве, политике, военном деле, сохраняющие и доныне свою актуальность.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что предвидение опиралось на интуицию, аналогию, здравый смысл, предшествующий опыт.

Научные прогнозы социального развития стали формироваться в рамках классической науки. Её представители, вдохновлённые успехами классической механики И. Ньютона, исследований И. Кеплера, П. Лапласа и других, полагали, что прогнозирование в естественных и гуманитарных науках должно носить универсальный характер. Прогноз не зависит от специфики изучаемого объекта (или

это неодоушевленное физическое тело, или общество и обладающий сознанием человек). Стоящие на пути познания будущего преграды определяются исключительно «мерой нашего незнания» (Г. Лейбниц). Прогноз динамики любого социального объекта может обеспечить наука, способная открыть «непреложные» законы становления социума. Это позволит изгнать из жизни общества и конкретных людей случайность, сделает её закономерной и рациональной. Человечество избавится от революций, войн, голода и прочих негативных проявлений нынешней социальной жизни. Подобная грандиозная задача, начиная с О. Конта, отводилась социологии. Имелись отличия позиций лишь относительно количества законов. Ещё в середине XIX в. полагали, что для прогнозирования социального развития надо открыть один «закон прогресса». Он, по мнению Дж. С. Милля, «будучи установлен, должен... позволить предсказывать будущие события так же, как это происходит в алгебре, когда из первых членов бесконечного ряда становится понятным принцип регулярности их образования, и мы можем предсказать, каким будет весь остальной ряд вплоть до любого члена»¹.

Ближе к концу XIX и в первой половине XX в. победило мнение, что законов, определяющих общественную динамику, несколько. Так, у В. Вундта выделено 8 законов «социального развития», у К. Брейзинга – ещё больше (24 закона описывают только «политическую жизнь» народов)².

После выявления социологией законов «... они должны *управлять* (*курсив наш.* – А. Н., В. Н.) настоящим и будущим так же, как они управляли прошедшим. В таком случае на место шатких... вероятностей выступает трезвый, покоящийся на позитивном социальном знании... расчёт и *предвидение будущего* (*курсив*

Л. Гумпловича. – А. Н., В. Н.)»³. Однако данную программу сторонникам классической науки и позитивизма реализовать не удалось. Универсальных законов социальной жизни, признанных научным обществом, социологи так и не открыли. Социальный мир оказался более сложным, чем представлялось в XIX в., что делало необходимым поиск новых методологических основ прогнозирования.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В XX в. появляется неклассическая наука, базирующаяся на нелинейности, относительности, вероятности и иных подобных понятиях. Здесь формируется иная картина мира, где социальное прогнозирование носит не универсальный, а ограниченный характер. В сложившихся условиях К. Поппер⁴ вообще отрицал наличие социальных законов, заявлял о невозможности «предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов...»⁵. Сторонники синергетики в варианте И. Пригожина утверждали о бесполезности прогнозов в определённых ситуациях: в переходных состояниях развития общества («точках бифуркации»). Неокантианцы в лице В. Виндельбанда и Г. Риккерта ещё в конце XIX в. оставляли прогнозы лишь естествознанию (наукам номотетическим), а для наук гуманитарных (идиографических) они полагали прогнозирование неприемлемым по причине «неповторимого» характера каждого субъекта исторического процесса, обладающего уникальным сознанием.

Таким образом, социальное прогнозирование в рамках неклассической и зарождающейся неонеклассической науки XX–XXI вв. существенно ограничило в «правах»: либо полностью отрицали, либо давали возможность проявиться лишь при

¹ Цит. по: Поппер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993. С. 135–136.

² Философия истории. Антология. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 144–157.

³ Гумплович Л. Основы социологии. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 123.

⁴ Поппер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 187 с.

⁵ Там же, с. 3.

изучении некоторых фрагментов социальной реальности.

По нашему мнению, социальное прогнозирование возможно и необходимо. Однако оно сталкивается с рядом трудностей гносеологического характера. Во-первых, единой «как таковой науки, которая занималась бы будущим», не существует [12, с. 134]. Хотя на подобный статус претендует футурология, но она фактически решить данной интеграционной задачи не может. Во-вторых, исследования социального будущего разобраны между естественными и гуманитарными науками. В каждой из них есть специфические цели, задачи исследования, методология. В-третьих, социальным прогнозированием занимаются различные субъекты (от государственных структур типа корпорации РЭНД до сугубо частных или отдельных исследователей), между которыми нет достаточной координации усилий. В-четвёртых, объектом прогноза становятся различные сферы деятельности – политическая, экономическая, военная и т. д., а единства между ними также не наблюдается. Перечисленные обстоятельства: 1) требуют объединения накопленных знаний о социальном прогнозировании в единую дисциплину; 2) ставят более конкретный вопрос, касающийся частных прогнозов, – каковы их типичные недостатки и как их преодолеть. Ответ на него и будет дан в нашей работе.

ПРЯМАЯ ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ

Использование данного метода в ходе прогнозирования предполагает перенос имеющейся информации о прошлом и настоящем на будущее с обязательным допущением, что последнее останется константным (неизменным). Качественных изменений в процесс экстраполирования, как правило, не вносится. При этом необходима опора на здравый смысл, имеющийся опыт. Часто экстраполирование основано на наблюдениях над окружающим миром.

Приведём характерный пример из древнекитайской философии. Мо-цзы предложил человеку, отрицающему прогнозирование, сопоставить две ситуации. Одна – движение к цели на значительное расстояние осуществляется на «старой» повозке и худших по качеству лошадях, другая – на «новой» повозке с лучшими лошадьми. На уровне здравого смысла и имеющегося жизненного опыта очевидна предпочтительность второго варианта. Это дало возможность Мо-цзы заключить: «Как же можно сказать, что мы ничего не можем знать о будущем?»¹

Подобная оценка вероятности реализации будущих событий, о которой говорил Мо-цзы, позволила в дальнейшем подойти к формированию логистики, определению результатов спортивных соревнований, развитию междисциплинарной «теории игр».

Приведём другой пример прямой экстраполяции, который не учитывал динамику развития имеющихся средств передвижения. Так, во второй половине XIX в. в Лондоне отмечался быстрый рост населения. Отсюда вывод: для их перевозки требовалось бы всё большее количество конных экипажей. Это, как полагал, например, писатель-фантаст Г. Уэллс, вело к тому, что улицы города уже к началу XX в. буквально утонули бы в навозе «до второго этажа домов» [цит. по: 6, с. 190]. Гипотеза была бы верна, если бы движение в городах на конной тяге рассматривать как константное, безальтернативное в будущем.

Однако в реальности пробивала дорогу новая тенденция в развитии техники передвижения. Уже появились паровозы и первые автомобили («самодвижущиеся повозки»). Однако они сторонниками прямой экстраполяции в расчёт не принимались из-за малого количества и многочисленных технических изъянов.

Если бы в экстраполяцию были внесены качественные изменения, прогноз Г. Уэллса мог быть существенно скорректирован. Во-первых, рисуемая для насе-

¹ Антология Мировой Философии. Т. 1. Ч. 1. М.: Наука, 1969. С. 205.

ления городов картина будущего стала бы более оптимистична. Во-вторых, значительное развитие получило бы планирование будущего городского хозяйства (в направлении расширения строительства новых железных и шоссейных дорог).

Какими средствами можно противостоять прямой экстраполяции в социальном прогнозировании? Во-первых, принять допущение неопределённости будущего, т. е. признать, что в нём могут появиться и доминировать принципиально новые факторы. Они либо играют второстепенные роли (как паровозы и автомобили в середине XIX в.), либо вообще отсутствуют в настоящем. Так, Д. Урри, оценивая мнение специалистов о том, что к 2050 г. в городах станут проживать 2/3 населения Земли, делает важную оговорку: «Этот прогноз кажется вполне *правдоподобной экстраполяцией* (курсив наш. – А.Н., В.Н.), хотя и основывается на отсутствии катастрофических событий, таких как глобальные эпидемии, бедствия, вызванные изменениями климата, масштабная нехватка воды и продуктов питания... и т. п.» [12, с. 189]. Не учтённые из настоящего факторы порождают качественные изменения, способные скорректировать прогноз, основанный на прямой экстраполяции.

Во-вторых, мысленному продлению должна подлежать не только доминирующая тенденция (перевозки людей конными экипажами), но и альтернативная (на базе железнодорожного и автомобильного транспорта).

В-третьих, при реализации сценариев будущего необходимо учитывать роль субъективности и уровня информированности людей. Они могут, имея лучшие средства, выбрать неадекватный вариант достижения цели. Представим, что возница повозки с молодым конём из примера Мо-цзы, получив ложную информацию, свернул на объездную дорогу. Тогда реальный шанс прийти первым к «финишу» появлялся бы у кучера со старой телегой и плохой лошастью.

Итак, без прямой экстраполяции прогнозы социального будущего невозмож-

ны. В то же время «будущее никогда не бывает... беспроblemной экстраполяцией того, что происходит сегодня» [12, с. 288]. Отсюда необходима корректировка данного метода в соответствии с изменениями качественных параметров.

СОКРАЩЕНИЕ СРОКА СБЫВАЕМОСТИ ПРОГНОЗОВ

Распространённый недостаток современных прогнозов – частое сокращение авторами срока их сбываемости. Он объясняется тем, что создатели сценариев будущего выступают не только учёными, беспристрастно раскрывающими объективные тенденции общественного развития, но и людьми, обладающими субъективными качествами. Влияние субъективизма надо обязательно учитывать при оценке достоверности сделанных прогнозов. Отдельным специалистам хочется увидеть осуществление сделанного прогноза ещё при их жизни и даже в самом скором времени. Это оказывает прямое влияние на сокращение срока сбываемости прогноза.

Стремление к быстрому осуществлению прогноза может стать феноменом и коллективного обыденного сознания. Сначала человек, а потом группа людей убеждают себя, что реализация именно такого варианта будущего неизбежна. Затем они начинают делать для этого определённые практические шаги. Возникает эффект «самоисполняющегося пророчества». Его суть: «индивид или племя под суггестивным давлением предсказания бессознательно провоцируют ожидаемые события, часто весьма неблагоприятные для себя. <...> В этнографической литературе приводятся случаи, когда проклятие шамана приводило к смерти молодого здорового человека» [6, с. 197]. Иными словами, логика подобных индивидов и групп следующая: «день реализации прогноза мы приближали как могли». Это способствует субъективному стремлению сократить срок сбываемости прогноза.

Наконец, такой подход привлекает к исследователю дополнительное внимание широкой публики. Происходящее через 50-100 лет мало волнует живущих ныне людей, а реализуемое через 5-10 лет – скорее всего вызовет их повышенный интерес.

Рассмотрим пример «ускоренного» социального прогнозирования. Отечественный публицист М. Калашников в 2010-е гг. предполагал... глобальный социальный апокалипсис. Один из параграфов его книги «XXI кровавый век. Катастрофа неизбежна» носит специфическое название: «Буря. Скоро грянет буря». 2010-е гг., по его мнению, станут «критическими для мира и РФ» [4, с. 59]. Это время, «когда наступит катастрофа в экономике и политике обществ» [4, с. 59]. «Столетие Октября (2017 г.) выльется в нечто, низвергающее остовы старого мира». Это будет «как разрушительный взрыв, как мировая Хиросима. <...> С бунтами, манифестациями, под красными флагами и с маршами новых фашистов и нацистов, со стрельбой по демонстрантам и разгоном парламентов, с введением чрезвычайного положения, с запретом партий, с появлением то ли диктаторов, то ли Директорий, то ли военных режимов» [4, с. 59]. Сегодня на дворе 2020 год. Мир, конечно, пережил с 2010 г. определённые кризисы: Арабская 2011 г. и Русская 2014 г. «вёсны», длительная война в Сирии, наплыв мигрантов из Африки в Европу в 2015-2016 гг. и многое другое. Однако глобальной катастрофы в данный период, вопреки субъективным ожиданиям автора, не произошло. Причин несколько. Первая: социальная действительность обладает объективной инерционностью развития, что препятствует её быстрой деструкции. Вторая: в 2010-е гг. не произошло катастрофического события, подобного I Мировой войне, коснувшейся большинства государств мира, уничтожившей три существовавшие длительный срок империи (Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую), перекроившей политическую карту.

Одновременно прогноз М. Калашникова о скорой глобальной катастрофе имеет и

позитивную практическую сторону. Он показывает примеры корреляции настоящего, исходя из прогнозируемого будущего, заставляет искать уже сегодня средства, направленные на предупреждение реализации данного возможного в дальнейшем сценария. Отметим: хотя в 2010-е гг. прогноз М. Калашникова не сбился, но социальные условия его реализации сохраняются сегодня и сохраняются в дальнейшем. Отсюда целесообразно допустить, что подобная социальная катастрофа может действительно произойти в обозримом будущем. Такой прогноз настраивает на поиск путей эволюционного выхода из предкризисной ситуации. В практическом плане ООН, ЕС, отдельным странам требуется разработать комплекс мер, блокирующих осуществление негативного сценария на длительный период. Они должны быть направлены на недопущение внутри государств этнических и иных конфликтов, а на межгосударственном уровне – войн между странами (особенно обладающими ядерным оружием). Требуется снижать и уровень взаимной враждебности государств.

Как противостоять ускорению сбываемости прогнозов? Кажется, что это невозможно: делающий прогноз специалист субъективно решает, когда наступит срок его реализации. Однако можно указать средства блокирования «поспешных» прогнозов. Во-первых, необходим подробный анализ конкретных социальных явлений, обстоятельств, сроков реализации такого сценария. Для этого он должен перейти от моно- к полифакторному. Во-вторых, требуется выявление скрытых эмпирических и теоретических допущений, лежащих в основе ускоренно реализуемого сценария. В-третьих, предполагается обязательное изучение прогноза со стороны экспертного сообщества, состоящего из специалистов в сфере различных наук. В-четвёртых, тщательный поиск и обоснование аналоговой исторической ситуации, на базе которой даётся описание будущего.

ПРИДАНИЕ ПРОГНОЗУ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО (АЛАРМИСТСКОГО) ХАРАКТЕРА

Быстрая реализация заявленного предположения о будущем – лишь одна распространённая ошибка социального прогнозирования. Другая – частое допущение катастрофического характера описанных в прогнозе событий (как видно на примере сценария М. Калашникова). Такой прогноз решает сразу несколько задач. Во-первых, демонстрирует превосходство данного прогноза над аналогичными «конкурирующими» работами, обеспечивает рекламу авторам и их позиции в СМИ. Во-вторых, привлекает внимание эпатажностью. В-третьих, расширяет рамки популяризации прогноза с узкой группы специалистов-представителей научного сообщества до широких слоёв населения страны и мира в целом. Одновременно такой подход требует от авторов адаптации сценария, его выводов для понимания на уровне обыденного сознания. В-четвёртых, прогноз-катастрофа выступает предостережением. Отсюда алармизм, то есть сделанное в резкой форме предупреждение о грозящей людям беде.

Остановимся на некоторых примерах катастрофическо-алармистских прогнозов, сделанных во второй половине XX и начале XXI вв.

В докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972 г.) Донелла и Деннис Мидоузы, а также их коллеги опирались при моделировании мировой динамики на следующие параметры: рост народонаселения, промышленного капитала, производства продуктов питания, потребления ресурсов, уровня загрязнения окружающей среды. «... Чтобы следить за развитием этих взаимосвязанных процессов и прогнозировать ход их развития на ближайшее будущее, нами была создана специальная компьютерная модель мира World 3» [5, с. 575]. По их мнению, при существующих на Западе темпах потребления, запасы природных полезных ископаемых исчерпаются к 2010 году. Это вызовет обвальное

сокращение населения, иные негативные социальные последствия. Данная позиция обуславливает необходимость принятия радикальных мер по «лечению болезни».

Мидоузы и коллеги выдвинули идею «нулевого роста», вызвавшую большое внимание общественности. Для сохранения невозобновляемых природных ресурсов (угля, нефти, газа) учёные предложили сократить уровень потребления и количество населения в странах Запада. Подобные меры отвергли прежде всего политики, которым пришлось бы начать их практическое воплощение в жизнь. Как отмечал в 1976 г. канцлер ФРГ Г. Шмидт, современные государства «не Диогены, чтобы жить в бочке». Не в восторге от «сокращения потребления» были бы избиратели.

Однако алармизм «Пределов роста» сыграл позитивную роль. Он привлёк внимание широкой общественности к: 1) проблеме сокращения источников энергоносителей; 2) ускоренному росту населения Земли; 3) нарушению экологического равновесия в системе «природа – общество». Даже создатели модели World 3 в 1992 г., объясняя причины того, что их прогноз не сбудется в обозначенный срок, призвали рассматривать «пределы» не как «барьеры» или «угрозы», а как способ рационального и бережного использования «имеющихся ресурсов» [5, с. 581]. Положительным является и тот факт, что озвученная в «Пределах роста» идея об «управляемом экономическом антиросте» стала в 1990-е гг. предлагаться западными учёными как средство решения климатических проблем: снижения выбросов парниковых газов на 8-10% в год [17, р. 21].

Важным оказался опыт «Пределов роста» и в методологическом плане. Модель показала, что нельзя останавливаться на одном безальтернативном, предлагаемом авторами варианте выхода из прогнозируемой негативной ситуации (например, «нулевом росте»). Целесообразен поиск ряда вариантов разрешения кризисной ситуации. Это будет иметь положительный эффект в ходе дальнейших попыток прогнозирования.

Тема «прогностического катастрофизма» на глобальном уровне, получившая распространение в конце XX и начале XXI вв., обернулась и негативной стороной в познавательном плане. Например, в работе А. Буrowsкого и С. Якуцени, вышедшей в 2010 г., «Завтра будет война» [2], как и у М. Калашникова, содержащий сценарий всемирной социальной катастрофы в 2010-е гг. Ещё раньше, в 1990-е гг., Т. У. Читтам опубликовал работу «Гражданская война в США. 2020» [15]. В 2011 г. тезис об экономической и политической слабости США выдвинул российский учёный И. Панарин. Он поставил вопрос: «сохранятся ли США в 2012 году?» [10, с. 213-215]. В качестве ответа И. Панарин «не исключал разрушение их системы управления и развёртывания там неконтролируемых событий в ближайшие два года с конфликтами на территории всей планеты» [10, с. 214]. По мнению некоторых спешащих с выводами публицистов, США уже сегодня – «гигантский фантом», готовый «рухнуть в любой момент», а потому надо осуществлять «регулирование этого катастрофического процесса по всем линиям будущего разлома США: национальной, расовой, финансовой, экономической, экологической, международной» [11, с. 514–515]. Такой подход прямо подталкивает к реализации данного сценария-катастрофы в ближайшее время.

Разумеется, ничто (включая государство), как утверждал после чтения Екклесиаста Н. М. Карамзин, «не вечно под Луной». Наверное, рано или поздно распадутся, ослабнут или, как минимум, потеряют роль мирового гегемона США, где немало внутренних социальных проблем. (Об этом свидетельствует пример СССР. Ещё в 1981 г. мало кто из серьёзных учёных «пророчил» крах внешне могучей сверхдержаве всего 10 лет спустя. Так, в книге советского диссидента А. Альмарика «Просуществоет ли СССР до 1984 года?» (1969 г.) срок распада страны взят не из научного прогноза, а из названия романа Дж. Оруэлла «1984».) Однако мы придерживаемся иного мнения. США в настоящий момент – достаточно мощное государство, обладающее

сильнейшей армией в мире, контролирующее глобальные финансовые ресурсы. Не случайно прогноз о его крахе не сбывается. Прошёл 2012 г., наступил 2020 г., а США в нынешней роли глобального игрока существуют и не думают распадаться.

Сторонники социального катастрофизма опять-таки не учли инерционности общественной динамики. Более близок к истине, вероятно, З. Бжезинский, который ещё в 1997 г. полагал, что гегемонии США в мире осталось на чуть больший срок – до 2025–2027 гг., ибо мировой экономике и политике «станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства» [1, с. 247].

По нашему мнению, учитывая инерционность социального развития, опираясь на многофакторный анализ ситуации, распад США в ближайшие 10-15 лет кажется маловероятным вариантом. Кроме того, следует учитывать, что реализация подобного сценария будет опасна для развития мировой цивилизации. Она способна привести к глобальным катастрофическим последствиям. Отметим некоторые из них: разрушение системы 730 американских военных баз¹ за пределами страны, появление в мире дополнительного «свободного» оружия и наемников (из бывших военнослужащих армии США); вероятное попадание в руки экстремистских групп боеприпасов различных видов ОМП (ядерного, химического, бактериологического); рост локальных столкновений в разных частях света на этнической, расовой, религиозной почве. В итоге быстрый распад США способен создать не только местную «воронку нестабильности», но и породить тот «вакуум силы» на международном уровне, который чреват скатыванием государств к новой мировой войне. Эти события могут оказаться более трагическими, чем результаты исчезновения с политической карты мира СССР в 1991 г. Отсюда в интересах международной безопасности, для предупреждения эскалации обстановки, миро-

¹ Сколько на планете военных баз США? URL: <https://imhotype.livejournal.com/655127.html> (дата обращения: 19.08.2019).

вому сообществу целесообразно сдерживать распад США или, по крайней мере, стараться отдалить его на неопределённый период времени, сохраняя сложившееся, пусть и шаткое, равновесие. Такая стратегия очень важна для обеспечения мира на планете и предотвращения конфликтов на территории отдельных стран.

Следует отметить и другое позитивное качество катастрофизма (алармизма) в социальном прогнозировании: наличие периода между предсказанным событием и его реализацией даёт возможность наметить и постараться осуществить ряд мер по предотвращению негативного сценария. Так, в 1996 г. С. Хантингтон указывал, что развиваемый им цивилизационный подход «... фокусируется на «линии разлома», которая проходит по Украине, деля её на православную восточную и униатскую западную части, ... подчёркивает возможность раскола Украины. А учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии» [14, с. 42]. В реальности прогноз С. Хантингтона начал реализовываться не сразу, а спустя 18 лет, в 2014 г., и пока находится в процессе становления (от Украины «ушёл» Крым, часть территорий Донецкой и Луганской областей, остальные пока удалось удержать с использованием вооружённых сил).

Предотвратим ли прогноз дальнейшего распада Украины? По нашему мнению, да. Но это можно сделать при условии, если руководство страны начнет уделять стратегическое внимание базовым экономическим проблемам, их решению. В основе противоречий, смуты на Украине лежит в конечном итоге не политика, а экономика. Единство и выживание данного государства следует искать не в сфере политики. Оно не может быть достигнуто и чисто военными средствами. Только повышение эффективности экономики, концентрация сил на росте ВВП, вывод страны из критического состояния, в котором она оказалась, способны

сохранить Украину, даёт ей шанс избежать участи Югославии или Чехословакии.

Итак, катастрофические (алармистские) прогнозы – не плод воображения учёных, могут реализоваться на практике. При этом они обладают существенными недостатками. Во-первых, описания будущего намеренно упрощаются, чтобы быть очевидными для широких масс людей. Во-вторых, сценарии грядущего окрашиваются наиболее мрачными красками (чтобы «напугать» публику). В-третьих, их реализация переносится в ближайшее, обозримое будущее. Так, в докладе «Пределы роста» исчерпание ресурсов Земли виделось через 38 лет, в 2010 г., для А. Буровского и С. Якуцени, Т. У. Читтама, И. Панарина и др. крах Западного мира и его гегемона (США) мыслился уже в перспективе 10 лет. В-четвёртых, постоянные призывы к человечеству «спасаться» от очередной прогнозируемой учёными (публицистами) угрозы могут привести к тому, что из-за большого количества и низкой осуществимости их просто начнут игнорировать. Как в известной притче, где после нескольких ложных призывов пастуха овец – «волк!» – при возникновении реальной опасности люди предпочли её не замечать.

Как преодолеть недостатки катастрофических (алармистских) прогнозов? Во-первых, требуется вместо преимущественного описания деталей их реализации провести тщательный анализ тенденций социального развития. Во-вторых, осуществлять подбор адекватных аналогий, на которых строятся подобные сценарии, раскрыть особенности их реализации в конкретном месте. В-третьих, предъявлять строгие требования к определению сроков осуществления прогнозной ситуации с позиции междисциплинарности, а не одной-двух наук. В-четвёртых, следует выявить «скрытые» базовые положения катастрофических прогнозных сценариев, определяемые личными субъективными предпочтениями авторов прогнозов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Прогноз – описание возможных вариантов будущего, претендующее на объективность. В социальных науках он отражает и субъективную позицию, мировоззрение, ценности его автора (авторов), их желание привлечь к своей работе внимание общественности.

2. Социальный прогноз носит одновременно как объективный, так и субъективный характер. Последний создаёт возможность ошибочных построений и выводов. Отсюда прогноз целесообразно корректировать средствами научного познания, выявлять, классифицировать существующие ошибки, проводить поиск способов их нейтрализации.

3. Социальное прогнозирование, в отличие от осуществляемого в естествознании, признают неточным. На этой основе отрицают его научность. На наш взгляд, основная причина такого подхода – игнорирование различных сроков прогнозирования. Так, прогноз на столетие «не может быть полным и безоговорочно верным» [13, с. 328]. Чем больше период реализации

прогноза, тем выше вероятность содержания в нём недостоверной информации (особенно в деталях описываемых событий). Однако это не повод отказываться от социального прогнозирования.

4. Важный элемент, влияющий на формирование методологии социального прогнозирования, – эффект «самоисполняющегося пророчества». На базе сформированного общественного мнения люди могут сознательно предпринимать практические действия, направленные на реализацию прогноза. Это не всегда учитывается в ходе прогнозирования. Такой подход способствует росту содержащихся в прогнозе ошибок, создаёт ложные ситуации, требующие их специального изучения с целью нейтрализации.

5. Социальный прогноз позволяет активно влиять на настоящее, корректировать его посредством разработки комплекса мер, способных предотвратить негативные сценарии будущих событий, улучшить перспективы глобального, национального, регионального развития [7].

Статья поступила в редакцию 26.03.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
2. Буровский А., Якуцени С. Завтра будет война! М.: Яуза-пресс, 2010. 352 с.
3. Зима Д., Зима Н. Тайна Нострадамуса раскрыта. М.: РИПОЛ Классик, 1998. 349 с.
4. Калашников М. XXI кровавый век. Катастрофа неизбежна. М.: Яуза-пресс, 2011. 317 с.
5. Мидоуз Д., Мидоуз Д., Рандерс Й. За пределами допустимого, глобальная катастрофа или стабильное будущее // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. С. 572–595.
6. Назаретян А. П. О прогнозировании в шутку и всерьёз // Историческая психология и социология истории. 2011. №1. С. 189–209.
7. Нехамкин А. Н. Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора. Брянск: Брянское областное полиграфическое объединение, 2008. 527 с.
8. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для учёного // Диалог со временем. 2018. №65. С. 336–352.
9. Нехамкин В. А. Альтернативы прошлого в философии истории (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Изд-во МГТУ, 2008. 32 с.
10. Панарин И. Н. Мир после кризиса, или что дальше? СПб.: Питер, 2011. 240 с.
11. Платонов О., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. 528 с.
12. Урри Д. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2019. 320 с.
13. Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: ЭКСМО, 2010. 336 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.
15. Читгам Т. У. Крах США. Вторая гражданская война. 2020 г. М.: Книжный мир, 2010. 452 с.

16. Яхонтов Б. А. Предвидение как способность и деятельность. М.: Изд-во МГТУ, 1993. 78 с.
17. Klein N. This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate. L.: Allen Lane, 2014. 170 p.
18. Nekhamkin V. A. A counterfactual challenge of the past: Ways of negotiation // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2017, vol. 87, no. 2, pp. 191–198.

REFERENCES

1. Bzhezinsky Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Amerikanskoe prevoskhodstvo i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard. The American Superiority and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniya* Publ., 2010. 256 p.
2. Burovsky A., Yakutseni S. *Zavtra budet voyna!* [Tomorrow There Will Be War!]. Moscow, *Yauza-press* Publ., 2010. 352 p.
3. Zima D., Zima N. *Taina Nostradamusa raskryta* [The Secret of Nostradamus Has Been Revealed]. Moscow, *RIPOL Klassik* Publ., 1998. 349 p.
4. Kalashnikov M. *XXI krovavyy vek. Katastrofa neizbezhna* [Bloody 21st Century. A Disaster Is Inevitable]. Moscow, *Yauza-press* Publ., 2011. 317 p.
5. Midouz D., Midouz D., Randers I. *Za predelami dopustimogo, global'naya katastrofa ili stabil'noe budushchee* [Beyond the limits, global catastrophe or sustainable future] // *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [The New Postindustrial Wave in the West: An Anthology]. Moscow, *Akademiya* Publ., 1999, pp. 572–595.
6. Nazaretyan A.P. [About forecasting jokingly and seriously]. In: *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 2011, no. 1, pp. 189–209.
7. Nekhamkin A.N. *Prezident dlya budushchei Rossii. Problema optimal'nogo obshchestvennogo vybora* [The President for the future Russia. The problem of optimal social choice]. Bryansk, Bryansk Regional Printing Association, 2008. 527 p.
8. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. [Counterfactual simulation of the past in everyday cognition: lessons for the scholar]. In: *Dialog so vremenem*, 2018, no. 65, pp. 336–352.
9. Nekhamkin V.A. *Al'ternativy proshlogo v filosofii istorii (teoretiko-metodologicheskii analiz): avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk* [Alternatives of the past in the history of philosophy (theoretical-methodological analysis): D. Thesis in Philosophy]. Moscow, *MSTU* Publ., 2008. 32 p.
10. Panarin I.N. *Mir posle krizisa, ili chto dal'she?* [World after Crisis, or What Next?]. St. Petersburg: *Peter*, 2011. 240 p.
11. Platonov O., Raizegger G. *Pochemupogibnet Amerika: vzglyad s Vostoka i Zapada* [Why America Will Perish: A View from East and West]. Moscow, *STOLITSA-PRINT* Publ., 2008. 528 p.
12. Urri D. *Kak vyglyadit budushchee?* [How Does the Future Look?]. M.: Publishing House "Delo" Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2019. 320 p.
13. Fridman D. *Sleduyushchie 100 let: prognoz sobytii XXI veka* [The next 100 Years: A Forecast of the Events of the 21st Century]. Moscow, *EKSMO* Publ., 2010. 336 p.
14. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow, *AST* Publ., 2016. 640 p.
15. Chittam T.U. *Krakh SSHA. Vtoraya grazhdanskaya voyna. 2020 g.* [The Collapse of the United States. The Second Civil War. 2020]. Moscow, *Knizhnyi mir* Publ., 2010. 452 p.
16. Yakhontov B.A. *Predvidenie kak sposobnost' i deyatel'nost'* [Foresight as Ability and Activity]. Moscow, *MSTU* Publ., 1993. 78 p.
17. Klein N. This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate. L.: Allen Lane, 2014. 170 p.
18. Nekhamkin V. A. A counterfactual challenge of the past: Ways of negotiation // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2017, vol. 87, no. 2, pp. 191–198.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нехамкин Аркадий Наумович – доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук;

e-mail: nehamkin.nauka@yandex.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского университета Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;

e-mail: nechamkin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkady N. Nekhamkin – Doctor of Economics, Professor, member of the Russian Academy of Natural Sciences;
e-mail: nehamkin.nauka@yandex.ru

Valeriy A. Nekhamkin – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: nechamkin@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Социальное прогнозирование: достижения, недостатки, пути совершенствования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 57–68.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-57-68

FOR CITATION

Nekhamkin A. N., Nekhamkin V. A. Social Forecasting: Achievements, Shortcomings, Ways of Improving. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 57–68.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-57-68

УДК 128

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-69-74

О ПРИРОДЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Рукин А. В.*Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза**Г. К. Жукова**170100, г. Тверь, ул. Жигарева, д. 50, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью работы является изучение природы информации и обоснование информационного подхода к сущности человека.

Процедура и методы исследования. Процедура исследования определяется проведением анализа взглядов исследователей информации в различных отраслях научного знания. Основное содержание исследования составляет авторский анализ свойств и особенностей существования информации в окружающей реальности. В исследовании использовались метод анализа, герменевтика, рефлексия и мысленное моделирование.

Результаты проведённого исследования. Информация является неотъемлемым имманентным, субстанциальным свойством любого существующего предмета. Информационный подход к человеку предполагает выделение внутриличностных информационных компонентов, которые обуславливают формирование и развитие его самого. Интериоризированная информация образует и определяет самого человека, иными словами, это его сущность.

Теоретическая и / или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет дополнить представления о природе информации и сущностных характеристиках человека.

Ключевые слова: информация, человек, сущность человека, информационный подход к человеку, интериоризация и эктериоризация информации

ON THE NATURE OF INFORMATION AND MAN

A. Rukin*Military Academy of Aerospace Defense named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov**50 Zhigareva ul., Tver 170100, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The purpose of the study is to explore the nature of information and substantiate the information approach to the nature of man.

Methodology and Approach. The analysis of the studies on the nature of information in various branches of scientific knowledge is carried out. The main content of the study is the author's analysis of the properties and characteristics of the existence of information in surrounding reality. The study used the analysis method, hermeneutics, reflection and rational modeling.

Results. Based on the study, we can conclude that information is an integral immanent, substantial property of any existing subject. Information defines an object and exists in a specific natural form. The information approach to man involves identification of intrapersonal information components that determine their formation and development. The interiorized information moulds humans, in other words, it makes their essence.

Theoretical and / or Practical Implications. The study allows us to enrich the idea of the nature of information and human essential characteristics.

Keywords: information, a person, the essence of a person, an informational approach to a person, interiorization and exteriorization of information

ВВЕДЕНИЕ

В философии проблема информации решается со времён Платона. Благодаря кибернетике и информатике информация и информационные технологии революционными темпами изменяют жизнь современного общества. Проблема изучения природы информации стала междисциплинарной. Сегодня информационный подход к толкованию явлений и процессов окружающей реальности охватывает практически все области научного знания. Научное объяснение новых граней информационной природы создаёт новые эвристические перспективы в различных областях научного поиска. Вместе с тем, природа информации может быть раскрыта лишь в системе философского знания, позволяющего рассмотреть информацию в аспекте всеобщей системы бытия человека и существующей реальности.

Целью работы является изучение природы информации и обоснование информационного подхода к сущности человека. В интересах достижения цели исследования решаются две задачи. Первая – анализ основных концепций информации. Вторая – обоснование информационного подхода к человеку. В решении поставленных задач использовались методы: анализ, герменевтика, рефлексия и мысленное моделирование.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИИ

В современном мире понятие *информация* широко используется во всех сферах общественной жизни. Однако смысл употребляемого понятия остаётся дискуссионным в научной мысли, а понятие *информация* может употребляться в разных значениях в различных отраслях жизнедеятельности человека.

Значительный вклад в развитие представлений о природе информации внесли отечественные учёные. В отечественной научной мысли изучению природы инфор-

мации посвятили свои труды А. Д. Урсул, И. Б. Новик, Л. Б. Баженов, П. В. Копнин, А. М. Коршунов, В. С. Тютин, Б. С. Украинцев. Следует отметить, что исследование природы информации осуществлялось в условиях доминирования материалистической идеологии.

В результате исследований и дискуссий сформировались две ведущие концепции – атрибутивная и функциональная.

Атрибутивная концепция утверждает существование информации в живой и неживой природе. Информация является атрибутом материальных объектов. Информация возникает и проявляется в результате отражения материальным объектом воздействия другого материального объекта.

Функциональная концепция ограничивает существование информации самоуправляемыми и кибернетическими системами, при этом информация рассматривается как сигнал.

Значительный вклад в понимание природы информации внёс А. Д. Урсул. Разрабатывая философию информации, он соотносит понятие *информация* с понятиями *отражения* и *различия* [7; 8; 9]. Информация, считает Урсул А. Д., есть только там, где имеется различие. Там, где нет различия, нет информации. Мера различия определяет количество информации. Отражение позволяет объяснить механизм информационного взаимодействия, определяющего все информационные процессы в природе и обществе.

Фундаментальность информации обосновывает К. К. Колин [2; 3; 4]. Информация представляет собой объективное свойство реальности, которое проявляется в неоднородности (асимметрии) распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов, происходящих в мире живой и неживой природы, а также в человеческом обществе и сознании [2]. Справедливыми

представляются выводы К. К. Колина о том, что количество информации является мерой сложности организованных систем любой природы.

В теории информации изучаются вопросы хранения, преобразования и передачи информации. Автор теории информации Клод Шеннон под информацией понимает нечто фундаментальное, уменьшающее общую неопределённость и информационную энтропию [11]. Основоположник кибернетики Норберт Винер считает, что информация – это обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств [1]. В кибернетике выделяются различия в состояниях материальных систем. Различные состояния отражаются в информации. Иными словами, источник информации – материальная система, человек отражает информацию.

Современные достижения естествознания создают благоприятные условия для новых философских обобщений. Очевидно, что природа информации остаётся недостаточно изученной.

В соответствии с атрибутивной концепцией, любой материальный объект или процесс является первичным источником информации. Различные состояния объекта, проявляющиеся в различиях, образуют информацию.

По мнению автора, если рассматривать информацию как субстанциальную характеристику объекта, тогда – материальный объект имманентно воплощает в себе самую информацию, а первичный источник её на данном этапе научного изучения природы информации установить не представляется возможным. Представим мысленно, что в объекте отсутствуют изменения или отсутствуют различия, тогда можно прийти к выводу об отсутствии динамики информации, но не о её исчезновении. Информация существующего объекта исчезает лишь с исчезновением самого объекта. Информация обнаруживается в любом существующем предмете. Предметы определяются своей информацией и явля-

ются её носителями. Информация рассматривается как субстанция предмета.

В отличие от традиционного понятия «сущность», понятие «информация» позволяет отражать степень сложности и специфику внутренней организации предмета, явления или процесса.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЧЕЛОВЕКУ

Информационный подход к человеку основывается на уточнении понимания природы информации. Исходным является положение, что информация реально существует в многообразии форм своего проявления. Информация является неотъемлемым субстанциальным свойством любого существующего предмета или явления, которые в своём бытии проявляют информацию. В силу этого существование информации определяется не наличием различий, а наличием самого объекта. Любой существующий предмет и присущая ему информация неразрывно взаимосвязаны, поэтому информация может рассматриваться как имманентное и всеобщее свойство любого существующего предмета, процесса или явления. Информация проявляется в порядке построения, логике и закономерностях организации чего-либо и определяет его как внутренне организованное, как нечто самостоятельно существующее. Организация предмета невозможна без информации, а в структурной организации предмета отображается информационная мера его упорядоченности. Информация и предмет образуют единое и неделимое.

Человек не только сам по себе содержит информацию, но и обладает специфически человеческой способностью отражать, накапливать и передавать другим людям информацию об окружающем мире, а наиболее развитые люди могут создавать новую информацию. Человек создаёт свой специфический информационный мир и свою специфически человеческую форму бытия информации.

Усвоение и производство информации могут рассматриваться как критерий прогрессивного развития человека. Специфически человеческая способность человека проявляется в способности производить новую информацию, формируя не только себя, но и организуя внешнее информационное пространство.

Понятие «информация» помогает осветить некоторые важные существенные аспекты, остающиеся в «тени», при использовании традиционных философских категорий.

Использование в анализе сложноорганизованных систем человека и социума понятия «информация» имеет свои преимущества, ибо оно отражает содержательный аспект существенных черт и создаёт условия для их формализации. Его достоинством является также возможность определения меры сложноорганизованности предмета, которая характеризует изменения, происходящие в его сущности. Соответственно, понятие «информация» позволяет отражать глубинные процессы, протекающие на сущностном уровне внутриличностной самоорганизации человека [5; 6; 10].

Мир не может существовать вне процессов обмена информацией и её передачи в последовательном ряду возникновения объектов реальности. Конечно же, существование мира не исчерпывается информационными процессами, но непрерывный обмен веществом или энергией в окружающей реальности, в конечном счёте, порождает то, что может быть выражено в дефиниции понятия «информация».

В данном случае человек рассматривается в преломлении модели информационного человека: это означает, что природа человека определяется спецификой интериоризированной в процессе индивидуального существования информации. Развитие индивида определяется информацией, даже смысл жизни человека обуславливается и выражается информацией.

Человек в информационном «пространстве-времени» живёт, он его усваивает и создаёт, в нём он начинает и реализует свой жизненный путь. В процессе жизни

человек информацию оценивает, персонализирует, трансформирует, воплощает и, наконец, создаёт. Интериоризированная информация образует самого человека, его существенные характеристики, он активен во внутренней организации интериоризированной информации.

Информационный подход к человеку основан на построении мысленной модели единого информационного пространственно-временного континуума, в котором человек реализует специфически человеческий способ жизни и определяется как «информационный человек». В информационных потоках человек рождается, существует и завершает свой жизненный путь.

Понятие «информационный человек» указывает на конкретный информационный подход к человеку, в отличие от рационалистического, духовного, экзистенциального, психологического и социологического подходов. Человек развивается в конкретном информационном пространстве. В информационном подходе природа человека определяется способностью к свободной индивидуальной внутренней оценке и выбору интериоризируемой информации, обуславливающей внутриличностную информационную самоорганизацию и самосозидание самого себя. Включённость человека в информационное пространство-время является обязательным условием развития его специфической человеческой природы.

Личностные особенности оценки воспринимаемой из внешней среды информации обуславливают индивидуальную неповторимость людей, а специфика содержания интериоризированной и экстериоризированной информации характеризует уникальность человеческой личности.

Различия людей обусловлены различиями в содержании интериоризированной информации. Различия в аспекте протекающих информационных процессов обусловлены многочисленностью складывающихся комбинаций организующейся информации на этапе внутренней оценочной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, информация рассматривается как неотъемлемое субстанциональное свойство любого существующего предмета или явления. В этом смысле информация есть то, что Гегель называл сущностью. Информация проявляется в структурной организации любого существующего предмета и отображает меру его упорядоченности. Человек создаёт свой информационный мир, в котором информация может утрачивать свои сущностные характеристики. В информационном подходе чело-

веку его психика представляется как сложная, многоуровневая и многосторонняя структура, образующая информационное пространство. Природа человека определяется информацией. Перспективность информационного подхода определяется тем, что субстанциональная уникальность человека определяется именно его способностью производить новую информацию, создавать новое информационное пространство-время.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова; Под ред. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
2. Колин К. К. Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. 2005. №2. С. 43–51.
3. Колин К. К. Культура и информация: информационная парадигма познания в культурологии // Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. трудов. М.: Изд-во МосГУ, 2015. С. 249–257.
4. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Стратегические приоритеты, 2015. 300 с.
5. Майкова Э. Ю., Бондарева Я. В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. М., 2015. №8. С. 22–26.
6. Рукин А. В. Информационный человек // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2008. №24 (84). Вып. 6. С. 26–37.
7. Урсул А. Д. Информация: методологические аспекты. М.: Наука, 1971. 296 с.
8. Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. 231 с.
9. Урсул А. Д. Информационный вектор эволюции: от цефализации к культурогенезу // Научно-технич. информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2017. №9. С. 1–8.
10. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам / Перевод с англ. Ю. А. Данилова. М.: Мир, 1991. 357 с.
11. Шенон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике: сборник статей / Пер. с англ. / С предисл. А. Н. Колмогорова; Под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 829 с.

REFERENCES

1. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine (Russ. ed.: Povarov G. N., Solov'ev I. V., transl. *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhitvotnom i mashine*. 2nd edition. Moscow, *Nauka, Glavnaya redaktsiya izdaniy dlya zarubezhnykh stran* Publ., 1983. 344 p.).
2. Colin K. K. [The Nature of Information and Philosophical Foundations of Computer Science]. In: *Otkrytoe obrazovanie* [Open Education], 2005, no. 2, pp. 43–51.
3. Colin K. K. *Kul'tura i informatsiya: informatsionnaya paradigma poznaniya v kul'turologii* [Culture and Information: The Informational Paradigm of Knowledge in Cultural Studies]. In: *Sotsiokul'turnye faktory natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Socio-Cultural Factors of National Security of Russia]: Collection of Scientific Works. Moscow, Moscow State University Publ., 2015, pp. 249–257.
4. Colin K. K., Ursul A. D. *Informatsiya i kul'tura. Vvedenie v informatsionnyy kul'turologiyu* [Information and Culture. Introduction to Information Culturology]. Moscow, *Strategicheskie prioritety* Publ., 2015. 300 p.
5. Maikova E. Yu., Bondareva Ya. V. [The future autonomy of the individual as a risk: ways to protect yourself]. In: *Vlast'*. Moscow, 2015, no. 8, pp. 22–26.

6. Rukin A. V. [Informational Man]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2008, no. 24 (84), Issue 6, pp. 26–37.
7. Ursul A. D. *Informatsiya: Metodologicheskie aspekty* [Information: Methodological Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 296 p.
8. Ursul A. D. *Priroda informatsii: filosofskii ocherk* [Nature of Information: A Philosophical Essay]. 2 nd ed. Chelyabinsk, 2010. 231 p.
9. Ursul A. D. [Information vector of evolution: from cephalization to the cultural genesis]. In: *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems], 2017, no. 9, pp. 1–8.
10. Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems (Russ. ed.: Danilov Yu. A., transl. *Informatsiya i samoorganizatsiya: makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam*. Moscow, Mir Publ., 1991. 357 p.).
11. Shannon C. E. Work on the Theory of Information and Cybernetics (Russ. ed.: Dobrushin R. L., Lupanov O. B., transl. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike: Collected Papers*. Moscow, Foreign Literature Publ., 1963. 829 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рукин Александр Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (г. Тверь);
e-mail: rukin.tver@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rukin Alexander Valentinovich – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Academy of Aerospace Defense named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov (Tver);
e-mail: rukin.tver@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рукин А. В. О природе информации и природе человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 69–74.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-69-74

FOR CITATION

Rukin A. V. On The Nature of Information and Man. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 69–74.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-69-74

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091), 159.9.01, 171

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-75-81

«ПАРАДИГМА РУБИНШТЕЙНА» И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» – ЛИЧНОСТНЫЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ ПЕДАГОГИКИ И ВОСПИТАНИЯ. ЧАСТЬ I

Колесниченко Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Целью статьи является стремление сопоставить парадигмальную сущность философско-психологического и педагогического творчества С. Л. Рубинштейна с современным концептом «общества знаний».

Процедура и методы исследования. При решении поставленной задачи используются следующие методы: исторический, сравнительного анализа, идеографический, номотетический; процедуры герменевтической интерпретации и философско-психологического портретирования.

Результаты проведённого исследования. Проведённый анализ показал, что философско-психологическая парадигма Рубинштейна, применительно к педагогической области, есть парадигма этического субъекта (принцип единства сознания и ответственной деятельности / Деяния), понятого как воспитание активной личности (личностный принцип).

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования являются попыткой переосмысления «парадигмы Рубинштейна» на новом этапе развития отечественной науки о человеке, реактуализации данного концепта в области современной педагогики.

Ключевые слова: парадигма Рубинштейна, «Общество знаний», личностный принцип, этический субъект, принцип единства сознания и деятельности, педагогика и воспитание

“RUBINSTEIN’S PARADIGM” AND “THE KNOWLEDGE SOCIETY” – PERSONAL PRINCIPLE IN THE PHILOSOPHY OF PEDAGOGY AND EDUCATION. PART I

Yu. Kolesnichenko

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytishi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to correlate the paradigm of philosophical, psychological and pedagogical thoughts of S. Rubinstein with the modern concept of “the knowledge society”.

Methodology and Approach. In solving the research problem, historical, ideographic, nomothetic, comparative analysis methods are used; hermeneutic interpretation and psycho-philosophical portraiture procedures are applied.

Results. The analysis shows that the philosophical and psychological paradigm of Rubinstein as applied to the pedagogical field, is the paradigm of the ethical subject (the principle of consciousness-responsible activity/act), understood as the upbringing of the active person.

© CC BY Колесниченко Ю. В., 2020.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study demonstrate an attempt to rethink “Rubinstein’s paradigm” at a new stage of the development of Russian social sciences, to re-actualize this concept in the contemporary pedagogy.

Keywords: Rubinstein’s paradigm, «the knowledge society», personal principle, ethical subject, the principle of the unity of consciousness and activity, pedagogy and education

ВВЕДЕНИЕ

Концептуализация термина «общество знаний», связанная, в свою очередь, с постановкой социальных значимых вопросов «постиндустриальной» современности (сетевизацией – глобализацией – индивидуализацией), открывает перед научным сообществом разнообразные исследовательские горизонты. С другой стороны, как отмечают Н. П. Лукина и Н. Н. Самохина, за этим термином (а также за соотносимым с ним термином «информационное общество») «не стоят сформировавшиеся теории, имеющие развитый набор абстрактных объектов и признанный научный статус» [9, с. 10]. Действительно, в эпоху постмодернизма, в том числе и в области генерации базовых теоретических значений, тотальный научный релятивизм не оставляет шанса на целостное гуманитарное знание. Отвержение идей холизма и метанарратива, произвольная (ситуативная) трактовка устоявшихся понятий прежних парадигм, отсутствие, в связи с вышесказанным, «связного теоретического горизонта» [9, с. 10] вынуждают современную мысль обратиться к наследию прошлого с целью поиска методологических «подсказок» интегрирующего характера. Таким неисчерпаемым ресурсом гуманитарной эвристики, неким научным и педагогическим метанарративом может послужить «парадигма С. Рубинштейна» – философско-психологическая концепция деятельности, задуманная и положенная мыслителем к осуществлению в стенах ЛГПИ (ныне – РГПУ) имени А. И. Герцена в 1930-х годах.

Бытийные, мировоззренческие и личностные проблемы педагогики того времени, в своей матричной форме, на наш взгляд, совпадают с ситуацией сегодняш-

него дня в том смысле, что те пореволюционные времена, времена переходного трансгрессивного периода ломки старых и перманентного напластовывания новых форм социальной действительности, как и времена настоящие, ставили перед педагогами непростую задачу формирования личности студента в период *размывания* качественных характеристик объективного бытия. В такие периоды роль бытия берёт на себя личность, обеспечивая сотворение нового объективного, объектного бытия и, в связи с этим, бытия субъектного, то есть бытия собственно личностного.

В настоящее время, как сто лет назад, объективное бытие, «исчезая» под натиском бытия *виртуального*¹, оставляет человека наедине с самим собой и своим ответственным выбором, вынуждая заменить объективное бытие собой, личностью. *Бытие ныне и есть ответственная личность, собирающая себя в этический субъект.*

Представляется, что неизбежная цикличность переходных исторических моментов исчезновения старых / воссоздания новых форм объективности, оставляет личность творить новое бытие в одиночестве, становиться во главе этого бытия, становиться самим бытием. Как и сто лет назад, личность по необходимости возлагает на себя ответственность за сотворение нового бытия и за свои ответственные действия (по Рубинштейну, *Деяния*) в нём. Собираательные, интегрирующие силы *личности как новой субстанциональности* [8] на этот раз, субстанциональности информационно-цифровой, суть функция активного этического субъек-

¹ Термин «виртуальный» берётся здесь нами в предельно широком философском значении – как предельно объективированное идеологическими смыслознаками бытие.

екта, а также общества знаний, взятого как «общество компетенций», трансформирующего информацию, посредством этического отношения к бытию как к зоне своей ответственности, в Знание. Новый виток в развитии информационно-цифрового общества сможет быть трансформирован в общество знаний исключительно посредством ответственной воли, собирающей бытие воедино под своё единоначалие. Воление, как и этичность, есть два обязательных фактора преобразования информации как нейтральной субъектной общественной силы в субъективную, личностную, проективную, ответственную. В социальную силу знания — участного, деятельного, созидательного.

ПАРАДИГМА РУБИНШТЕЙНА И КОНЦЕПТ «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ»

Изначально введённое П. Друкером понятие «общество знаний» обозначало, как известно, обучающееся общество. В дальнейшем данное понятие получило своё развитие в американской гуманитаристике. Общество знаний, по Д. Беллу [5], есть результирующая прогрессивных тенденций развития общества. Белл, таким образом, определяет знание как главный критерий успеха / прогресса в развитии современной цивилизации. В связи с этим, закономерно встаёт вопрос о роли субъекта этого нового этапа развития современного общества — общества знаний.

«Парадигма Рубинштейна» (термин, введённый в философию и психологию его ученицей и соратником, академиком РАО Абульхановой-Славской К. А.) полвека является надёжной платформой собирательного знания в условиях отчётливого преобладания на теоретическом горизонте гуманитаристики фрагментарных эвристических форм. Потребность в целостной картине мира человека, мира личности («определяющим личность он (Рубинштейн; *уточнение моё*. — Ю.К.) считает её этические, человеческие качества» [2, с. 15]) возможна к реализации лишь на базе универсальной метапарадигмы гу-

манитарного знания, основанной, в свою очередь, на принципах вневременного, цивилизационного характера, а именно в попытке уяснения сущности и значения «этического субъекта» для всех форм человеческого познания вообще.

В книге «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн пишет о том, что «большая подлинная этика — это не морализирование извне, а подлинное бытие (жизнь) людей... поэтому этика выступает как... онтология человеческого бытия. Построение этой этики связано с преодолением «отчуждения»...»¹. Представляется, применяя Марксову парадигму отчуждения *per se* к анализу ситуации общественных отношений на разных этапах исторического развития, само отчуждение как тип *квазивзаимоотношений* между людьми есть необходимый и неустранимый инвариант социальности вообще. Меняются лишь формы этого отчуждения / отчуждённости, активированные прикладной, воплощённой рациональностью в виде массового производства (товаров, машин, информации и т. д.), обмена (денежного, товарного или информационного) как медийного пласта социальных отношений.

Своего рода локальная модель современной концепции общества знаний, центрированная этической компонентой, была реализована Рубинштейном в раннесоветский период развития СССР, в 1930-х годах. На кафедре психологии, которую занял Рубинштейн, поначалу слабой после разгона знаковых психологических направлений того времени (педологии и психотехники), с малым количеством профессионально дезориентированных студентов, совсем скоро защитили своих докторские диссертации знаменитые впоследствии учёные, такие как Б. М. Теплов, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев. Кафедра превратилась в академию психологического знания, в некую психологическую ойкумену.

Парадигма Рубинштейна нравственна, ответственна в своём существовании перед бытием: эвристический потенциал лично-

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 8.

сти, общества невозможен вне ответственного этического *поступка*¹ (кстати, как и для М. М. Бахтина, в его знаменитом труде «К философии поступка»). Нам представляется, что «моральный облик» теории Рубинштейна был *списан*, таким образом, с её автора, оставшего по собственной воле в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде в качестве заместителя директора пединститута имени Герцена, потому что не мог, по его же словам, бросить своих студентов, своего умиравшего в городской больнице аспиранта Г. Лосева, «к которому, преодолевая физическую слабость, шёл в суровые декабрьские дни пешком... чтобы отдать часть своего скудного пайка»². Рубинштейн писал свою теорию «этического субъекта» с себя.

ЭТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ КАК ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ РУБИНШТЕЙНА

Этический субъект нацелен на нравственный гедонизм. «Принципиальное содержание жизненной стратегии состоит не только в своеобразном структурировании, в организации жизни, но и в созидании её духовно-ценностного, духовно-этического уровня и способа, что и приносит подлинное удовлетворение человеку. Жизнь духовная самоценна по своему характеру, она приносит чувство «овладения своей жизнью», т. е. глубочайшее удовлетворение, которое не даёт ни достижение материальных благ, ни даже социальное признание. Способность достичь такого способа жизни и составляет её подлинный смысл, её главную цель» [1, с. 70–71]. Из вышесказанного автор делает знаменательный вывод: духовностью как основой

жизни снимаются нравственные коллизии и выборы альтернатив этической проблематики, ибо они сняты внутренней однозначно принятой этической установкой, то есть духовностью как качеством личности, этического субъекта: «Существует проблема жизни как проблема борьбы за реализацию этих этических ценностей, а не как проблема выбора более или менее нравственного поведения, поступка» [1, с. 71]. К. А. Абульханова-Славская также отмечает, что «воспитывать духовность и нравственность человека почти невозможно через его сознание, если это «сознание» не имеет «резонатора» в сфере чувств... Но если эти чувства заложены, если их переживания составляют смысл для человека, то уже над ними надстраиваются активные духовно-интеллектуальные поиски и цели человека» [1, с. 69].

Экстраполируя парадигму Рубинштейна на современное состояние социума, можно сказать, что общество знаний будет иметь ценностный общезначимый смысл лишь в качестве *общества знаний этического субъекта*, обладающего интегрирующей силой жизненного и теоретического горизонта, способного снять фрагментированное, разрозненное, релятивистское отношение к обществу и личности и способного задать новый, ценностный вектор понимания современного состояния дел, с возможностью действенного ответственного отношения к его творческой трансформации. С точки зрения парадигмы Рубинштейна, это возможно сделать только на базе этического собирания знания, на базе деяний этического субъекта. И если рубинштейновское понятие «субъекта жизненного пути» инструментально обслуживает *теорию деятельности*, то понятие «этического субъекта» придаёт направленность и смысл данной социально значимой деятельности, превращая деятельность в ответственное, моральное *Деяние*. Этический субъект деятельности и есть личность в подлинном смысле слова, по Рубинштейну. «В любом случае, – пишет И. Б. Романенко, – в кризисных жизненных ситуациях выживать приходится

¹ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Одесса: Издание Одесского Губернского комитета специально-научного и профессионально-технического образования, 1922. Т. 2. С. 148–154.

² Ярошевский М. Г. Четверть века с выдающимся советским психологом / Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 288.

духом. Духовность в самом упрощённом смысле следует понимать как установку на то, что в жизни существуют вещи неизмеримо более важные, чем материальные, практические и прагматические» [10, с. 69–70].

Современная отечественная педагогика в переходный период трансгрессивных исторических форм есть педагогика военного времени. Войны – на этот раз против бездуховности интернет-пространств, разрывающих неокрепнувшее сознание молодого человека на разновекторные, безынтервальные мыслечувственные образы, сеющих эмоциональный и интеллектуальный хаос в столь ещё юных головах. Необходимость волевого противостояния хаосу с помощью программы формирования целостной картины мира, включающей в себя как реальную, так и виртуальную компоненты, – насущная задача современного образования. *Виртуальное обязано встать в подчинённое положение по отношению не к реальным, но к ценностным аспектам бытия, по отношению к историческим духовным идеалам общества.* Виртуальная реальность есть стихия, подчиняемая сознательной воле исключительно направленного действия. Образование всегда должно носить опережающий, не догоняющий характер, оно должно быть адресно. Интернет-самообразование, самоконструирование и самоактуализация личности в сети – происходят с принципиальными нарушениями логики развития мысли, оборачивания событий во времени и пространстве, с последующей разадаптацией ребёнка, молодого человека в мире реальном, базирующемся на иной логике развития событий. Не-алиби в бытии, в виртуальном бытии, педагогическое и воспитательное бездействие в настоящий момент недопустимо, чревато силовой победой неконтролируемой стихии виртуального. Только педагог – Личность (как этический субъект) – способен обратить этот «атом» современности к мирным целям.

Таким образом, представляется, что «динамизму развития общества (в формате «об-

щества знаний», в том числе, – *комментарий мой.* – Ю. К.) больше соответствует личностно ориентированный подход, укоренённый в отечественной культуре и ментальности» [10, с. 73]. Личностный принцип, положенный в основу отечественной гуманитарной мысли С. Л. Рубинштейном в переломные 1920–1930-е годы, в современный период исторического перехода к новой социальной парадигме также может лечь в основу *педагогической трансформации социума* посредством реализации идеи личной моральной ответственности в бытии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СТАТЬИ

Самоактуализирующиеся к современной гуманитарной сфере элементы теории Рубинштейна, такие как «личностный принцип» и «принцип деятельности» (в области индивидуального личностного построения функционирующий как «принцип творческой самостоятельности» [7]), приложимы для уяснения роли и места концепции «общество знаний» в отечественном гуманитарном познании. Смысловой концентрацией парадигмы Рубинштейна становится «раскрытие внутренних связей методологических принципов: в частности, принципа развития с принципом единства сознания и деятельности личности» [3, с. 8].

Задача современной отечественной педагогики – придать смысл и – через смысл – целостность дискретному, расколотому, клиповому сознанию молодёжи, вернуть студенчество в лоно *Большого времени* [4]. Клиповое мышление есть некий топос индивидуализированной личности, абсолютизированной дискретности её существования. *Большому же времени* (по М. М. Бахтину – *топосу культуры*) присуща непрерывная, континуальная форма сознания, возможность «подключения» индивидуумов к непрерывному – *большому* – *сценарию знания*, что, применительно к педагогической науке, есть «изучение процессов обучения и восприятия, взятых в их единстве» [7, с. 124].

Перед педагогикой в настоящее время стоит, таким образом, задача *собирания знания*: распадающемуся на информационные сегменты знанию и клиповому восприятию учащегося необходимо противопоставить некий педагогической «гештальт» – целостную идею знания как *нравственного* алгоритма, как главного компонента новой социальной парадигмы. В настоящий момент образовательный процесс находится в ручном управлении. Педагог становится наставником и Учителем с большой буквы. Он становится мотиватором формирования этического субъекта современного индивидуализированного, атомизированного социума. Учащиеся нуждаются в направляющей воле педагога, чутко реагируя на применение последним разнообразных педагогических приёмов и стилей. Мы выражаем согласие с мнением академика А. А. Гусейнова, считающим, что образование «охватывает индивида в полноте всех его душевных проявлений и

представляет собой процесс его человеческого роста... Образование без воспитания, без нацеленности на определённый образ личности – узко, неполно, есть нечто такое, что не соответствует своему понятию» [6, с. 489, с. 500].

В наше непростое с точки зрения ценностной ориентации время, как и сто лет назад, остро встаёт вопрос о личностной ответственности перед бытием, перед обществом, перед собой. По Рубинштейну, воспитать личность – это воспитать ответственного субъекта своей деятельности. Этического субъекта. «Человек есть в максимальной мере личность, когда в нём минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум «партийности» (идейное «не-алиби в бытии» – *комментарий мой*. – Ю.К.) по отношению ко всему общественно значимому»¹.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
3. Абульханова К. Основная книга С. Л. Рубинштейна // Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: АСТ, 2020. С. 5–10.
4. Бахтин М. М. В Большом времени // Наследие. Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. К столетию со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина. СПб.: Алетейя, 1995. С. 7–9.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 790 с.
6. Гусейнов А. А. Образование, обучение, воспитание // Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 489–501.
7. Исаев Е. И. Вклад С. Л. Рубинштейна в психологическую подготовку педагогов // Вопросы психологии. 1999. №5. С. 122–129.
8. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист – Максимум, 2018. 416 с.
9. Лукина Н. П., Самохина Н. Н. От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика. 2013. Вып. 7. С. 9–27.
10. Романенко И. Б. Культурно-цивилизационные антагонизмы и повседневность образования // Праздник и повседневность: эвристический потенциал детства: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 68–73.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K. A. [The Strategy of Life]. M., *Mysl'* Publ., 1991. 299 p.
2. Abul'khanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Foreword]. In: Rubinstein S. L. *Bytieisoznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, *Piter* Publ., 2017, pp. 6–33.
3. Abul'khanova K. *Osnovnyaykniga* S. L. *Rubinshteina* [The Main Book of S. L. Rubinstein]. In:

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 272.

- Rubinstein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow, AST Publ., 2020, pp. 5–10.
4. Bakhtin M.M. *V Bol'shom vremeni* [In the Big Time]. In: *Nasledie. Bakhtinologiya: Issledovaniya, perevody, publikatsii. K stoletiyu so dnyarozhdeniya Mikhaila Mikhailovicha Bakhtina* [Heritage. Bakhtinology: Research, Translations, Publications. The centenary of the Birth of Mikhail Bakhtin]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1995, pp. 7–9.
  5. Bell D. *Future post-industrial society: experience of social forecasting* (Russ. ed.: Inozemtsev V. L., transl. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. Moscow, Academia Publ., 2004. 790 p.).
  6. Guseinov A.A. *Obrazovanie, obuchenie, vospitanie* [Education, training, upbringing]. In: Guseinov A. A. [Philosophy: Thought and Action: Articles, Reports, Lectures, and Interviews]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 489–501.
  7. Isaev E.I., [S. L. Rubinstein's contribution to psychological training of teachers]. In: *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 1999, no. 5, pp. 122–129.
  8. Kolesnichenko Yu.V. *Lichnost' v russkoifilosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei*. [Personality in Russian Philosophy of 1920–1930s: a Biography of Ideas]. Moscow, Entsiklopedist–Maximum Publ., 2018. 416 p.
  9. Lukina N.P., Samokhina N.N. [From information society to knowledge societies: the theory and practice of transition]. In: *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian Informatics], 2013, issue 7, pp. 9–27.
  10. Romanenko I.B. *Kul'turno-tsivilizatsionnye antagonizmy I povsednevnost' obrazovaniya* [Cultural and civilizational antagonisms and education daily]. In: *Prazdniki povsednevnost': evristicheskii potentsial detstva: sbornik nauchnykh trudov* [Holidays of Everyday Life: Heuristic Potential of Childhood: A Collection of Scientific Works]. St. Petersburg, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University Publ., 2017, pp. 68–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. «Парадигма Рубинштейна» и «общество знаний» – личный принцип в философии педагогики и воспитания. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-75-81

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. “Rubinstein’s Paradigm” and “The Knowledge Society” – Personal Principle in the Philosophy of Pedagogy and Education. Part I. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-75-81

УДК 130.122; 141.33

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94

ФИЛОСОФСКО-МИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ, ИСТОКИ И ПАРАЛЛЕЛИ «МИСТЕРИИ» А. Н. СКРЯБИНА

Кравченко В. В.*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель работы – введение философско-мистических взглядов А. Н. Скрябина в русло современных историко-философских исследований русского мистицизма.

Процедура и методы исследования. В статье предлагается анализ воззрений Скрябина в русле мистической философии. Подчёркивается тот факт, что идеи Скрябина были в значительной степени инспирированы учением и деятельностью Е. П. Блаватской.

Результаты проведённого исследования. Показано, что А. Н. Скрябин музыкальное искусство стремился превратить в философско-мистическое делание.

Теоретическая и / или практическая значимость. Творчество Скрябина органично вписалось в основные тренды мирового мистицизма, подтверждая общее направление развития и других русских мистиков. В статье проведены параллели между идеями и практиками Скрябина и других представителей русского и мирового мистицизма.

Ключевые слова: русская мистическая философия, русский мистицизм, серебряный век, теософия, антропософия, интегральная йога

PHILOSOPHICAL-MYSTICAL MEANING, ORIGINS AND PARALLELS OF THE "MYSTERY" BY A. N. SCRIBIN

V. Kravchenko*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamskoye highway, Moscow 125993, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The main purpose of the article is introduction of the philosophical and mystical views of A. N. Scriabin in the course of modern historical and philosophical research of Russian mysticism.

Methodology and Approach. The article offers an analysis of Scriabin's views in the course of mystical philosophy. It is emphasized that Scriabin's ideas were largely inspired by the teachings and activities of E. P. Blavatskaya.

Results. It is shown that A. N. Scriabin sought to turn the musical art into a philosophical and mystical work.

Theoretical and / or Practical Implications. Scriabin's work has been organically integrated into the main trends of world mysticism, confirming the General direction of development of other Russian mystics. Parallels are drawn between the ideas and practices of Scriabin and other representatives of Russian and world mysticism.

Keywords: Russian mystical philosophy, Russian mysticism, the Silver age, theosophy, anthroposophy, integral yoga

ВВЕДЕНИЕ

Гениальный композитор и музыкант А. Н. Скрябин был известен как самобытный мыслитель, тяготевший к идеалистическим и религиозно-мистическим учениям. Философ Е. Н. Трубецкой ввёл Скрябина в религиозно-философское общество, стараясь привить ему интерес к творчеству В. С. Соловьёва. Живя за границей, композитор тесно общался с Г. В. Плехановым. В московском доме Скрябиных бывали многие деятели русского духовного возрождения: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский. Близкими друзьями в конце жизни Скрябина стали виднейшие русские символисты К. Бальмонт, Вяч. Иванов и Ю. Балтрушайтис.

Однако, активно общаясь с представителями разнообразных философских и духовных направлений, Скрябин остался в рамках собственных философско-мистических представлений. Его духовные интересы явственно прослеживаются в опубликованных М. О. Гершензоном после смерти композитора «Записях» преимущественно дневникового характера¹.

А. Н. СКРЯБИН КАК СОЗДАТЕЛЬ МИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Профессиональные философы долго пытались обойти стороной проблему мистической направленности философских взглядов Скрябина. Но можно ли говорить об особом собственно философском учении Скрябина, вычлняя важнейшие темы – творчества, личности творца и философскую подоснову музыкального творчества [10]? Да, в традиционном историко-философском контексте это возможно.

Однако наиболее продуктивным представляется рассмотрение Скрябина-мыслителя как представителя уникальной линии мистической русской философии, формировавшейся в русле русского духовного возрождения и серебряного века конца XIX – начала XX вв., а конкретно –

в направлении *русского мистицизма*. Исследования мистико-философских воззрений Скрябина уже давно существуют в среде музыковедов, для которых было совершенно очевидно, что музыкальные композиции и проекты отражают сложное философско-мистическое мировоззрение Скрябина. Одним из первых исследователей этого направления был А. И. Бандура, который попытался даже воспроизвести онтологическую систему Скрябина на основе его записей и поздних музыкальных сочинений [2]. Целый ряд музыковедов (О. М. Томпакова, И. Л. Ванечкина, Б. М. Галеев и др.) пытались рассматривать мистико-философские взгляды Скрябина [1]. Философские взгляды Скрябина являются предметом рассмотрения искусствоведов [4; 5; 15].

Однако и музыканты, и искусствоведы, даже глубоко проникая в особенности творчества Скрябина-композитора и исполнителя, не всегда признают или учитывают собственно мистическую и главную смысловую составляющую его позднего творчества.

Как уникальное явление мирового значения русский мистицизм начал формироваться с последней четверти XIX в. в нескольких параллельных направлениях, предполагавших различные формы теоретического осмысления результатов мистического опыта, связанных и с философскими (онтологическими, гносеологическими, психофилософскими аспектами), и с естественнонаучными исследованиями, и с социально-философскими разработками. Но в первую очередь русский мистицизм был связан с конкретными и разнообразными духовными практиками [7, с. 279–280; 8, с. 225–236].

Скрябин выделялся среди русских мистиков тем, что, не будучи профессиональным философом (как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский), тем не менее, стремился создать собственную систему мистической философии, причём не только в традиционном виде строгих логических построений, сколько в духовно-делательном, музыкальном творческом оформлении. По свидетельству

¹ Скрябин А. Н. Записки // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 6. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120-247.

Л. Сабанеева, Скрябин «... любил говорить, что чрез искусство он познал интуитивно большую часть того, что он воплотил после в систему своей философской доктрины, и что чудесным образом совпало с оккультными учениями восточных мистиков. «Если бы вы знали, – как-то сказал он мне, – сколько мне раскрылось чрез искусство, чрез музыку!» Для себя лично он этот путь искусства признавал единственным путём, ведущим его к поставленной им цели – духовного озарения»¹.

Скрябин был признанным мистиком (по определению биографа Л. Сабанеева – философствующий «мистик-композитор» и «художник, жаждущий быть мистиком»), и ему импонировал общий дух русского мистицизма, который характеризовался свободным обращением к мировому мистическому наследию, как восточному, так и западному. Скрябин подчёркивал необходимость личных духовно-практических усилий в любой области человеческого творчества и сохранял высокий нравственный пафос «мистического делания». Будучи светским синтетическим явлением, русский мистицизм развивался на пограничье философии, религии, науки и художественного творчества. Скрябин, как музыкант, выявлял особые возможности композиторского и исполнительского творчества в качестве прикладной сферы реализации его философско-мистических построений. Музыка была для него духовным деланием, уникальным философско-мистическим практикумом.

Как известно, с 1902 г. Скрябин разрабатывал философско-мистический проект так называемой «Мистерии». Речь шла о некоем синтетическом действе, в котором на основе уникального мистико-философско-художественного произведения создавалось новаторское музыкально-литургическо-театрализованное представление. От своего ближайшего окружения Скрябин не скрывал особенность проекта: «Мистерия» должна была стать глобальным, общечеловеческим и космическим действием, ведущим к полному преображе-

нию всего человечества. Для многих это было пророчеством близкого конца света и общемировой катастрофы.

«Мистерия» должна была стать вершиной мистической философии Скрябина. В своей известной обличительной статье «Мировоззрение Скрябина» (1919–1921) А. Ф. Лосев характеризовал композитора как «анархо-мистического» солипсиста. А. Ф. Лосев писал: «Сущностью этой скрябинской философии «я» является именно мистериальный характер этого «я» с необходимым привлечением мистического историзма, охватывающего сокровенные судьбы мира и Бога»².

Характерно, что два последних года своей жизни Скрябин посвятил не созданию музыкальной партитуры «Мистерии», а написанию *поэтического текста*, так называемого «Предварительного действия». По свидетельству друзей Скрябина (Е. Ф. Гнесиной, Л. Сабанеева, Б. Шлёцера и др.), вся музыка «Мистерии» была уже в голове у композитора, и он говорил только о необходимости её записать. Примерно с лета 1913 года Скрябин мучительно пережил духовный поворот от создания всей «Мистерии» к работе над подготовительным произведением к ней, так называемому «Предварительному действию». Б. Шлёцер писал: «Название «Предварительное действие» сначала не очень нравилось Скрябину: он искал другого, но не находил. «Это действительно действие, – говорил он. – Оно должно подготовить нас всех, служить естественным переходом, связующим звеном между существующим и будущей Мистерией»³.

Осенью 1913 г. «Предварительное действие» (далее – «ПД») уже полностью занимало мысли Скрябина, и он использовал для него материалы, которые сначала готовились для «Мистерии». По воспоминаниям Б. Шлёцера: «Скрябин всегда,

¹ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 31.

² Лосев А. Ф. Мировоззрение Скрябина // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. С. 267.

³ Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Прописки: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 103.

до самого конца, настаивал на том, что Предварительное Действо есть только пролог к Мистерии, и по существу – акт очищения и посвящения, но для тех, кто близко и внимательно следил за его духовной жизнью, было ясно, что новое произведение приобрело для него совершенно самостоятельное значение и стало самоцелью¹.

В «ПД» сохраняются те же принципы, что и в глобальном проекте, в частности, неразрывное единство музыки, поэзии, танца и других видов искусства.

«Мистерия», как мистико-философско-художественное «произведение», уже при жизни композитора вполне закономерно рассматривалась в русле целостного развития русского духовного возрождения (как явления философско-религиозного) и серебряного века (как явления художественного). Текст ПД был одним из явлений русского символизма, а музыкальные произведения зрелого периода могут определяться по-разному, учитывая творческое новаторство Скрябина: в терминах импрессионизма, авангардизма и т. д. Как глобальный акт вселенского творческого преобразования человечества, пророчествуемый Скрябиным, «Мистерия» – это мощный многоаспектный символ, который опирается на целую систему обобщающих символов русской культуры на рубеже XIX и XX веков.

Рассмотрим некоторые мистико-философские положения, которые определяют своеобразии духовно-творческого замысла гениального русского композитора и мыслителя.

«Мистерия» – это общепланетарный и космический акт, к которому Скрябин, как Посвящённый, считал себя призванным подготовить и подвести человечество. «Мистерия» – это непосредственное отражение мистического опыта Скрябина. Первоначально в «Мистерии» Скрябин-мыслитель хотел символически отразить одновременно три сущностно единых процесса: эволюция Вселенной («космогенез»), развитие человеческих «рас» («антропогенез») и история становления чело-

веческого индивидуального духа. Именно попытка совмещения макрокосмического, планетарного и психологического процессов – суть уникального творческого эксперимента Скрябина.

Б. Шлёцер писал в своём предисловии к публикации «ПД» композитора: «... план Мистерии – история человеческих рас, как процесса разделения и погружения Духа в материю и обратного возвращения к единству, процесс космической эволюции и инволюции, рассматривается им, конечно, как процесс исключительно духовный, точнее – психический. <...> Его задача состояла теперь в том, чтобы выразить интуицию свою в символах. Отсюда этико-лирический характер всего произведения, которое есть одновременно сказание о вселенной и воплощение личных переживаний»².

Изначальный эзотерический смысл творческого порыва Скрябина – глубинно-мистическое прозрение того, что «... необходимо вскрыть космический смысл каждого личного переживания; история одного чувства, одного стремления есть история вселенной» (так передаёт слова Скрябина Шлёцер³).

Понятно, что речь идёт не о любом человеческом чувстве, а о том уникальном и единственном в своём роде, которое Скрябин, как мистик, пережил в своём озарении. И тогда он, как английский мистик, поэт и художник У. Блейк, мог «в одном мгновении видеть вечность, огромный мир – в зерне песка»; или воскликнуть, как мистик, философ и поэт Вл. Соловьёв: «Что есть, что было, что грядет веками – всё обнял тут один недвижный взор...».

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О «МИСТЕРИИ» СКРЯБИНА

«Мистерию» Скрябина русские философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Вяч. Иванов) ассоци-

¹ Там же. С. 105.

² Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Пропилеи: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 114.

³ Там же. С. 114.

ировали с теургией, мистико-магическим актом и высоко оценили пророчески-теургическую миссию Скрябина сразу после смерти композитора.

Но решение теургической проблемы в творчестве Скрябина не воспринималось однозначно. С. Булгаков писал: «Если же видеть здесь «проект» чуда, совершаемого искусством, причём самому художнику усваивается роль теурга или мага, тогда приходится видеть здесь типичный подмен софиургийной задачи эстетическим магизмом, причём соблазн лжемессианизма ведёт к человекобожию и люциферизму (не без явного влияния теософических идей)»¹.

Против разрушения Скрябиным «устойчивых звуковых структур» возражал П. А. Флоренский, причём именно с позиций соотношения «реальных пределов музыки» и её «магического воздействия». По мнению русского философа-богослова, Скрябин уходит в активную «подавленность собственными настроенями», осуществляет «... иллюзионистически магическую подстановку вместо реальности своих мечтаний». Не ощущая «недр бытия», живёт в призрачности².

То, что для Флоренского было «магизмом» и недопустимым (с точки зрения православного священника) проявлением оккультных сил в творческой деятельности (в чём философ сходил и с оценками А. Ф. Лосева), для самого Скрябина было реальным отражением в человеческой деятельности уже свершившихся необратимых изменений в общекосмической истории и необходимом приготовлении к неизбежному этапу человеческого преобразования, как дематериализации всего известного нам мироздания.

Исследователи нередко меняют местами причину и следствие. Скрябин не готовил космический акт преобразования челове-

ства, а готовился к нему. Он был мистиком и считал, что ему открылось сокровенное знание, доступное только посвящённым. По воспоминаниям Л. Сабанеева, Скрябин говорил: «Ведь не я делаю Мистерию, я только знаю, что Мистерия будет, я сообщаю о ней и содействую. «ПД» есть одна из форм этого содействия»³.

ИСТОКИ СОЗДАНИЯ «МИСТЕРИИ» СКРЯБИНА

Творчество Скрябина было единственным возможным для него способом подготовить человечество к тому неизбежному, о чём оно не знало. В конце жизни, полностью освободившись от своего «человекобожества», Скрябин неоднократно подчёркивал собственную роль жертвы, или обречённого на подвиг во имя будущего человечества. «Теургичность» его творчества заключается отнюдь не в том, чтобы человеческими усилиями преобразить Космос, а в том, чтобы наконец синхронизировать человеческую творческую ответственность с высшими космическими законами и ритмами, осуществляя единую и единственную высшую цель совершенствования – Преображение.

Представляется, что в целях адекватного рассмотрения мистико-философских воззрений Скрябина необходимо признать и уяснить основные истоки мистической философии Скрябина. На наш взгляд, можно согласиться со многими современниками и исследователями творчества мыслителя, которые подчёркивали, что основные цели и задачи создания «Мистерии» были связаны с усвоением Скрябиным поразивших его философско-мистических идей теософии Е. П. Блаватской, теософов начала XX в., антропософии Р. Штейнера, а также доступных ему источников древневосточной философии (правда иногда – в западной интерпретации; так, известная поэма Э. Арнольда «Свет Азии», излагающая основы буддизма, была одной из любимых книг Скрябина).

³ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 12.

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 335.

² Флоренский П. А. Из письма к дочери О. П. Флоренской. Соловецкий лагерь, 23.03.1937 // Трубачев С. З. Музыкальный мир П. А. Флоренского. Советская музыка, 1988, №9. С. 99-100.

Как свидетельствуют биографы композитора, глобальная «Мистерия» Скрябина была задумана после его знакомства в Париже с учением Е. П. Блаватской, основательницы и руководительницы международного и чрезвычайно влиятельного Теософского общества, создательницы универсального, всечеловеческого практического учения. Деятельность Теософского общества и творчество Блаватской были непосредственным подготовительным этапом для восприятия наследия древневосточных культур и религий в Европе, Северной Америке и России, определив существенные трансформации культуры уже с конца XIX в.¹ Теософия Блаватской позиционировала себя как «не религия» и «не философия», но как «особый путь к прямому постижению истины» в непосредственном опыте отдельного субъекта. Своё фундаментальное сочинение «Тайная доктрина» Е. П. Блаватская написала на основе древней «Книги Дзиан», представленной ей учителями в далёком тибетском монастыре. Ученичество Блаватской на Тибете и в Индии, опора не столько на книжное предание, сколько на личный духовно-практический опыт и непосредственное руководство Учителей, получение информации в изменённом состоянии сознания – всё это были абсолютно новаторские подходы. Однако Блаватская целенаправленно создавала не философско-мистическую, а оккультно-мистическую систему [7, с. 195-240].

В социально-философском плане теософия явилась основой создания нового всемирного (объединяющего Запад и Восток), синтетического (соединяющего религию, науку и философию) и демократического (доступного всем слоям населения, независимо от социального положения, расы, национальности, уровня образования) мировоззрения и сформированного на его основе нового образа жизни. Блаватская, находясь во главе многотысячного Всемирного Теософского Общества, на

деле воплотила идею создания универсального наднационального (общепланетарного) единения людей. Напомним, что штаб-квартира Теософского общества находилась в Индии; именно с этой страной была связана многолетняя (легендарная и скандальная) деятельность Блаватской, которая своими трудами сформировала в русской публике устойчивый миф о «мистической Индии». В начале XX в. интерес к теософии в России был довольно устойчивым, хоть и весьма неоднозначным².

Теософия в значительной степени определила творческое мировоззрение Скрябина. Как свидетельствовали биографы и собственные письма композитора, во время лондонских гастролей он увлёкся теософией, чему способствовал его приятель А. Н. Брянчанинов, известный издатель. В одном из писем Скрябин сообщал: «Предстоит обед с теософами. Состоится он у некоего Вида (*в действительности, скорее всего, Дж. Р. С. Мида. – В. К.*), который 32 года был секретарём теософского общества (со времени его основания). <...> Познакомлюсь я у него с дамой, на руках которой скончалась Блаватская? Вообще этот обед обещает много. Александр Николаевич (*Брянчанинов. – В. К.*) каждый день собирает всё новые сведения об Индии, разыскивает интересных и сведущих по вопросам оккультизма людей, знакомит меня с ними и вообще возбуждает меня к деятельности»³.

Скрябин, никогда не бывавший в Индии, именно там намеревался построить свой храм для осуществления «Мистерии». Он хотел купить участок земли и заложить фундамент храма, запланировав поездку в Индию на зиму 1915 г. Вопрос о точном месте и времени исполнения «ПД» он не хотел решать до этого путешествия. Отдавая себе отчёт в неизбежном несовпадении его мечты об Индии с реальной страной, Скрябин, тем не менее, называл себя «большим ин-

¹ Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183.

² Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183

³ Скрябин А. Н. Письма. / Сост. и ред. А. В. Кашперова. Вст. ст. В. Ф. Асмуса. М.: Музыка, 1965. С. 630.

дусом, чем сами индийцы». Как свидетельствовал Шлёцер, музыкант говорил: «Мне нужен только намёк, толчок, не географическая Индия меня интересует, но Индия в себе, те чувства, те переживания, которые в пространстве выражает, воплощает реальная Индия»¹.

По воспоминаниям Л. Сабанеева, «Скрябин часто выражался терминами теософской литературы, он был довольно начитан в ней, он питал большое уважение к Блаватской, и её «*Doctrine secrete*» была у него вроде настольной книги»². О влиянии теософии на мировоззрение Скрябина пишут и современные исследователи³ [1; 11; 14].

Учитывая глубокий интерес Скрябина к «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской (настольной книги композитора, по свидетельствам его биографов), мы можем ответить на сакраментальный вопрос о том, почему последние два года жизни композитор Скрябин создавал *поэтический* сценарий своей «Мистерии», не оставив потомкам даже черновика музыкальной партитуры. Безусловно, небезынтересными являются попытки сравнить космогонию Скрябина с системами Платона и А. Ф. Лосева [12]. Тщательно проработав первый том «Тайной Доктрины» (космогенезис), Скрябин пытался философско-художественными средствами раскрыть сущность происхождения Вселенной и определение места человечества в ней.

Блаватская пишет: «Эзотерическая теогония начинается с Единого Проявленного... Числа Чисел и Перечисленных – последние происходят от Гласа, Вак (женского начала) «о Ста формах»...» [3, с. 142]. (Ср. в Библии: «В начале было Слово...» (Иоанн 1, 1).)

По теософскому учению, начало космогенеза можно описать так: сначала Бог (Единый) пожелал создать Вселенную. Эта Причина – Божественная Мысль – поро-

дила первичный Глас. В действительности, божий Глас есть «Воинство Гласа», т. е. не просто отдельный звук, а сочетание звуков, имевшее глубокий изначальный (а для людей – сакральный) смысл. (В каббале и в христианстве это учение смыкается с понятием о Логосе – «Слове» в «Сефер Йецире» и в Библии.) При этом, «Воинство Гласа» – это синтез семи «чувств»: слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса, а также ума и понимания. Ум руководит остальными чувствами.

Скрябин считал необходимым создать поэтическую основу (магическую речь) будущего действия⁴. (Известны его более ранние поэтические опыты – хор к 1-й симфонии, 1900 г.; комментарий к «Поэме экстаза», 1906 г.) Вначале для создания текста «Мистерии» Скрябин хотел использовать санскрит, как источник многих современных языков. Потом он даже намеревался создать новый, собственный язык, отражающий динамику его музыки (которую неслучайно критики называли «нечеловеческой»). Б. Шлёцер вспоминал рассуждения Скрябина: «Мне необходимо будет, говорил он незадолго до смерти, создать свой собственный язык, погрузившись всецело в стихии музыки и танца; современная речь слишком неподвижна, зафиксирована; нужно вернуть слову его движение, сделать его более текучим, гибким, усилить певучесть его. Через санскрит, быть может, необходимо пройти, но подняться нужно ещё выше»⁵. По свидетельству Л. Сабанеева, «... «язык» Мистерии должен был быть всемирным, синтетическим языком, полученным как следствие воссоединения раздробленности нынешнего разнообразия языков»⁶.

Общение с русскими символистами, судя по всему, убедило Скрябина в огромном философско-мистическом потенциале

¹ Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Пропилеи: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 110.

² Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 28.

³ Ганина Л. «Блаватская была для него священным авторитетом». А. Н. Скрябин – философ-музыкант // Восход. Рассазия. №7 (267), Июль, 2016. С. 7–11.

⁴ Скрябин А. Н. Записки // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 6. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120–247.

⁵ Шлёцер Б. Ф. А. Скрябин. Т. 1. Личность. Мистерия. Берлин: Грани, 1923. 291 с.

⁶ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 46.

русского языка. Также композитор осознал, что музыка, как отдельный вид искусства, – явление довольно позднее в человеческой культуре. Что «в начале» – как в космогенезисе, так и в антропогенезисе – было Слово, т. е. неразрывное сочетание звука и ритма. Он был убеждён в том, что музыка в собственно человеческом понимании – это, по существу, абстрактное воспроизведение процесса говорения, проговаривания конкретного текста, на ранних исторических этапах – магического, религиозного, сакрального текста. Слитая со словом, музыка постепенно эмансипируется в область абстрактных представлений, не порывая со сферой чувственных переживаний, которые остаются её смыслом и содержанием.

Очевидно, Скрябин, исходя из собственной интерпретации теософских предпосылок, стремился создавать музыку не столько для «чувств», сколько для ума (Разума). И она является лишь одним из способов творческого проявления и развития человека. С точки зрения существующих видов человеческого творчества «Мистерия» – это новая и небывалая форма «Всеискусства», в которой воедино сплавляется всё разнообразие дифференцированных доселе искусств на основе общих духовных принципов (энергетических, психодейательных, мистико-религиозных и пр.).

Учитывая теософские влияния и философско-мистические основания «Мистерии» Скрябина, мы уже довольно подробно рассматривали её символическую структуру [17].

ПАРАЛЛЕЛИ СКРЯБИНСКОЙ «МИСТЕРИИ» В РУССКОМ И МИРОВОМ МИСТИЦИЗМЕ

В настоящий момент представляется важным показать, что на первый взгляд одинокие философско-мистические поиски Скрябина в музыке, в действительности были вписаны в определённые мировые мистицизмом (в том числе русским) наиболее перспективные новаторские творческие тренды.

В начале XX в. ещё один русский мистик Г. И. Гурджиев (1877–1949) мечтал создать Международный Институт гармонического развития человека, в котором ученики должны осваивать комплекс искусств (музыки, танцев, особых сакральных движений – наряду с постижением необычных философско-мистических идей и текстов). Гурджиев утверждал, что являлся носителем древней суфийской традиции Востока [7, с. 241–278]. Он создал практическую систему особых «движений» и танцев для «расширения сознания», реального усвоения нового эмоционального опыта и интеллектуальной информации. После ухода из жизни Учителя его система (единство сакральных текстов, музыки и особых движений) сохраняется в группах ближайших учеников и последователей вплоть до сегодняшнего дня [19].

Скрябин, развивая теософские идеи в русле «Всеискусства», творил и мыслил в унисон с учителем Г. Гурджиевым, осознавая единство и взаимодополнительность различных видов искусства, а главное – отдавая главную роль философско-мистическим текстам, музыке и танцу. Так, по свидетельству Л. Сабанеева, Скрябин немногим близким друзьям говорил о некоем «заключительном, оргиастическом, последнем танце, который должен был завершать Мистерию»¹.

Как и А. Н. Скрябин, Г. И. Гурджиев разработал собственную музыкальную теорию «объективной музыки» [17; 13, с. 156–157], которая должна была восприниматься в синтезе с идеями, движениями и танцами гурджиевской школы.

Сегодня понятие «глобализации» является общепризнанным, а в конце XIX и начале XX в. мистические течения разных стран сливались в общее русло развернувшейся к объединению человеческой культуры. Вряд ли стоит удивляться тому, что у различных мистиков на этом историческом этапе обнаруживаются столь поразительные совпадения в целях, проектах и общих идеях.

¹ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 45.

Отмечая закономерные параллели творчества А. Скрябина в деятельности зарубежных мистиков, в первую очередь необходимо выделить фигуру Хазрата Инайят Хана (1882-1927). Как и Г. Гурджиев, Инайят Хан нёс «Суфийское послание» на Запад и в Россию через пропаганду классической индийской музыки и религиозно-философских и мистических идей. Одной из наиболее известных и до сего дня популярных его книг является «Мистицизм звука» [6]. Инайят Хан был кумиром русской образованной публики 1910-х гг., живо интересовавшейся индийской и другими восточными культурами. Если Скрябин мечтал переместить реализацию своего «проекта» «Мистерии» в Индию, то в начале XX в. Восток пришел в Россию. Инайят Хан, получивший оглушительную известность на Западе, сначала был приглашен из Парижа с концертами в знаменитое московское кабаре «Максим», а затем его тепло приняли в профессиональных музыкальных и литературно-художественных кругах России. Характерно, что наряду с музыкантами и композиторами Московской консерватории и музыкально-этнографической комиссии, Инайят Хан был дружен и с символистом Вяч. Ивановым, который, как мы видели, сыграл немалую роль в поддержке философско-мистического проекта А. Н. Скрябина. Именно в салоне Вяч. Иванова в январе 1914 г. русский композитор познакомился с индийским музыкантом. Затем они ещё несколько раз встречались. Скрябин приглашал Инайят Хана в свой дом в Николопесковском переулке (где сейчас находится музей композитора). Сын Хазрата Инайят Хана вспоминал во Вступительном слове к русскому изданию книги своего отца: «Во время пребывания в Москве Хазрат Инайят Хан обсуждал со Скрябиным сочинение симфонии, которая называлась бы «Мистерия»...» [6, с.2].

Своё «Суфийское послание» Инайят Хан и его последователи сравнивали с «космической симфонией» и «мистерией божественной Любви», ведущей к мистическому озарению. Известно, что Хазрат Инайят Хан на определённом этапе своего

духовного развития прекратил заниматься музыкой, стремясь передать «тонкие вибрации невидимого света и неслышимого звука» в цикле своих религиозно-мистических сочинений.

Таким образом, Хазрат Инайят Хан через духовную музыку обрёл индивидуальное высшее мистическое озарение, которое затем стремился передать людям в мистическом Слове. А Скрябин надеялся в своём «Всеискусстве», включавшем и мистически ориентированную музыку, и вдохновенное слово, подвести всё человечество к мистическому Преображению.

Скрябинский проект всемирного братства и сотворчества в философско-мистическом ключе, в значительной степени вдохновлённый всемирным Теософским Обществом Е. П. Блаватской, органично вписался в целое направление религиозных и философско-мистических проектов начала XX в. по созданию всемирных общин, отрицающих национальные, половые, религиозные, возрастные, профессиональные и прочие различия людей. Начало XX в. ознаменовано появлением целого ряда международных ашрамов на Востоке (вначале – в Индии и на Шри-Ланке) и центров восточных культур (в первую очередь буддизма и дзен-буддизма) в Европе и Америке.

Из международных духовных центров, задуманных и возникших параллельно со вселенским замыслом Скрябина, а также в значительной степени связанных с теософией, можно назвать Гетеанум Р. Штейнера, всемирный центр Антропософского движения, возведённый в 1913–1919 годах XX в. (г. Дорнах, Швейцария). Антропософия, как учение Рудольфа Штейнера (1861–1925), отделившееся от теософии, хотя и было ориентировано не на восточную, а на европейскую культуру, претендовало на вселенское значение. Уникальное здание, спроектированное Штейнером и возведённое усилиями его учеников (включая известных русских последователей «Доктора» – А. Белого, Асю Тургеневу, М. Волошина, Маргариту Сабашникову и др.), представляло собой

некую модель Вселенной. (Как известно, первое здание Гетеанума сгорело в 1922 г.; второй Гетеанум был возведён в 1923–1927 гг.) Современные путешественники сравнивают его с «космическим кораблём внеземной цивилизации», возвышающимся над зелёными холмами живописного Дорнаха¹.

По свидетельству Шлёцера, Скрыбин мечтал об особом здании для проведения Мистерии. В 1903–1906 гг. он представлял себе гигантское круглое здание под высоким куполом, правильное полушарие, окружённое водой, чтобы, отражаясь в ней, создавалось впечатление полной сферы (эскиз подобного сооружения опубликован М. Гершензоном в «Записках» Скрыбина. Затем Скрыбин уже говорил о целой системе зданий среди лесов (причём и сами работы по возведению храма он включал в Мистирию). Всё более воодушевляясь своим проектом, Скрыбин говорил о подвижных, изменчивых строениях, об «архитектурном танце»: применении световых эффектов для создания миражных форм, о дымных ароматных завесах, о столбах из фимиама, о прозрачных поверхностях, в нужный момент становящихся невидимыми. Шлёцер вспоминает: «Однажды у Скрыбина вырвалось: «Быть может, придётся в последний момент разрушить этот храм, опрокинуть стены и выйти на простор, под небо»².

Итак, в проекте Скрыбина здание «Мистерии» в Индии было предназначено для единственного священного действия, после которого должно было наступить Преображение всего человечества; а для Штейнера и его последователей Гетеанум был особым храмом для регулярного проведения антропософских церемоний. Часть из них представляла собой особые ритуализованные действия, в основе которых лежала особая система движений,

визуализирующих звуки, под названием «эвритмия» [18].

Одной из значимых параллелей «все-человеческого братства» Скрыбина можно назвать реально воплощённый проект индийского философа-мистика Шри Ауробиндо Гхоша (1872–1950) и его соратницы Мирры Альфасса (которую ученики называли Матерью) (1878–1973). Речь идёт об основанном в 1968 г. и донныне действующем всемирном городе Ауровиль («город рассвета»), в индийском штате Тамилнад. В 1966 г. ЮНЕСКО приняла резолюцию о его полной поддержке, рассматривая Ауровиль как важный проект будущего человечества. Он объединяет 2000 представителей более чем 50 стран мира, живущих в гармонии с природой, вне каких бы то ни было религиозных, политических и национальных различий. Правда, всемирный город является светским, категорически отличаясь от ашрама Шри Ауробиндо в Пудучерри, полурелигиозной организации последователей интегральной йоги. Концепции Скрыбина переключаются с развитой позднее интегральной йогой Шри Ауробиндо Гхоша. Идея подключения физических работ к интеллектуально-художественному творчеству ради достижения мистической трансформации у Скрыбина едина с введением карма-йоги в ашраме Шри Ауробиндо и в Ауровиле. В мастерских и на ручных производствах ашрама и города и сегодня физический труд сочетается с разработанной Матерью духовной программой. Мощным символом учения Шри Ауробиндо и единения Ауровиля с Космосом является «Матримандир» (Дом Матери), место ежедневной медитации всех жителей. Это «Золотой храм Истины», духовный и географический центр Ауровиля, символ единой коллективной души, который представляет собой гигантскую сферу (как и один из проектов мистериального здания Скрыбина). Правда, в Матримандире всегда сохраняется космическая тишина, располагающая к глубокой медитации³.

¹ Гётеанум: архитектурный образ Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://marinagra.livejournal.com/> Гётеанум: архитектурный образ Вселенной. 12.09.2017 (дата обращения: 15.11.2019).

² Шлёцер Б. Ф. А. Скрыбин. Т. 1. Личность. Мистерия. Берлин: Грани, 1923. С. 297–299.

³ Подробно о жизни Ауровиля см.: Ауровиль – город рассвета [Электронный ресурс]: [сайт]. URL:

Ещё одной интересной параллелью «Мистерии» А. Н. Скрябина являются творческие эксперименты знаменитого художника-абстракциониста В. В. Кандинского (1866-1944), убеждённого сторонника объединения различных видов искусств под влиянием теософских идей. Его знаменитая книга «О духовном в искусстве» (1911) стала декларацией абстракционизма, а в действительности – утверждением особой теософской практики в живописи, основанной на переосмыслении эмоционального и психо-философского воздействия цвета, линии и ритма в живописи. В. Кандинский играл на виолончели и фортепиано, любил театр, в живописи использовал музыкальные «мотивы», называя свои художественные произведения «композициями» и «импровизациями». Для Кандинского, как и для Скрябина, соединение музыки и цвета было органичным, правда, в отличие от композитора, художник не был синестетиком, и его практика полностью отталкивалась от теософских теорий. У Скрябина же мистический опыт сочетался с врождённым синестетическим восприятием единства музыки и цвета, в связи с чем он впервые в истории музыки применил цвето-звуковые эффекты при исполнении наделавшей шума симфонии «Прометей» (1910). В своей музыкальной гостиной Скрябин отлаживал созданный им специальный свето-цветовой аппарат – «*tastiera per luce*» для сопровождения музыкальных композиций.

В работах Кандинского соединение звука и цвета носило экспериментально-художественный смысл. В 1910-е годы Кандинский создал 4 сценические композиции: «Зелёный звук», «Фиолетовый занавес», «Чёрный и белый» и «Жёлтый звук» (либретто последней было опубликовано в альманахе «Синий всадник» в 1912 г.). В 1914 г. Кандинский занимался подготовкой постановки «Жёлтого звука» в Мюнхене. По его замыслу, композиция гармонично соединяла музыку, цвет, пластику и слово, т. е. оркестр, цветные про-

екторы, пантомиму и певцов. Видимо, не случайно Кандинский над этим проектом работал вместе с Фомой Гартманом (Thomas de Hartmann, 1885–1956), известным русским музыкантом и композитором, позже присоединившимся к Институту Г. И. Гурджиева во французском Приэре и много сделавшим для профессиональной записи «объективной музыки» Учителя [16, р. 484]. К сожалению, первая мировая война нарушила планы Кандинского. Впервые «Жёлтый звук» был поставлен лишь 12 мая 1972 г. в Музее Гутенхайма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение исследований творчества Скрябина в профессиональное философское поле является чрезвычайно актуальным. Как мы показали, наиболее адекватными представляются работы в русле русской мистической философии, с учётом характерных особенностей русского мистицизма. Рассматривая наиболее яркие духовные параллели деятельности Скрябина в различных учениях и проектах русских и зарубежных мистиков, можно подчеркнуть и его уникальность. Ни один из упомянутых международных и общечеловеческих проектов, в отличие от скрябинской «Мистерии», не предполагал проведения небывалого «управляемого Апокалипсиса», как его задумывал русский композитор-мистик. Провозвестник неизбежного будущего преображения человечества, Скрябин, безусловно, развивал теософские идеи Е. П. Блаватской о смене человеческих «рас». Точнее, он предугадывал непосредственный процесс перехода человечества из одного духовного состояния в другое. Но русский мистик-композитор также следовал глубинным традициям в истории мирового мистицизма, придававшим особое значение музыке в процессе духовного преобразования человечества (от древнейшего ведического учения, пифагорейской «музыки сфер», учения Платона – до розенкрейцерской космогонии, и вплоть до упоминавшихся учений Инайят Хана и Г. И. Гурджиева).

Представляется, что именно в будущем синтезе философских, психологических, музыкологических и искусствоведческих исследовательских усилий станет возможным раскрытие ключевых моментов философско-мистико-художественного

феномена «Всеискусства» А. Н. Скрябина и подлинных этапов реализации его «Мистерии».

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура А. И. Александр Скрябин. Челябинск: Аркаим, 2004. 383 с.
2. Бандура А. И. Иные Миры Александра Скрябина. М.: ИРИС-ПРЕСС, 1993. 24 с.
3. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. В 2-х т. М.: Сирин, 1993. Т. 1, кн. 1. 369 с.
4. Зорилова Л. С. А. Н. Скрябин. Путь к мистерии. Духовно-творческий поиск в контексте становления музыкального искусства. М.: Академический проект, 2020. 204 с.
5. Зорилова Л. С. О философском мировоззрении А. Н. Скрябина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. №6 (74). С. 80–86.
6. Инайят Хан. Мистицизм звука. М.: Сфера, 1997. 336 с.
7. Кравченко В. В. Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 299 с.
8. Кравченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX вв. М.: Издатцентр, 1997. 279 с.
9. Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183.
10. Михайлова Л. Е. А. Н. Скрябин как философ серебряного века // Философско-исторические аспекты общественной жизни: сб. науч. тр. Тверь, 2005. С. 61–68.
11. Самохин В. П., Мещеринова К. В. Памяти Александра Николаевича Скрябина (1872–1915) // Наука и образование. Сетевой периодический журнал МГТУ им. Н. А. Баумана. Приложение к номеру: история технического прогресса. 2015. №8. С. 324–357.
12. Серова Н. С. Космогония А. Скрябина в свете философских систем Платона и А. Ф. Лосева // Известия Самарского науч. центра РАН. 2015. Т. 17. №1–2. С. 503–510.
13. Фаликов Б. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
14. Федоровцев В. Г. Влияние теософии на мировоззрение и творчество А. Н. Скрябина // Colloquium – Journal. №1–2 (25). 2019. С. 32–33.
15. Шумилин Д. А. Скрябин – музыка – философия: к методологии проблемы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №101. С. 258–261.
16. Kravchenko V. The Objective music in Georgij Gurdjieff's Teaching // Music. Senses. Body. / Ed. by D. Martinelli. Acta Semiotica Fennica XXXII. Univ. of Roma Tor Vergata, 2008, pp. 464–487.
17. Kravchenko V. The symbolic structure of Alexander Scriabin's "Mystery" // Music and the Arts. In 2 vol. / Ed. E. Tarasti. Acta Semiotics Fennica XXIII. Imatra, Helsinki, 2006, vol. 2, pp. 712–722.
18. Poplawski, Thomas. Eurythmy: a short Introduction to the art of movement. Edinburg: Floris books, 2015. 128 p.
19. Salzmann, Jeanne de. Die wirklichkeit des Seins – Der Vierte Weg Gurdjieffs. Chalice, Xanten, 2017. 344 p.

REFERENCES

1. Bandura A.I. *Aleksandr Skryabin* [Alexander Scriabin]. Chelyabinsk, Arkaim Publ., 2004. 383 p.
2. Bandura A.I. *Inye Miry Aleksandra Skryabina* [Other Worlds of Alexander Scriabin]. Moscow, IRIS-PRESS Publ., 1993. 24 p.
3. Blavatskaya E.P. *Tainaya doktrina* [The Secret Doctrine]. In 2 vol. Moscow, Sirin Publ., 1993. Vol. 1. 369 p.
4. Zorilova L.S. A. N. Skryabin. *Put' k misterii. Dukhovno-tvorcheskii poisk v kontekstestanovleniyamuzыkal'nogoiskusstva* [A. N. Scriabin. The Path of Mystery. Spiritual and Creative Search in the Context of Development of Musical Art]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2020. 204 p.
5. Zorilova L.S. [On A. N. Scriabin's philosophical outlook]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2016, no. 6 (74), pp. 80–86.

6. Inayat Khan. *Mistitsizm zvuka* [The Mysticism of Sound]. Moscow, Sfera Publ., 1997. 336 p.
7. Kravchenko V.V. *Vestniki russkogo mistitsizma* [Messengers of Russian Mysticism]. Moscow, Izdatsentr Publ., 1997. 299 p.
8. Kravchenko V.V. *Mistitsizm v ruskoifilosofskoi mysli XIX – nachala XX vv.* [Mysticism in Russian philosophy of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, Izdatsentr Publ., 1997. 279 p.
9. Kryazheva-Kartseva E.V. [Theosophy and its fate in Russia in the early twentieth century.]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2003, no. 2, pp. 173–183.
10. Mikhailova L.E. A. N. *Skryabin kak filosof serebryanogo veka* [A. N. Scriabin as the philosopher of the Silver Age]. In: *Filosofsko-istoricheskie aspekty obshchestvennoi zhizni* [Philosophical and Historical Aspects of Public Life: Collection of Proceedings]. Tver, 2005. pp. 61–68.
11. Samokhin V.P., Meshcherinova K.V. *Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Skryabina (1872–1915)* [In Memory of Alexander Nikolayevich Scriabin (1872–1915)]. In: *Nauka i obrazovanie. Setevoi periodicheskii zhurnal MGTU im. N. A. Baumana. Prilozhenie k nomeru: istoriya tekhnicheskogo progressa* [Science and Education. Network Periodic Journal of Bauman Moscow State Technical University. Appendix to the issue: the history of technical progress], 2015, no. 8, pp. 324–357.
12. Serova N. S. [Cosmogony A. Scriabin in the light of the philosophical systems of Plato and A. F. Losev]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Research Center, Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1–2, pp. 503–510.
13. Falikov B. *Velichina kachestva. Okkul'tizm, religii Vostokaiiskusstvo XX v.* [The Value of Quality. Occultism, Eastern Religions and the Art of the Twentieth Century]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] Publ., 2017. 256 p.
14. Fedorovtsev V.G. [The influence of theosophy on the worldview and work of A. N. Scriabin]. In: *Colloquium – Journal*, no. 1–2 (25), 2019, pp. 32–33.
15. Shumilin D.A. [Scriabin – music – philosophy: on the methodology problem]. In: [Bulletin of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, no. 101, pp. 258–261.
16. Kravchenko V. The Objective music in Georgij Gurdjieff's Teaching // *Music. Senses. Body.* /Ed. by D. Martinelli. *Acta Semiotica Fennica XXXII*. Univ. of Roma Tor Vergata, 2008, pp. 464–487.
17. Kravchenko V. The symbolic structure of Alexander Scriabin's "Mystery" // *Music and the Arts*. In 2 vol. / Ed. E. Tarasti. *Acta Semiotica Fennica XXIII*. Imatra, Helsinki, 2006, vol. 2, pp. 712–722.
18. Poplawski, Thomas. *Eurythmy: a short Introduction to the art of movement*. Edinburg: Floris books, 2015. 128 p.
19. Salzman, Jeanne de. *Die Wirklichkeit des Seins – Der Vierte Weg Gurdjieffs*. Chalice, Xanten, 2017. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Linguistics and Translation Studies of the Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Философско-мистический смысл, истоки и параллели «Мистерии» А. Н. Скрябина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 82–94.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Philosophical-Mystical Meaning, Origins and Parallels of the "Mystery" by A. N. Scriabin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 82–94.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94

УДК 1(091); 168.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-95-108

ПРОТИВОРЕЧИЕ В ЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ НАЧАЛА XX В.: НОВАТОРСКИЕ РАЗРАБОТКИ Н. А. ВАСИЛЬЕВА И П. А. ФЛОРЕНСКОГО

Прядко И. П.

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования — определить, какое место занимает противоречие в логико-философском поиске, осуществлённом выдающимися отечественными философами и методологами начала XX в. — Н. А. Васильевым и П. А. Флоренским; показать, как представление о противоречии в бытии и мышлении повлияли на обращение к логической тематике двух известных мыслителей.

Процедура и методы исследования. В ходе исследования автором применяются следующие методы: метод построения формул языка исчисления высказываний, метод графического представления отношений между атрибутивными суждениями и суждениями воображаемой логики в виде логического квадрата и треугольника противоположностей.

Результаты проведённого исследования. В результате проведённого автором сравнения сделан вывод, что отправной точкой создания неклассических учений, породивших впоследствии системы паранепротиворечивости, стало стремление преодолеть противоречия в познании и обогнать богословские положения.

Теоретическая и / или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно проливает свет на историю русской школы логики.

Ключевые слова: воображаемая логика, закон противоречия, закон исключённого третьего, задача Кэрролла, логика исчисления высказываний, П. А. Флоренский, Н. А. Васильев

CONTRADICTION IN LOGICAL DOCTRINES OF THE EARLY 20TH CENTURY: INNOVATIVE DEVELOPMENTS OF N. A. VASILIEV AND P. A. FLORENSKY

I. Pryadko

*National Research Moscow State University of Civil Engineering
26 Yaroslavl'skoe shosse, Moscow 129337, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the study is to determine the role of contradiction in logical and philosophical search by outstanding Russian philosophers and methodologists of the early 20th century — N. A. Vasiliev and P. A. Florensky; to show how the idea of contradictions in being and thinking influenced the choice of logical topics by two famous thinkers of the Silver Age.

Methodology and Approach. The methodology of the study includes the method of constructing formulas of the propositional calculus language, the method of graphical representation of the relationships between attributive judgments and the judgments of imaginary logic in the form of a logical square and a triangle of opposites of imaginary logic, a comparative historical method based on the analysis of sources on the history of logic.

Results. It was concluded that the starting point for the creation of non-classical paraconsistent teachings was a desire to overcome the contradictions in knowledge, on the one hand, and to substantiate theological provisions, on the other. Moreover, the author considers not only similarities, but also differences in the philosophical constructions of N. Vasiliev and P. Florensky.

Theoretical and / or Practical Implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that it sheds light on the history of the Russian school of logic.

Keywords: imaginary logic, law of contradiction, law of the excluded middle, Carroll problem, propositional calculus logic, N. A. Vasiliev, P. A. Florensky

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. РОССИЙСКАЯ ЛОГИКА ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ

П. А. Флоренский и Н. А. Васильев известны не только как незаурядные философы, но и как самобытные логики. Признано, что для начала XX века их философско-логические идеи носили вполне новаторский характер. Творческая биография двух мыслителей проходила параллельно, и потому ни в жизни, ни в научной деятельности их пути ни разу не пересеклись. Обстоятельства научного творчества Васильева и Флоренского тоже были очень разными, можно сказать полярными, да и в мировоззрении двух мыслителей довольно трудно обнаружить какие-либо общие черты. Один был православным священником, другой – многогранным учёным, литератором, незаурядным поэтом, произведения которого принадлежат культуре Серебряного века с характерными для неё тяготением к языческой неоромантике и поиском нового, находящегося за пределами устоявшихся правил и традиций. Кредо одного — стояние в Истине, удел другого – Её постоянный поиск. Современный автор А. А. Васильев – однофамилец великого логика – подчёркивает разнодискурсность научных и философских программ, предлагавшихся в интеллектуальном поле российской науки в XIX – начале XX веков. Николая Александровича указанный автор характеризует как «философа от логики», о Павла – как «логику от богословия» [7, с. 153]. Несмотря на односторонность предложенных современным автором характеристик, можно принять к сведению тот факт, что оба мыслителя тяготели к синтетическим построениям, к созданию универсальной методологии, позволяющей алгеброй логики поверить не только гармонию мира, но и его – этого мира – хаос и противоречие. Недаром философы и историки, исследующие данную эпоху, говорят о сочетании в ней «возрождения» и «декаданса». Такая

характеристика указанного периода отражает его архетипические свойства. Уже в «Метаморфозах» Овидий Назон описывал «серебряный» век, пришедший на смену благополучному «золотому»: новый период в жизни человечества оказался чреват социальными противоречиями. Он приносил людям всё больше тревог и страданий [11; 13]. Русский Серебряный век едва ли отличался от его античного первообраза. Его диссонансы, взлёты и падения – общее место многих работ, анализирующих культуру данного периода. Вполне соответствует духу Серебряного века «самохарактеристика» культурных деятелей эпохи, данная в одном из стихотворений Н. А. Васильева:

*«Мы – быстро меркнувшее пламя
И вновь плавающий пожар...»¹*

Выше уже говорилось, что философские взгляды выбранных нами мыслителей были очень разные. И скорее всего, они не знали о существовании друг друга. Тем любопытнее будет сопоставление их подходов в логике. Сходство логических идей двух крупных учёных автор настоящей работы усматривает в интенциях их логико-методологических построений. Оба мыслителя стремились создать такую логику, которая могла бы использовать в рассуждении противоречия, не приводя при этом рассуждающего к тривиальным выводам. К этой цели оба мыслителя шли разными путями, которые, тем не менее, мы можем сопоставить. С данным сопоставлением связан один из методов настоящей статьи – сравнительный анализ логических выводов двух исследователей. Такой анализ необходим для восстановления целостной картины истории отечественной логики в XX веке. Важно понять, в чём состоит сходство и в чём различия (а последние

¹ Из стихотворений Н. Васильева // Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон+, 2009. С. 231–232.

не менее интересны, чем первое) в логических подходах обоих мыслителей. Именно на это направлена предлагаемая статья.

Авторы современных работ по истории логики довольно много пишут о том, что отправной точкой поиска неклассических схем в формальной логике Васильеву и Флоренскому служили критика закона противоречия, с одной стороны, и выдвижение идей антиномичности – с другой. Оба исследователя давали закону противоречия неклассические интерпретации. Для Флоренского переосмысление фундаментального формально-логического закона было связано с опытом христианского познания, открывающего путь преодоления субъектом своего отдельного существования, самости и индивидуализма. Из этих христианских идей вытекает критика традиционной бинарной логики, которую мы находим в главном сочинении о. Павла «Столп и утверждение Истины». Идеи же Н. А. Васильева о противоречии получили известность в узком кругу логиков и остаются в меньшей степени известны философам. Восполнить данный пробел входит в число задач настоящего исследования.

ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, ИСТОЧНИКИ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В своей работе автор ставит следующие задачи:

1. Определить, как представления о противоречивости мыслительных конструкций, используемых человеком в рассуждениях, и представления о противоречивости эмпирических референтов этих рассуждений повлияли на формирование учений о логической многозначности и паранепротиворечивости.

2. Сопоставить отдельные логические идеи двух крупных мыслителей Серебряного века – Н. А. Васильева и П. А. Флоренского.

3. Проанализировать выводы Н. А. Васильева, касающиеся логических противоречий.

4. Дать оценку использования задачи британского математика и литерато-

ра Льюиса Кэрролла в целях разрешения теологических «парадоксов» в наиболее известном религиозно-философском сочинении о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины».

Решаемые в статье задачи предопределили методы, которые в ней используются.

К методам, применяемым в настоящей работе, относится метод ретроспективного анализа источников по истории логики XX века. В первую очередь это труды самого Н. А. Васильева (статьи «О частных суждениях, законе исключённого четвёртого и треугольнике противоположностей»¹, «Воображаемая (неаристотелева) логика»², «Логика и металогика»³) и основное сочинение П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи» (использованы репринтное и современное переиздания этого произведения⁴). Данный философско-богословский труд может служить источником по широкому кругу тем: от богословия, истории науки, истории математики, логики до истории искусства, археологии и других областей гуманитарного знания. Также автор обращается к проблемам хронологии создания систем неклассических логик. *Implicite* в нашей работе учтены подходы православного богословия, установки на так называемое «беззавистное отеческое знание» (И. Вишенский⁵), отличавшее, как казалось самому Флоренскому, мышление представителей восточного христианства от познавательных установок носителей

¹ Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого. Казань: Типолиграфия Казанского университета, 1910. 47 с.

² Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал министерства народного просвещения. Нов. сер. 1912. С. 207–246.

³ Васильев Н. А. Логика и металогика // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 53–81.

⁴ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. Т. I–II. М., 1990. [Факсимильное издание труда с подзаголовком: «Опыт православной теодицеи в двадцати письмах свящ^{ен}ника» П. Флоренского. М.: Путь, 1914]; Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. Т. I. М.: АСТ, 2003. 640 с.

⁵ Вишенский И. П. Сочинения. Подг. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1955.

«высокомерной» учёности Запада, того самого «возрождения», о котором так много рассуждал сам о. Павел. В предлагаемой статье анализируются выводы историков логики, в частности, В. А. Бажанова [2], Б. М. Шуранова [19], В. Н. Тростникова, Б. В. Бирюкова [5] и др. Учитываются выводы, сделанные автором настоящей статьи в работе, написанной в соавторстве с последним из названных учёных [4, с. 207–257], а также идеи таких исследователей многозначной логики, как А. С. Карпенко, Н. Е. Томова [16], Я. И. Петрухин и В. О. Шангин [12, с. 52–62], Б. Л. Яшин. [20, с. 32–47].

Поставленные задачи определили и структуру нашей работы. В первой её части, посвящённой выводам воображаемой логики Н. А. Васильева, используется метод графического представления отношений между простыми атрибутивными суждениями в неклассической трёхкачественной логике казанского профессора – так называемый «логический треугольник».

В статье предлагается сосредоточить внимание на раннем этапе формулировки неклассических идей в логике. Проблема оперирования противоречивыми высказываниями была поставлена уже в первой статье Н. А. Васильева по логике, посвящённой частным суждениям, закону исключённого четвёртого и треугольнику противоположностей. Коснёмся главных положений данного исследования. В следующих параграфах остановимся на критике Васильевым и Флоренским закона противоречия, на обладающем высокой степенью наглядности треугольнике противоположных суждений, который выступает графической иллюстрацией закона воображаемой логики Н. А. Васильева – закона исключённого четвёртого. В параграфах о логических воззрениях П. А. Флоренского используются методы языка логики исчисления высказываний, привлекается аппарат современной формальной логики и логической семантики, а равно подходы современной философии логики применительно к развитию логического знания. В параграфах, развивающих эти положения,

мы предложим трактовку *противоречия* выдающимся казанским логиком, а после этого рассмотрим отдельные аспекты логических наработок Павла Флоренского, где противоречие раскрывается средствами математической логики и решается задача Льюиса Кэрролла. Этому будут посвящены последние параграфы нашей работы.

В статье автор намерен обосновать тезис, что немаловажным фактором, побудившим логиков заниматься формализованными системами, допускающими противоречия и при этом не являющимися тривиальными, стали философские идеи антиномичности, предложенные Флоренским и Васильевым.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И В ПОЗНАНИИ

Обращаясь к проблеме противоречия, автор настоящей статьи исходит из осознания того факта, что сама трактовка этой проблемы, подходы к ней варьируются в разных теориях и направлениях [10]. Разногласия мыслителей связаны главным образом с тем, что одни авторы стремятся элиминировать, устранить противоречие из рассуждений. Другие же, подчёркивая неустранимость паралогизмов, ставят задачу создать такую систему рассуждений, которая позволила бы с противоречиями работать, т. е. рассуждать, опираясь на противоречивый контекст, приходя при этом к нетривиальным выводам. Устранить из логики и математики противоречия стремились отдельные представители интуиционистской и конструктивистской логики, считая, что логические парадоксы представляют собой препятствие на пути развития логико-математического знания. Обоснование логической необходимости данных парадоксов (например, у Г. Кантора или у К. Геделя) такие авторы хотя и называли доказательствами, но неизменно помещали это слово в кавычки [18, с. 415–427].

Для других авторов противоречивость схем, используемых людьми в ходе их мыслительной познавательной деятельности,

стала поводом для формирования систем логической неклассичности, а в отдельных случаях служила обоснованием их мировоззренческих установок, в которых в единое целое сливались логика, религиозная интуиция и опытное постижение окружающей действительности. П. А. Флоренский тяготеет к последней группе мыслителей. Позиция Васильева в этом отношении сложнее. С этой позицией автор намерен разобраться в настоящей работе, решая задачу из поставленных задач.

ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ: ВЗГЛЯД Н. А. ВАСИЛЬЕВА

Проблема противоречия обсуждается в ранней работе Н. А. Васильева о Ф. Полане¹. Полагая, что выводы западного логика и психолога не лишены оснований, Н. А. Васильев считает нужным указать на различие между противоречиями, с которыми мы сталкиваемся в природе и в общественной жизни, и противоречиями формальной логики. Не является, по Васильеву, формально-логическим противоречие между нашим знанием об изучаемом объекте и его реальным состоянием. Не может рассматриваться в качестве формально-логического противоречия противоположность интересов разных социальных групп и классов, представленных в общественной структуре. Наконец, переходя на уровень межличностных отношений, Васильев говорит о гамме противоречивых чувств, которые может испытывать человек к другому человеку. О последнем виде противоречий говорит нам художественная литература и психология, и этот взгляд на внутреннюю противоречивость человеческой психики отражают ранние литературные опыты самого Николая Александровича – его стихи и критические заметки (о Ч. Свинберне, Э. Верхарне, литературоведческая статья о Н. В. Гоголе, где трактуется сочетание в творчестве великого писателя мистики и реализма). Как

¹ Васильев Н. А. Рецензия на книгу Ф. Полана «Логика противоречий» // Логос. М.: Мусагет, 1913. С. 363–365.

здесь не вспомнить васильевский перевод из трагедии британского неоромантика Свинберна:

*«Между закатом и волной
Моя любовь пришла за мной...
Из счастья — скорбь, из утра — ночь»².*

Такие взаимные переходы, как был убеждён Васильев, следует отличать от формально-логических противоречий. Последние вневременны... Но не об этой ли вневременности говорит П. А. Флоренский, когда рассуждает о природе Божества? У о. Павла мы читаем: «Всё кружится, всё скользит в мёртвую бездну. Только Один пребывает, только в Нём неизменность жизни и покой»³. Перечисленные в очерке Васильева виды противоречий в реальности могут быть совмещены, в то время как противоречие формально-логическое зиждется на нашем представлении о несовместимости.

Итак, приведённые выше явления не подпадают под закон противоречия традиционной логики. Вероятно, они могут быть освоены при помощи другой неклассической логики? Ответ на данный вопрос учёный дал в своих логических сочинениях.

ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА ВАСИЛЬЕВА: НА ПУТИ К ПЕРЕСМОТРУ ЗАКОНА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ранний этап построения неклассической логики связан, как отмечалось выше, с критикой положений Аристотелевой логики и выдвиганием отдельных *новых* концепций, которые и послужили фундаментом для этих неклассических теорий. Нередко «врата» в логическую неклассичность открывались при попытке исследователей дать более точную трактовку классических логических концептов (так поступал сам Н. А. Васильев). Отправной

² Свинберн Ч. О. Переводы из Ч. О. Свинберна. Творчество. Казань: Типолитография И. С. Перова, 1909. С. 232.

³ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. Т. I. М.: АСТ, 2003. С. 37.

точкой для разработки воображаемой логики у казанского учёного был отказ от закона исключённого третьего и пересмотр в субъективном ключе закона противоречия. Этот, последний казанским логиком был назван законом непротиворечия, законом запрета противоречия в мыслях субъекта.

Схему первоначальных рассуждений казанского профессора мы можем найти в реферате учёного «Воображаемая (неаристотелева) логика»: «Если какое-нибудь логическое основоположение может быть отброшено и заменено воображаемым без того, чтобы вместе с этим исчезла возможность логического рассуждения, то это будет служить верным признаком того, что данное логическое основоположение покоится на эмпирической основе и зависит от познаваемых объектов»¹. Этот и некоторые другие выводы, содержащиеся в статьях Васильева по «воображаемой» логике, позволяют говорить, что казанский учёный различал законы «чистого» мышления и законы, являющиеся обобщениями нашего опыта. Последним свойством наделены принципы аристотелевской логики, которая по своей природе и по задачам эмпирична.

На новаторские логические идеи русских философов и представителей смежных с философией направлений исследований можно смотреть под углом зрения истории логического знания в XIX–XX веках. Как утверждает в своём диссертационном исследовании современный логик Н. Л. Кварталова, активная разработка паранепротиворечивых логик как систем счисления приходится преимущественно на вторую половину XX столетия [9, с. 8–9]. В указанный период разработчики логических систем шли путём переосмысления принципа «из лжи следует всё, что угодно» (*ex contradictione quodlibet*). Именно данное условие, как минимальное для паранепротиворечивости систем, использует Г. Прист [15; 16, с. 35]. Итогом по-

иска в этот период становятся логические системы, в которых реализован принцип релевантности.

Принято думать, что учение Васильева является одной из ранних вех в истории становления теорий логической неклассичности XX века. Однако примеры обращения к логике Васильева представителей разных областей знаний в более поздние периоды есть свидетельство того, что выводы казанской логики не теряли своей актуальности и во второй половине XX столетия. Не утратили они своего значения и сегодня, в веке XXI. Обратим внимание на тот факт, что и сам Н. А. Васильев большое внимание уделял истории науки, стремясь отследить историю идей, выявить преемственность научных парадигм, связать свои логические открытия с предыдущим этапом развития науки. Свою работу о законе исключённого четвёртого автор воображаемой логики предвдывает историческим экскурсом, в котором собраны критические замечания в отношении принципов классического аристотелевского формально-логического учения, принятого в логике деления суждений по качеству и количеству. А в VI главе статьи о законе исключённого четвёртого особое внимание уделено неокантианской и гегельянской критике логического формализма: идеям В. Т. Круга, Дж. С. Милля, Х. Зигварта, Г. В. Гегеля². Казанский логик рассматривал своё учение как обобщение опыта прошлого, где вехами были гегелевская диалектика, учение об индукции Дж. С. Милля, критика о модальности и суждении Зигварта и, наконец, создание языка математической логики Дж. Пеано, Г. Фреге и Б. Расселом. Разработки Васильева, таким образом, имеют длительную предысторию.

Основным принципом и отправной точкой рассуждений Н. А. Васильева, приведшими его к идеям логической неклассичности, является закон исключённого

¹ Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал министерства народного просвещения. Нов. сер. 1912. С. 207.

² Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого. Казань: Типолитография Казанского университета, 1910. С. 36–42.

четвёртого, согласно которому любой предикат к любому субъекту может относиться трояким образом: либо он *необходим* (и тогда мы имеем дело с утвердительными суждениями), либо он *невозможен* (это говорит нам о том, что данное суждение отрицательное), либо данный предикат *возможен* (а это указывает, что суждение акцидентальное). Четвёртая возможность не допускается. Закон исключённого четвёртого лежит в основе воображаемой логики, которая выступает логикой чистой мысли, применимой в отношении понятий, обобщений разного уровня абстракции, а не фактов. Воображаемая логика Васильева лишена налёта эмпиричности и, так сказать, эристической «соревновательности», что были свойственны логическому учению Аристотеля. Разъясняя закон исключённого четвёртого, сформулированный казанским философом на раннем этапе его научного поиска, биограф учёного В. А. Бажанов писал: «Для суждений о фактах остаётся справедлив закон исключённого третьего. Для суждений о понятиях необходим закон исключённого четвёртого» [2, с. 120]. Идеи эти Н. А. Васильев развивал в серии статей и докладов. Одним из них был доклад «Неевклидова геометрия и неаристотелева логика». Помимо воображаемой логики мыслитель говорит о возможности иных неаристотелевых логик: «В том случае, если представить себе выполнимость ещё какого-нибудь варианта отношения между субъектом и предикатом суждения, то можно получить логику с четырьмя качественно различными видами суждений, а в этой логике будет иметь силу уже закон исключённого пятого. Возможны логики двух, трёх, четырёх и т. д. измерений, как, впрочем, вполне мыслима и логика лишь с одними утвердительными суждениями» [2, с. 125–126].

Вернёмся к упомянутому нами выше различию в области применения законов традиционной и воображаемой логики. Казанский логик в этой связи уточняет смысл отдельных суждений естественного языка: даже суждения о единичных предметах, по его убеждению, должны

рассматриваться как результат некоторого обобщения, генерализации, поскольку собственные имена суть тоже понятия общие. Следовательно, суждения о единичных предметах – это суждения не о фактах, а об общих понятиях. Новое в классификации суждений воображаемой логики Н. А. Васильева находит отражение в треугольнике противоположностей, к которому мы обратимся в следующем параграфе.

ТЕРНАРНОСТЬ И ТРЕУГОЛЬНИК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Мы уже говорили, что учение Васильева стало основой многих современных построений. Рядом авторов логика Васильева сближается с традицией тернарных сопоставлений, свойственных теоретическому и обыденному мышлению прошлого. Можно утверждать, что тернарность мышления архетипична, и эту систему архетипов воплощает логическая тернарность казанского учёного. Отдельные авторы связывают триадичность с диалектическим мышлением XIX–XX вв. Примеры проявления тройственного ритма в жизни и познавательной деятельности исследователи находят в разных областях знаний [1, с. 44–54; ср.: 8, с. 237–239].

Отсюда деление на три класса суждений представляется вполне естественным, но только в воображаемой логике такое деление приобрело свой законченный, научно обоснованный вид. Нуждаются в уточнении свойства, которые должны быть присущи трём классам суждений, составляющим вместе треугольник противоположностей Н. А. Васильева. Сам логик писал следующее: «Содержание каждого понятия делимо по смыслу от двух остальных, каждая пара понятий связана отношением взаимодополнительности, все три понятия являются концептуальными моделями более сложного (составного) понятия, мыслимые как единое целое»¹. В качестве примера использования ло-

¹ Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал министерства народного просвещения. Нов. сер. 1912. С. 238.

гической трёхкачественности в области социальной коммуникации мы можем привести так называемую социально-диалоговую триаду, предложенную математиком Р. Г. Баранцевым [3]. Триадичность мышления, которая проявляется в общественном дискурсе, восходит к особым характеристикам традиционного мышления, где между двумя крайними позициями рассмотрено нечто среднее, как результат соглашения между участниками общественного диалога [3, с. 102].

Современные исследования трёхзначных логик дают наглядное представление о том, насколько широка область их применения. При этом понимание табличных значений отдельных операций логики высказываний трёхзначных логик оказывается отличным от возможных реконструкций воображаемой логики Н. А. Васильева, которые предлагались исследователями второй половины XX века. Например, операция дизъюнкции в символической реконструкции трёхзначной логики Германа Эббингауза (психолога XIX в.) выглядит менее строго, чем в воображаемой логике Н. А. Васильева. Ведь у последнего три класса суждений находятся в отношении несводимости одного к другому, а значит – и несовместимости. Трёхзначная логика Эббингауза и ряд подобных ей систем трёхзначного пропозиционального исчисления предназначаются для анализа парадоксов, потому их называют логиками *бессмысленностного типа*. Не то воображаемая логика Н. А. Васильева. Область её применения – анализ отношений между общими понятиями теории – объектами высокого уровня абстракции [17, с. 436–439].

Рассмотренный в пятом параграфе работы Васильева о частных суждениях графический королларий (т. е. наглядная иллюстративная схема) закона исключённого четвёртого – треугольник противоположностей – самим создателем воображаемой логики сопоставлялся с логическим квадратом традиционной логики¹. Васильев

¹ Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого. Казань: Типолитография Казанского

и его последующие комментаторы отталкиваются от квадрата, в котором вершины *I* и *O* (служащие графическим обозначением частных суждений) соединяются в одну вершину, соответствующую акцидентальному суждению *M*, имеющему форму сложного дизъюнктивного суждения: *Все S суть либо P, либо не-P*. Формулировка последнего суждения возникает у мыслителя вследствие вывода, что частноутвердительно и частноотрицательно суждения при понимании кванторного слова как «только некоторые» или «не все» суть суждения об одном и том же.

В данном случае возникает вопрос о том, как расценивал казанский мыслитель противоречие? Как тот мыслительный контекст, с которым мы должны работать, или как помеху нашим рассуждениям, т. е. как то, что в ходе поиска истины необходимо устранить?

Существует трактовка логики Н. А. Васильева как двужановой трёхкачественной [6]. Принимая данную трактовку, мы должны рассматривать воображаемую логику как учение, устраняющее противоречие.

Предложенная казанским логиком триадичная классификация суждений имеет свою область применений. В предыдущем параграфе отмечалось, что суждения, о которых говорит Н. А. Васильев, касаются не фактов как таковых, а мыслимых объектов, порождённых нашей способностью обобщать, синтезировать понятия. В кратком реферате «Воображаемая логика» приведены примеры таких суждений. Философ, в частности, сравнивает закон традиционной логики с предложенным им законом логики *воображаемой*: «... закон исключённого третьего применим только к реальности: для мысли же действителен закон исключённого четвёртого: «относительно каждого понятия, взятого как субъект, и любого предиката мы можем образовать три различных суждения: одно – о необходимости данного предиката для данного понятия – утвердительное (например: «Все треугольники суть замкнутые фигуры»); второе – о невозможности

университета, 1910. С. 26–30.

данного предиката для данного понятия – отрицательное (например: “Ни один треугольник не есть круг”); третье суждение – о возможности данного предиката для данного понятия – акцидентальное (например: “Некоторые треугольники – равносторонние”, или иначе: “Треугольник может быть равносторонним”). Одно из этих суждений должно быть истинным, а четвертого суждения образовать нельзя¹.

Сказанное естественным образом налагается на треугольник противоположностей. Казанский учёный предлагает данный треугольник как способ наглядно представить отношения, имеющие место между суждениями тех классов, которые предусмотрены в его воображаемой логике.

Все три вершины *A*, *E* и *M* треугольника противоположностей не могут быть одновременно **истинны**, но два суждения из данной тройки могут быть одновременно ложны. Это соответствует приведённому нами выше делению суждений в воображаемой логике. *S* постоянно может иметь признак *P*, или он не может иметь этот признак ни при каких обстоятельствах, или он присущ субъекту *S* акцидентально: словом, *P* то имеется, то не имеется у предметов, относящихся к классу *S*. Логический квадрат и логический треугольник связаны друг с другом, что даёт возможность их сравнивать. Если квадрат учитывает двоякую классификацию суждений по качеству и по количеству, то треугольник Васильева опирается на одно из свойств суждений – характер связи между *S* и *P*. Особого внимания заслуживает вершина *M* (см. рисунок 1), соответствующая акцидентальному суждению, в котором абстрактный субъект объединяет противоречащие характеристики. Философ, по сути, заложил основу логики антиномий, ведь предикат *P* в акцидентальном суждении антиномичен. Над теорией антиномий параллельно работал его современник о. Павел Флоренский.

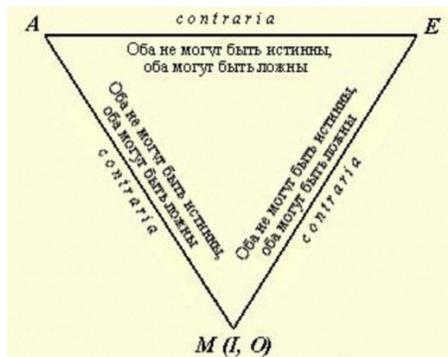

Рис. 1. Треугольник противоположностей

Fig. 1. The Triangle of Contradictions

Источник: Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 31.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ БОГОСЛОВСКИХ ИДЕЙ

Поиск новых подходов в классической логике вёл не только Н. А. Васильев, но и его коллеги – русские философы Серебряного века. Автору представляется, что один из наиболее весомых вкладов в данное направление исследований был сделан религиозным мыслителем, математиком и естествоиспытателем П. А. Флоренским. Философ был весьма чуток к проблематике, связанной с оценкой противоречивости религиозно-философских и богословских положений. Он стремился соединить рациональное постижение мира с выходящим за пределы этого постижения религиозным опытом, соединить научную дискуссию и мистическую интуицию, «учёный» скепсис и веру, уводящую нас в «заоблачную» лазурь вечности. В самой истине, в сердцевине рационального постижения Сущего мыслитель усматривал противоречие и самоотрицание (самоотречение), причём самоотрицание в его пределе. Это следует из слов отечественного богослова: «Истина потому и есть *Истина*, что <...> она сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но

¹ Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал министерства народного просвещения. Нов. сер. 1912. С. 207–246.

это самоотрицание своё *Истина* сочетает с утверждением»¹.

Таким образом, здесь мы видим различие в трактовках противоречия у Васильева и о. Павла. Если у первого оно – результат ошибки, то у второго – неотъемлемое свойство самой истины (в толковании Флоренского — «естины», того, что есть, *бытия*). Кроме того, Флоренский считает возможным анализировать истинность рассуждений (в том числе и на богословские темы) средствами математической логики.

В отличие от Васильева, который оперировал инструментарием традиционной логики, Флоренский, считавшийся в большей степени математиком, чем логиком, был прекрасно знаком с логико-математическими работами его западных коллег. В работах русского богослова имеются пространные ссылки на Э. Шредера, Б. Рассела, А. Уайтхеда, Д. Пеано. Однако, трудность реконструкции рассуждений религиозного мыслителя состоит в том, что о. Павел не оговаривает некоторые правила символической логики, к которым он прибегает. Это даёт повод для разных интерпретаций предложенных православным философом логико-математических построений.

Рассмотрим, как могли бы выглядеть построения о. Павла, если перевести их с языка итальянского математика Дж. Пеано, которым пользовался о. Павел, на язык современной пропозициональной логики. Именно так, например, реконструировал рассуждение П. А. Флоренского современный автор Б. М. Шуранов [19, с. 11–12].

Дано: g включает r , но p включает, что g не- r^2 . Необходимо найти, что следует из этих посылок.

Итак, имеем посылки:

$$+(1) \quad (g \rightarrow r)$$

$$+(2) \quad (p \rightarrow (g \rightarrow \bar{r}))$$

¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. Т. I–II. М., 1990. Т. 1. С. 147. [Факсимильное издание труда с подзаголовком: «Опыт православной теодицеи в двадцати письмах свящ^{ен}ника» П. Флоренского. М.: Путь, 1914].

² Источник формул – данные автора.

(3) $(\bar{r} \rightarrow \bar{g})$ из формулы (1) как результат применения правила простой контрапозиции

(4) $(p \rightarrow (\bar{g}\bar{v}\bar{r}))$ из формулы (2) по неоговоренному П. А. Флоренским правилу истолкования включения (импликации) через дизъюнкцию, где первый член дизъюнкции – отрицание антецедента, а второй член – консеквент исходной импликации $((g \rightarrow \bar{r}) \equiv (\bar{g}\bar{v}\bar{r}))$.

(5) $(p \rightarrow (\bar{g}\bar{v}\bar{g}))$ из формул (3) и (4) по принципу подстановки (в формуле (3) указано, что $\bar{r}$ включает $\bar{g}$);

(6) $(p \rightarrow \bar{g})$ из формулы (5) по неоговоренному П. Флоренским правилу идемпотентности дизъюнкции. Правило гласит, что высказывание A истинно, если и только если дизъюнкция $A \cup A$ истинна³.

Интерпретируя своё решение задачи Кэрролла, Флоренский говорил о наличии импликации $(g \rightarrow r)$, где переменной g обозначено суждение «тексты Священного Писания противоречивы», r – «тексты Священного Писания не истинны». Однако вводя условие p – особый психический настрой верующего, мы приходим к импликации $(g \rightarrow \bar{r})$. Только ввиду p мы можем сделать вывод об отрицании ложности текстов Писания. Польский католический автор Павел Ройек в данной связи говорит о том, что тезис о противоречивости текстов Библии снимается при помощи дополнительной посылки p . Отечественный логик Е. А. Сидоренко, в свою очередь, рассматривает рассуждения Флоренского не только как пример использования идей, в чём-то схожих с паранепротиворечивостью, но при этом выраженных в формулах математической логики, но и как образец немонотонного логического вывода [14, с. 182]. Ведь импликация теряет свой смысл при наличии условия, заключающегося в посылке p .

Автор полагает, что логические построения, которые приведены в трактате Флоренского, имели значение для православного учёного в период, когда он занимался математикой. Став православ-

³ Аналогичные нашим формулы находим у современного логика Б. М. Шуранова [19, с. 11–12].

ным священником, философ в большей мере стал доверять живому религиозному опыту. Оказавшиеся второстепенными математические выкладки, тем не менее, не были отброшены. Они использовались как аргумент при обосновании справедливости положений православной веры. Но в программном сочинении о. Павла «Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи» отдельные формулы алгебры логики опубликованы с опечатками (например, в VI письме, касающемся логических проблем). На это обстоятельство, к сожалению, не обратили внимание как редакторы издания, так и его читатели.

Не отвергая рациональные доводы как таковые, Флоренский использовал их в качестве средства риторической демонстрации, а в иных случаях как дополнительное средство убеждения. И действительно, для учёного наука во всеоружии её методов представляется лишь средством, инструментом поиска истины. Ни один добросовестный исследователь не станет утверждать, что обладает истиной в её полноте. Для человека Церкви, каким и был о. Павел Флоренский, верою Истина утверждена и определена раз и навсегда. Именно вера представляется как стояние в Истине, Её, этой веры «столп» и «утверждение». И труд верующего, как писал в своё время святой Феофан, направлен «на усвоение, а не на открытие Её»¹. Человеческое знание находится в постоянном движении, подвергая фальсификации не оправдавшие себя научные парадигмы (временно принимаемые сообществом учёных образцы научной практики). Верующий человек, каким и был о. Павел, призван быть стойким, твёрдым в вере, подтверждать ежедневным подвигом самоотречения Истину. Именно это провозглашал П. А. Флоренский. Проповедуя Господа тем, кто не разделял его убеждений, русский философ допускал обращение к рациональным доводам, среди которых были схемы и законы формальной логики.

¹ Цит. по: о. Климент, митрополит Калужский и Боровский. Научная деятельность вере не помеха // Вечерняя Москва. 27 июня – 4 июля 2019. №25 (28266). С. 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя логические выводы двух известных мыслителей начала XX века, автор настоящей статьи обнаруживает в их концептуальных схемах и познавательных установках не только общее, но и принципиальные различия. Так, допуская противоречие в объекте рассуждения, Н. А. Васильев, как было показано выше, исключает его в мыслях. Казанский мыслитель, по крайней мере, в рамках «воображаемой» логики стремится отстаивать традицию рационального знания Нового времени. Павел Флоренский же, напротив, демонстрируя противоречивость формально-логических схем, ставит задачу тем самым расчистить место для веры и интуиции. При этом о. Павел не имеет цели заменить традиционное логическое учение каким-либо другим. По меньшей мере, мы не видим реальных шагов религиозного философа в данном направлении.

По убеждению автора настоящей статьи, не следует преувеличивать влияние религиозных интуиций на логическое учение Николая Александровича (а такое преувеличение можно обнаружить в некоторых работах). Хотя мыслитель и говорил о трансцендентном Абсолюте, как носителя совершенных законов «металогике», но в целом философ оставался на почве рационального секулярного знания XIX века, поэтому в своём антиковедческом сочинении «Вопрос о падении западной Римской империи...» о движущих силах человеческой истории философ рассуждал преимущественно как материалист. И тем не менее, его поиск во многом происходил параллельно с поиском П. А. Флоренского. Ведь в логических разработках казанский логик подошёл к построению логических систем, получивших формализацию во второй половине XX века.

Столь же новаторскими, как и концепции Васильева, оказались выводы Флоренского, который не ограничивался выявлением особенностей религиозной догматики и анализом актов мышления верующего человека. Изыскания о. Павла также были

направлены на решение логико-математических задач в их чистом виде. Известно, что уже в 20-е гг. XX века философ стал разрабатывать вопросы из области светских наук: химии, материаловедения, прикладной математики. От проблем теодицеи о. Павел перешёл к решению вопросов антроподицеи. Предложенное Флоренским решение задачи Льюиса Кэрролла может быть использовано не только как средство анализа богословских текстов (хотя именно для этого и предназначались логико-математические выкладки религиозного мыслителя), но и в научном поиске.

Учение Н. А. Васильева показывает, что возможно построение рационального знания на основе противоречий, а данная постановка проблемы должна приблизить исследователей к решению проблемы применения диалектических идей в логике. Разработка идей паранепротиворечивости в логике имеет значение для критики современного позитивизма и для реабили-

литации диалектического способа мышления. По убеждению бразильского логика Да Косты, паранепротиворечивые системы, значительно более сильные, чем классические, служат надёжным инструментом познания, критики и доказательства.

П. А. Флоренский рассматривал проблему противоречия с другой стороны. Применение аппарата математической логики позволило ему продемонстрировать, что противоречие Божественных Истин оказывается мнимым, если применить в рассуждении некоторые новые условия, а рассудок человеческий – ограничен, если в союзники и оценщики призвать третьейского слугу – логику начала XX века (математическую логику). И инструментов этой обычной бинарной логики для анализа таких «противоречий» оказывается вполне достаточно.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. И., Абдеев Р. Ф., Сурма И. В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. №2. С. 44–54.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон+; РОИ «Реабилитация», 2009. 240 с.
3. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 124 с.
4. Бирюков Б. В., Прядко И. П. Сопричастность Логосу // Трудные времена философии. М.: Ленанд, 2014. С. 207–257.
5. Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М.: Едиториал УРСС, 2017. 232 с.
6. Бирюков Б. В., Шуранов Б. М. В каком смысле «воображаемую логику» Н. А. Васильева можно считать многозначной // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1998. №5. С. 74–82.
7. Васильев А. А. Логическое следование Аристотеля и логика христианской антиномии (Н. А. Васильев, о. П. Флоренский и С. Л. Франк) // XI Общероссийская научная конференция «Современная логика: проблемы теории и истории». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 153–156.
8. Волгин Л. И. Тринитарная методология и логический треугольник противоположностей Н. А. Васильева // VIII Общероссийская научная конференция «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 237–239.
- 9.
10. Кварталова Н. Л. Паранепротиворечивость и релевантность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 24 с.
11. Ладущкин С. И. Эволюция идеи логического плюрализма // Наука третьего тысячелетия: сб. статей Международной научно-практической конференции (Курган, 20 янв. 2016 г.). Т. 3. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 54–56.
12. Мальцев К. Г., Жданова И. В. Философия и политика: философия Серебряного века «в ситуации» // Вестник Вятского государственного университета. 2019. №3 (133). С. 16–22.

13. Петрухин Я. И., Шангин В. О. Корреспондентский анализ для паранепротиворечивой слабой логики Клини // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. №6. С. 52–62.
14. Розанов Ю. В. К истории мифологических фантомов в русской литературе Серебряного века // Рябининские чтения – 2019 (Музей-заповедник «Кижи»). Петрозаводск, 2019. С. 526–528.
15. Сидоренко Е. А. Логика. Парадоксы. Возможные миры: Размышления о мышлении в девяти очерках. М.: УРСС, 2002. 312 с.
16. Тискин Д. Б. Логико-семантический анализ явлений неререференциальной прозрачности в высказываниях о пропозициональных установках: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2017. 23 с.
17. Томова Н. Е., Карпенко А. С. Трёхзначная логика и литеральные паралогики. М.: Рос. акад. наук, Ин-т философии, 2016. 110 с.
18. Томова Н. Е. Трёхзначные логики бессмысленностного типа и логики Lisp // IX Общероссийская научная конференция «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». СПб.: СПбГУ, 2006. с. 436–439.
19. Целищев В. В. Парадокс Лжеца и первая теорема Геделя о неполноте // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11. №2. С. 415–427.
20. Шуранов Б. М. Русская логика переломной эпохи (1880–1930) в социокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 22 с.
21. Яшин Б. Л. Рациональность и неклассические логики // Проблемы современного образования. 2018. №1. С. 32–47.

REFERENCES

1. Anikin V.I., Abdeev R. F., Surma I. V. [Philosophical aspects of information civilization and contemporary problems of governance in the perspective of global security]. In: Voprosy bezopasnosti [Security Issues], 2017, no. 2, pp. 44–54.
2. Bazhanov V. A. N. A. *Vasil'evi ego voobrazhaemayalogika. Voskreshenieodnoizabytoiidei* [Vasiliev and his Imaginary Logic. The Resurrection of a Forgotten Idea]. Moscow, Kanon+; ROI «Reabilitatsiya» Publ., 2009. 240 p.
3. Barantsev R.G. *Stanovlenie trinitarnogo myshleniya* [The emergence of Trinitarian Thinking]. Moscow; Izhevsk, Research and Publishing Center "Regular and Chaotic Dynamics" Publ., 2005. 124 p.
4. Biryukov B.V., Pryadko I.P. *Soprichastnost' Logosu* [In Compliance with Logos]. In: *Trudnye vremena filosofii* [Hard Times for Philosophy]. Moscow, Lenand Publ., 2014. pp. 207–257.
5. Biryukov B.V., Trostnikov V.N. *Zhar kholodnykh chisli pafos besstrastnoi logiki* [The Heat of Cold Numbers and Passionless Pathos of Logic]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2017. 232 p.
6. Biryukov B.V., Shuranov B.M. [What do you mean by "imaginary logic" N. A. Vasilyeva can be considered a multivalued]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 1998, no. 5, pp. 74–82.
7. Vasil'ev A.A. *Logicheskoe sledovanie Aristotelya i logika khristianskoi antinomii* (N. A. Vasil'ev, o. P. Florenskii S. L. Frank) [Following the logic of Aristotle and the Logic of Christian Antinomy (N. A. Vasilyev, p. P. Florensky and S. L. Frank)]. In: [The 11th All-Russian Scientific Conference "Modern Logic: Problems of Theory and History"]. St. Petersburg, 2010, pp. 153–156.
8. Volgin L.I. *Trinitarnaya metodologiya i logicheskii treugol'nik protivopolozhmostei* N. A. Vasil'eva [Trinitarian Methodology and N. A. Vasiliev's Logical Triangle of Contradictions]. In: [The 8th All-Russian Scientific Conference "Modern Logic: Problems of Theory, History and Applications in Science"]. St. Petersburg, SPSU Publ., 2004, pp. 237–239.
9. Kwartalova N.L. *Paraneprotivorechivost' irelevantnost': avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Paranoncontradiction and irrelevance: An Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2004. 24 p.
10. Ladushkin S.I. *Evolutsiya idei logicheskogo plyuralizma* [The evolution of the idea of logical pluralism]. In: [The Science of the Third Millennium: A Collection of Articles of the International Theoretical and Practical Conference (Kurgan, January 20, 2016). Ufa, Aeterna Publ., 2016, pp. 54–56.
11. Mal'tsev K.G., Zhdanova I.V. [Philosophy and politics: philosophy of the Silver Age "in context"]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2019, no. 3 (133), pp. 16–22.
12. Petrukhin Ya.I., Shangin V.O. [Correspondence analysis of Kleene's paranoncontradictory weak logic]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 2017, no. 6, pp. 52–62.

13. Rozanov Yu.V. *K istorii mifologicheskikh fantomov v russkoi literature Serebryanogo veka* [To the history of mythological phantoms in Russian literature of Silver Age]. In: *Ryabininskie chteniya – 2019 (Muzei-zapovednik «Kizhi»)* [Ryabinin Readings – 2019 (Museum-reserve “Kizhi”)]. Petrozavodsk, 2019. pp. 526–528.
14. Sidorenko E.A. *Logika. Paradoksy. Vozmozhnye miry: Razmyshleniya o myshlenii v devyatiocherkakh*. [Logic. Paradoxes. Possible Worlds: Thinking about Thinking in Nine Essays.]. Moscow, URSS Publ., 2002. 312 p.
15. Tiskin D.B. *Logiko-semanticheskii analiz yavlenii pereferentsial'noi prozrachnosti v vyskazyvaniyakh o propozitsional'nykh ustanovkakh: avtoref. dis. ... kand. filosof.nauk* [Logical-semantic analysis of the phenomena of non-referential transparency in statements on propositional attitudes: An Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 23 p.
16. Tomova N.E., Karpenko A.S. *Trehznachnaya logika i literal'nye paralogiki* [Three-Valued Logic and Literal Paralogics]. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy Publ., 2016. 110 p.
17. Tomova N.E. *Trehznachnye logiki bessmyslennostnogo tipa i logiki Ljupa* [Three-valued meaningless type logics and Lisp's logics]. In: *IX Obshcherossiiskaya nauchnaya konferentsiya «Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke»* [The 9th All-Russian Scientific Conference "Modern Logic: Problems of Theory, History and Applications in Science"]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, pp. 436–439.
18. Tselishchev V.V. [The liar's paradox and Goedel's first incompleteness theorem]. In: *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Schole. Philosophical Classics and Classical Tradition], 2017, vol. 11, no. 2, pp. 415–427.
19. Shuranov B.M. *Russkaya logika perelomnoi epokhi (1880–1930) v sotsio-kul'turologicheskom aspekte: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk* [Russian Logic of Crucial Era (1880–1930) in Socio-Cultural Aspect: An Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2000. 22 p.
20. Yashin B.L. [Rationality and Non-Classical Logics]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2018, no. 1, pp. 32–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет;
e-mail: Priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor' P. Pryadko – PhD in Cultural Studies, associate professor at the Department of Social, Psychological and Legal Communications, National Research Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: Priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. Противоречие в логических учениях начала XX в.: новаторские разработки Н. А. Васильева и П. А. Флоренского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 95–108.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-95-108

FOR CITATION

Pryadko I. P. Contradiction in Logical Doctrines of the Early 20th Century: Innovative Developments of N. A. Vasiliev and P. A. Florensky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 95–108.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-95-108

24.00.01. – Теория и история культуры

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116

ИДЕИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

Симонова С. А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель автора статьи – исследовать синтетические конструкции немецких философов XVIII – первой половины XIX вв., связанные с этико-эстетическим синтезом.

Процедура и методы исследования. Автор анализирует феномен неслиянно-нераздельного единства этики и эстетики в теориях Лессинга, Канта, Шиллера, Гегеля, используя термин «перихоресис». В соответствии с целью исследования, используются диалектический, компаративный и дескриптивный методы.

Результаты проведённого исследования. Выявлены и проанализированы синтетические идеи немецких философов, обосновывавших неслиянно-нераздельное единство этического и эстетического как атрибутов человеческой духовности.

Теоретическая и / или практическая значимость. В эстетизированной современной культуре актуализируются фундаментальные философские категории, и приобретают особую значимость классические синтетические теории.

Ключевые слова: абсолют, этико-эстетический синтез, перихоресис, духовность, идеал, художественный образ

IDEAS OF ETHICAL-AESTHETIC SYNTHESIS IN GERMAN PHILOSOPHY

S. Simonova

*Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka ul., Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract.

Purpose – to study the synthetic structures of German philosophers of the 18th – early 19th centuries associated with ethical and aesthetic synthesis.

Methodology and Approach. The author analyzes the phenomenon of the inextricably inseparable unity of ethics and aesthetics in the theories of Lessing, Kant, Schiller, Hegel, using the term "perichoresis". In accordance with the purpose of the study, dialectic, comparative and descriptive methods are used.

Results. Identified and analyzed the synthetic ideas of German philosophers, substantiating the unity of ethical and aesthetic as attributes of human spirituality.

Theoretical and / or Practical Implications. In an anesthetized modern culture, fundamental philosophical categories are actualized, and classical synthetic theories become especially important.

Keywords: absolute, ethical and aesthetic synthesis, perichoresis, spirituality, ideal, artistic image

ВВЕДЕНИЕ

В современности преобладают постнеклассические философские концепции, которым свойственны эпистемологический релятивизм, стремление к дискретности, размытие этических и эстетических границ. Однако, в связи с противоречивыми процессами,

происходящими в мире, мы полагаем, что необходимо актуализировать проблему обоснования и реабилитации классического философского наследия, предполагающего возрождение онтологических первооснов духовного ядра человеческого бытия [5]. Речь идёт о философской триаде «истина – добро – красота», которая впервые была озвучена в античности. Впрочем, «проблема обоснования онтологического, гносеологического и аксиологического статуса духовных ценностей культуры периодически возникает в философском сознании Запада и России» [2, с. 58].

До эпохи Возрождения эстетическая сфера вообще не была отделена от сферы теоретической и этической, чем и определялась целостность, стройность и гармоничность, присущие различным видам искусства и, шире, формам культуры. Таким образом, идея синтеза была представлена на субстанциональном уровне мышления, выступала своего рода метафизическим архетипом, служившим идеалом для различных сфер и областей культурного творчества, включая теологию и философию. Многие мыслители и художники эпохи Ренессанса стали абсолютизировать прекрасное, отодвигая нравственность на второй план. Однако действительное разделение этического, эстетического и гносеологического произошло в Новое время, и именно тогда крупнейшие немецкие мыслители обратились к проблеме синтеза важнейших составляющих духовного бытия человека.

Последние десятилетия проблема этико-эстетического синтеза оставалась на периферии научных исследований, можно назвать выдающихся философов-этиков второй половины XX века, занимавшихся этим вопросом: Гулыга А. В., Столович Л. Н., Шердаков В. Н.¹

Нам представляется целесообразным рассмотреть аспект этико-эстетического синтеза, в исследование которого внесли существенный вклад немецкие философы VIII-XIX вв.: Г.-Э. Лессинг, И. Кант,

Шиллер, Шеллинг и Гегель. Цель нашей статьи – выявить и проанализировать идеи этико-философского синтеза в теоретических концепциях немецких философов. Для достижения этого мы полагаем использовать компаративный и дескриптивный методы, но на первый план выдвигается диалектический метод. Мы полагаем также целесообразным использовать термин «перихоресис», который, с нашей точки зрения, наиболее полно и точно выражает неслиянно-нераздельное единство категорий красоты, добра и истины. «Суть «перихоресиса» описывает наличное состояние культуры как неслиянность истины добра и красоты, а идеальное состояние – архитектонику культуры, как стремление к нераздельности этих начал» [4, с. 54].

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЛЕССИНГА

Г.-Э. Лессинг, как представитель немецкого Просвещения, не мог обойти тему нравственности в искусстве, основное назначение которого просветитель видел в воспитании и просвещении людей. Мыслитель, анализируя эстетические категории и задачи, шёл от эстетики к нравственному воспитанию, считая последнее важнейшей целью искусства. Собственно, основной целью его работы «Гамбургская драматургия» является обоснование воспитания моральных убеждений при помощи театра, который учёный называет ни больше и ни меньше как «школой нравственности».

Действительно, силу эмоционального и нравственного воздействия театра трудно переоценить. Вспомним аристотелевские рассуждения о катарсисе в результате присутствия на трагическом представлении. Лессинг требует внимательного и нравственно наполненного отношения как авторов к своей драматургии, так и актёров, доносящих содержание трагедии до зрителя. Философ рассуждает о важности донесения актёрами «нравственной сентенции» – в этом он и видит сущность подлинного мастерства актёра. Именно выразительное «донесение» нравственной мысли до

¹ Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2017. 480 с.

зрителя воспитывает последнего, поэтому Лессингу важно и этическое наполнение текста драматического произведения, и моральная позиция автора.

Философ осуждает различные уловки, так называемые «мнимые нравственные сентенции», используемые некоторыми авторами для усиления эффектности, потрясения чувств. По мнению Лессинга, такие ложные идеи могут подвергнуть зрителя безнравственному искушению, ведь воздействие искусства очень велико. Эта мысль Лессинга представляется нам особенно актуальной сегодня, когда многие деятели искусства «с боем» отстаивают его вненравственную сущность.

Лессинг поднимает, на наш взгляд, ещё одну проблему, связанную с этико-эстетическим синтезом: насколько вообще реально воплотить сакральную трагедию Христа на сценических подмостках, как это согласовать с законами драматических жанров и эстетическими канонами?

Необходимо подчеркнуть, что немецкий просветитель отстаивал идеи Аристотеля относительно присутствия исторической правды в трагедии, полагая, что особенности истинно христианской души не позволяют выразить театральным накалом и страсти. Лессинг пишет по этому поводу: «Быть может, личность истинного христианина совсем не театральна? ... тихая покорность, безмятежная кротость, существенные его свойства, противоречат самой задаче трагедии, которая имеет целью очищать страсти страстями?»¹

Таким образом, философ считает целесообразным театрализовать христианские трагические сюжеты по следующей причине: христианство ставит задачу уменьшения и уничтожения страстей, в то время как у театра есть цель разбудить страсти и эмоции.

В работе, посвящённой драматургии, немецкий просветитель обосновывает и разводит существенные в контексте исследования этико-эстетического синтеза категории «поэтических» и «абсолютных

истин». Первые не обладают полным значением вторых, однако одной из задач театра является приближение «поэтических истин» к «абсолютным». Исходя из этой идеи, философ определяет этический императив по отношению к театральному искусству, выражающий суть синтеза этики и эстетики: «... поэтическая истина должна приближаться к абсолютной, и поэт никогда не должен рассуждать так нефилософски, чтобы допускать, что человек может стремиться к злу ради самого зла, что он может, действуя на основании порочных принципов, сознавать их порочность и всё-таки хвастаться ими перед самим собой и перед другими»².

Итак, Лессинг, подобно Сократу, отстаивает оптимистическую точку зрения на моральную природу человека, выражая убеждение, что люди не творят зла осознанно. Если зло совершается по невежеству, из этого следует, что, согласно нравственному рационализму, возвращение добра у человека с самого его рождения делает возможным исправление нравов. Безусловно, в гносеологическом контексте это представляется несколько наивным, однако в области искусства, как важнейшей формы культуры, идеи Лессинга вполне реалистичны, ведь авторы и актёры достаточно часто идут по пути легко достигаемой эффектности и зрелищности для привлечения зрителя и демонстрируют «зло ради зла», задача же искоренения порочности уходит далеко на задний план, либо не ставится вовсе. В искусстве Нового времени стала традицией эстетизация тёмных начал человеческой личности, чему и противился Лессинг.

Философ обосновывает этическую миссию искусства, которое должно демонстрировать и возвышать нравственно наполненных героев, художественно показывать их убеждения, их внутренний мир, предоставляя ориентиры к важной цели каждого – к воспитанию и исправлению нравов. С его точки зрения, подлинно художественная способность авторов

¹ Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 455 с. С. 12.

² Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 455 с. С. 14.

и актёров заключается в умении создать и представить трагедию таким образом, чтобы она способствовала моральному совершенствованию зрителя. Это и есть истинное просвещение народа: «поддержка и укрепление чувства человечности, внушение любви к добродетели и ненависти к пороку»¹. Таким образом, в онтологическом пространстве эстетики Лессинга магистральные дороги принадлежат этическим категориям, «через эстетическую канву исследования прорастают этические представления» [3, с. 256].

В работе «Лаокоон» Лессинг предпринимает попытку определить границы воплощения глубочайших страданий, какие только можно пережить человеку, выявить, до каких пределов можно изобразить безобразное в позах, жестах и мимике героя, испытывающего невыносимую муку: «... художник стремится к изображению высшей красоты, связанной с телесной болью. По своей искажающей силе эта боль несовместима с красотой, и поэтому он должен был ослабить её; крик он должен был превратить в стон не потому, что крик изобличал бы неблагородство, а потому, что он отвратительно искажает лицо»². Точка зрения немецкого философа заключается в том, что искусство избирательно в своих прообразах и средствах, что есть вещи, которые недопустимы в сфере прекрасного: «Стоит только представить себе мысленно Лаокоона с раскрытым для крика ртом, чтобы судить о сказанном; заставьте его только кричать, и вы сами всё поймёте: раньше это был образ, внушавший сострадание, ибо в нём боль сочеталась с красотой; теперь это неприятная, отталкивающая фигура, от которой захочешь отвернуться»³. Разумеется, речь идёт о визуальном искусстве, и Лессинг предпринимает попытку отграничить неприемлемые для искусства безобразные проявления в

реальной жизни, ведь речь идёт об «изящных искусствах».

Лессинг понимает, что искусство обладает невероятной силой, оно действительно способно преобразовать человека, стало быть, оно не должно быть только красивым, приятным глазу, искусство может воздействовать и на природу; загадка мощного воздействия искусства на душу человека кроется во взаимодействии этического и эстетического. В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что Лессинг стоит на позициях этико-эстетического синтеза.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ И. КАНТА

Среди множества важных теорий, посвящённых взаимосвязи добра и красоты, выделяются философские идеи И. Канта. Крупнейший представитель немецкой классической философии первоначально автономно онтологически и аксиологически анализирует эти категории, а затем выявляет их тесное взаимодействие, которое мы могли бы определить как перихоресис. В своей работе «Критика способности суждения» философ, рассуждая о красоте как подтверждении добра, приходит к следующему определению: «прекрасное есть символ нравственно доброго; и, только принимая это во внимание, оно и нравится»⁴. Из определения следует, что Кант на первый план выводит добро, обоснованно считая, что в основании нашего восхищения красотой находится этическая эмоция. При этом, философ анализирует и обосновывает неразрывно-неслиянную взаимосвязь нравственности и красоты.

Здесь, пожалуй, было бы уместным вспомнить рассуждения античного мыслителя Сократа, полагавшего, что прекрасно лишь то, что полезно, поскольку польза в определённом смысле проникает в нравственное пространство. Немецкий философ утверждает, что нравственное

¹ Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: АCADEMIA, 1936. 455 с. С. 289.

² Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии // Лессинг Г.-Э. Избранное. М.: Худож. лит., 1980. 574 с. С. 388–389.

³ Там же. С. 389.

⁴ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 375.

суждение фундаментально и всеохватно, поэтому и привлекает, вызывая эстетическое удовольствие. Философ подчёркивает, что нравственный поступок является гарантией человеческой свободы, поэтому он является важным и с эстетической точки зрения. Таким образом, Кант через категорию свободы подходит к определению сущности искусства, соединяя этику и эстетику, выводя одну через другую: «Мы называем здания или деревья величественными и великолепными, поля – прелестными или весёлыми; даже цвета называются невинными, скромными, нежными, так как порождают ощущения, которые содержат в себе нечто аналогичное с сознанием душевного состояния, вызванного моральным суждением»¹.

Следуя логике Канта, мы можем наслаждаться своим добродетельным, этическим поступком. Философ анализирует эстетическую категорию «возвышенного», и в этом пространстве он выявляет ещё большее присутствие нравственного: «Почти незаметно для себя Кант переходит из области эстетического, которая, согласно его гипотезе, представляет собой совершенно особую сферу, в область нравственных понятий. Мы почти не ошибёмся, если скажем, что чувство возвышенного является мерилем нравственности человека. Это – нравственность, преломленная в призме красоты, которая возвращается к своему прежнему первенствующему положению» [1, с. 359–360]. Немецкий философ, исследуя сферу эстетики, логично и плавно перетекает в область этического; его этика обогащается, наполняется красотой.

По сути, Кант актуализирует проблему важности духовно-нравственной составляющей культуры. Невозможно всесторонне исследовать онтологические глубины возвышенного и постулировать его как нравственный критерий, не обладая высокой культурой, на вершине архитектоники которой находится нравственность как высшая ценность. Кант утверждает: «На

самом деле то, что мы, подготовленные культурой, называем возвышенным, без развития нравственных идей покажется только отпугивающим необразованному человеку»².

Философ убеждён, что априори при рождении каждый из нас уже обладает пониманием и видением возвышенного в окружающей нас природе, более того, нам от рождения свойственны определённые моральные установки и критерии: «... и именно в том, что вместе со здравым рассудком можно ожидать у каждого человека и требовать от него, а именно в задатках чувства (практических) идей, т. е. морального чувства»³. Иными словами, только обладая некими моральными качествами, мы можем осознавать и переживать красоту природы, при этом доминирующим началом в этом тандеме является этика. Если человек любит природу, то он добр, по крайней мере, у него есть все задатки для этого; и невозможно стать восприимчивым, развитым и тонким в эстетическом плане, если отсутствуют нравственные установки, тем более что, согласно мнению философа, в нравственной миссии человека и заключается основная цель нашего бытия.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА

Ф. Шиллер, поэт и философ, во многом созвучен идеям Канта о нравственности, что особенно заметно в его философских рассуждениях об искусстве «Письма об эстетическом воспитании человека» и «О нравственной пользе эстетических нравов». Шиллер категорически убеждён в этической силе искусства, он считает, что понимание и переживание прекрасного способствует нравственному совершенствованию⁴.

¹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 376–377.

² Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 273–274.

³ Там же. С. 274.

⁴ Шиллер И.-Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Рипол Классик, 2018. 242 с.

Философ исследует положительное влияние хорошего вкуса на добродетельные мысли и поступки, на ценностные установки. Шиллер ценит вкус очень высоко, сравнивая наличие вкуса ни много ни мало с религией по силе их воздействия на духовный мир человека, по их роли в образовании человеческих страстей. С точки зрения Шиллера, триада «красота – истина – добро» отражает фундаментальные духовные проявления человека, которые взаимосвязаны между собой и противостоят физическому, материальному, примитивному. Шиллер критически относится к современной ему западной культуре, он полагает, что человек теряет духовную целостность, а выход он видит в формировании эстетического идеала, подчёркивая, что идеал этот обладает огромным синтетическим воздействием, в частности, ему присуща воспитательная функция, с помощью которой необходимо преобразить материально низменную природу человека.

Итак, Шиллер утверждает, что прекрасное способно сделать человека более нравственным, что отсылает нас к идее этико-эстетического синтеза.

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ Г.-Ф. ГЕГЕЛЯ

Гегель исследует не только взаимодействие этики и эстетики, он обращается и к категории истины, полагая, что красота является необходимым связующим звеном добра и истины. Исходя из этого, философ наделяет искусство, как сферу прекрасного, равными правами с философией и религией: «Так как искусство занимается истинным как абсолютным предметом сознания, то оно также принадлежит к абсолютной сфере духа и стоит по своему содержанию на одной и той же почве как с религией в специальном смысле слова, так и с философией»¹. Гегель обосновывает духовность красоты в искусстве, то есть красоты, преображённой творческим гением. Природа, по Гегелю, отделена от духа, не

духовна, это и отличает принципиально её от искусства. Но если «преображающая сущность» искусства так велика, то его необходимо исследовать предметом философского анализа, ибо только философия способна полностью постичь его онтологическую глубину.

Гегель определяет субстанцию искусства как неслиянно-неразрывную связь духа и материи. Философ рассуждает о так называемой «видимости чувственности», это то, что приходит к нам через органы чувств: звуки, видимые образы, движение, является «материалом» духовности. С помощью этого материала искусство доносит до нас духовное, бесплотное и эфемерное, которое оказывает на нас преобразующее действие. Словом, искусство соединяет «небо и землю», духовное и материальное: «чувственное в искусстве одухотворяется, так как духовное получает в нём чувственную форму»².

Гегель исследует и выявляет высший духовный потенциал красоты и искусства, её воплощающего, и в этом находит сходство красоты с истиной. Но, в отличие от прекрасного, истина имеет дело только с идеями, с духовным, у неё отсутствует «чувственное и внешнее существование».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Г. Э. Лессинг, направив философский анализ на искусство (театр, скульптура, живопись), выделяет нравственную задачу искусства как приоритетную, что соответствует просветительским идеям. При этом философ требует непременно «присутствия» прекрасного в произведениях искусства, поскольку именно художественно созданная красота способствует восприятию нравственных сентенций, заложенных автором. Таким образом, Лессинг отстаивает позиции этико-эстетического синтеза.

2. И. Кант выявляет и обосновывает тот факт, что восхищение красотой природы

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 109.

² Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 45.

предполагает моральную оценку и определённые нравственные качества у реципиента, причём, только обладая ценностными установками, мы способны воспринять и пережить эту красоту. Более того, человек способен получать удовольствие от нравственного поступка. Таким образом, Кант, выдвигая на первый план этическое, говорит о его непрерывной взаимосвязи с эстетическим.

3. Философия искусства Шиллера во многом созвучна этическим конструкциям Канта. Как яркий представитель романтизма, Шиллер критикует современное ему общество как филистерское, потерявшее духовную целостность, а выход он усматривает в обретении эстетического идеала, обладающего воспитательной функцией и синтетическим воздействием; иными словами, творческому синтезу этики и эстети-

ки философ вменяет задачу духовного преобразования человека.

4. Гегель в своих теоретических построениях исследует взаимодействие античной триады (добро – красота – истина), определяя красоту в качестве связующего звена истины с добром. Соответственно, искусство (как поле взаимодействия духа и материи) философ ставит на один уровень с такими формами культуры, как философия и религия.

5. Таким образом, крупнейшие немецкие философы конца XVIII – первой половины XIX вв. рассматривали синтез этического и эстетического как необходимое условие человеческой духовности и целостности, как важнейшие элементы архитектоники культуры.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилберт К. Э., Кун Г. История эстетики / Под. общ. ред. В. П. Сальникова; пер. с англ. Кузнецова В. В. и Тихомирова И. С. СПб.: Алетейя: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранит. деятельности «Университет», 2000. 653 с.
2. Симонова С. А., Иванов Ю. А., Назаров Ю. Н., Булычев И. И. Этико-эстетический синтез в контексте современной культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. №4 (28). С. 50–58.
3. Симонова С. А. Идеи Г.-Э. Лессинга в контексте этико-эстетического синтеза // Ярославский педагогический вестник. 2016. №1. С. 256–258.
4. Симонова С.А. Основные элементы архитектоники культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. №2 (14) С. 58–66.
5. Maikova V. P., Belsky V. Yu., Borovinskaya D. N. Excerpts on the history of the concept of development of the autonomous subject: Plato and Aristotle as forerunners of Kant and Hegel. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Atlantis Press, 2019, pp. 1252–1256.

REFERENCES

1. Gilbert K. E., Kuhn H. History of Aesthetics (Russ. ed.: V. P. Salnikov, transl. *Istoriyaestetiki*) / Transl. from English by Kuznetsov V. V. and Tikhomirov I. S. St. Petersburg, *Aleteiya* Publ.: *Fond podderzhki nauki i obrazovaniya v oblasti pravookhranitelnoi deyatelnosti* [Fund for Support of Science and Education in Law Enforcement "University"], 2000. 653 p.
2. Simonova S. A., Ivanov Yu. A., Nazarov Yu. N., Bulychev I. I. [Ethical and aesthetic synthesis in the context of contemporary culture]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy Tula State Pedagogical University], 2018, no. 4 (28), pp. 50–58.
3. Simonova S. A. [The ideas of G. E. Lessing in the context of ethical and aesthetic synthesis]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 1, pp. 256–258.
4. Simonova S.A. [The basic elements of cultural architectonics]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy Tula State Pedagogical University], 2015, no. 2 (14), pp. 58–66.
5. Maikova V.P., Belsky V. Yu., Borovinskaya D. N. Excerpts on the history of the concept of development of the autonomous subject: Plato and Aristotle as forerunners of Kant and Hegel. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, *Atlantis* Press, 2019, pp. 1252–1256.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонова Светлана Анатольевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета; e-mail: jour2@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Simonova – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education; e-mail: jour2@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Симонова С. А. Идеи этико-эстетического синтеза в немецкой философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2 С. 109–116.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116

FOR CITATION

Simonova S. A. Ideas of Ethical and Aesthetic Synthesis in German Philosophy // *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 2020. no. 2 pp. 109–116.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК: 165.0

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-117-126

ИСТИННОСТЬ ЧУВСТВЕННОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ

Лебедев С. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи является анализ проблемы истинности двух качественно различных уровней научного знания: чувственного (данные наблюдения и эксперимента) и эмпирического (протокольные предложения, факты, эмпирические законы, феноменологические теории).

Процедура и методы исследования. Осуществлено сравнение предметов этих уровней и методов получения различных единиц знания каждого из этих уровней. В понимании их истинности автор исходит из классической, аристотелевской концепции истины как соответствия содержания суждения предмету суждения.

Результаты проведённого исследования. Обоснована необходимость фиксации и различения в структуре научного знания любой дисциплины двух его базовых, но качественно различных уровней: чувственного и эмпирического, различия предметов, методов и критериев истинности этих уровней знания. Показана многокомпонентная структура критерия истинности каждой единицы научного знания. Качественное различие их содержания обуславливает различие в критериях их истинности.

Теоретическая и / или практическая значимость. Предложена новая, более конкретная шкала оценки истинности различных элементов чувственного и эмпирического знания в науке, важнейшим общим элементом которой является экспертное заключение научного сообщества (научный консенсус).

Ключевые слова: чувственное знание, эмпирическое знание, научная истина, критерий научной истины, плюрализм научных истин и их критериев, научный консенсус

THE TRUTH OF SENSORY AND EMPIRICAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

S. Lebedev

Lomonosov Moscow State University

27-4, Lomonosovskii prospect, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The aim of the article is to analyze the problem of truth of two qualitatively different levels of scientific knowledge: sensory (data of observation and experiment) and empirical (protocol proposals, facts, empirical laws, phenomenological theories).

Methodology and Approach. A comparison of subjects of these levels and methods of obtaining different units of knowledge at each of these levels is made. In understanding their truth, the author proceeds

from the classical, Aristotelian concept of truth as the correspondence of the content of the judgment to the subject of the judgment.

Results. The results of the study: substantiation of the need to fix and distinguish in the structure of scientific knowledge of any discipline its two basic, but qualitatively different levels: sensory and empirical, differences in subjects, methods and criteria for the truth of these levels of knowledge. The multicomponent structure of the criterion of truth of each unit of scientific knowledge is shown. The qualitative difference in their content causes a difference in the criteria of their truth.

Theoretical and / or Practical Implications. The practical significance of the study is as follows: a new, more specific scale for assessing the truth of various elements of sensory and empirical knowledge in science is proposed, the most important common element of which is the expert opinion of the scientific community (scientific consensus).

Keywords: sensory knowledge, empirical knowledge, scientific truth, criterion of scientific truth, pluralism of scientific truths and their criteria, scientific consensus

ВВЕДЕНИЕ

В литературе по философии и методологии науки справедливо подчёркивается тесная взаимосвязь различных видов и уровней научного знания: чувственного и рационального, эмпирического и теоретического [18], теоретического и метатеоретического [16], конкретно-научного и философского. Но при этом «уходит в тень» и явно недооценивается другая сторона их взаимоотношения, а именно их качественное различие между собой по предметам (содержанию), методам получения и обоснования и критериям истинности. Одним из следствий такого различия явилось отождествление логическими позитивистами чувственного и эмпирического знания в науке и методологически неверное «склеивание» двух качественно различных уровней научного знания: чувственного и эмпирического и, соответственно, критериев их истинности. Такое отождествление этих уровней неверно как по предметному (онтологическому) основанию, так и по гносеологическому (методологическому). Тогда как предметами чувственного познания являются объекты (или «вещи в себе» – Кант), предметами эмпирического познания являются «вещи для нас», то есть результаты чувственного восприятия объектов, их последующая дискурсная (понятийная) фиксация с помощью терминов, значениями которых являются абстрактные объекты (те или иные наблюдаемые в

чувственном опыте свойства и отношения познаваемых объектов), логическая обработка эмпирических понятий и суждений и т. д. Эмпирическое знание – это синтез чувственного и рационального знания, их единство, содержание которого зависит как от содержания чувственного научного знания (данные наблюдения), так и от используемых для их описания и последующего обобщения средств и методов мышления (индукции, классификации, гипотез законов, их объединения в систему при создании феноменологической теории и др.). В гносеологическом плане различие между чувственным и эмпирическим знанием состоит в том, что чувственное восприятие познаваемых объектов регулируется объективной, биологической нормой восприятия человека, сформировавшейся в ходе многовековой биологической эволюции вида *homo sapiens* в процессе его адаптации к окружающей среде. Мышление у человека возникло гораздо позже, сформировавшись в процессе создания им культуры и последующего закрепления её результатов с помощью языка для трансляции следующим поколениям. Вот почему чувственное познание человека самостоятельно по своей природе и относительно независимо от мышления и языка. Но и мышление также относительно самостоятельно по отношению к чувственному знанию, хотя и опирается на последнее в процессе создания эмпирического знания. Относительная самостоятельность чувственного и эмпи-

рического уровней научного знания имеет своим следствием то, что эти виды знания логически не выводимы друг из друга. Но они могут быть связаны и всегда связаны в реальной науке благодаря таким познавательным операциям, как репрезентация, моделирование и интерпретация. Другим следствием относительной самостоятельности чувственного и эмпирического уровней знания в науке является то, что для этих видов знания не существует единого критерия их истинности. Критерием истинности чувственного знания является его соответствие свойствам и отношениям реальных объектов. Критерий же истинности эмпирического знания является более сложным, состоящим из двух компонент. С одной стороны, это его соответствие чувственному знанию, а с другой – его выводимость в качестве логического следствия из той или иной феноменологической теории. При этом для различных элементов, разных структурных единиц эмпирического знания (протокольные предложения, факты, эмпирические законы и константы, феноменологические теории) также существует определённая специфика в критериях их истинности. Все эти критерии являются многокомпонентными, но каждый из них имеет в качестве одной из своих составляющих консенсуальную компоненту.

1. ИСТИННОСТЬ ЧУВСТВЕННОГО УРОВНЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Чувственный уровень научного знания представляет собой множество чувственных данных познаваемых объектов, получаемых в ходе наблюдения и эксперимента [1; 10]. К чувственным данным научного познания относятся не только восприятия познаваемых в науке объектов, но и восприятия показаний научных приборов. В познавательном плане чувственное восприятие показаний научных приборов как некоторой совокупности материальных символов (например, показаний амперметра или любых других приборов) принципиально ничем не отличается от чувственного восприятия самих объектов познания. И те, и другие тождественны между со-

бой в том отношении, что как символы шкал приборов, так и познаваемые в опыте объекты являются в равной мере материальными носителями некоторой заключённой в них информации [2]. Чувственное распознавание символов, способность их различения и отождествления в ходе чувственного восприятия, имеет место во всех науках, включая математику. Разница заключается только в том, что если в естественных науках чувственные данные – это содержание чувственных восприятий самих познаваемых объектов, а также показаний приборов, то в математике – это чувственное восприятие материальных символов, обозначающих математические объекты, операции с ними, а также взаимосвязи математических объектов.

Например, в арифметике натуральных чисел такими символами являются цифры, обозначающие числа (1, 2, 3, 4, 5...), операции с ними (+, -, : и т. д.), а также порядок следования и пространственного расположения символов (123, 213, 312, 21, 12 и т. д.). Чувственное восприятие различных символов, знаков является истинным (адекватным), если тождественно графическому изображению этих символов. Критерием истинности здесь является норма человеческого восприятия, основанная на способности сознания различать и отождествлять образы восприятия. Несмотря на влияние мышления на процесс и результаты чувственного познания в науке (проблемы, цели, установки, накопленное в прошлом знание), в целом человеческое восприятие и здесь имеет биологическую природу, а также интуитивно-бессознательный характер, регулируемый биологической нормой человеческого восприятия. Эта норма сформировалась в ходе длительной эволюции человека и выработки соответствующего механизма адаптации к условиям окружающей среды. У научных приборов аналогом чувственного восприятия человека выступает способность приборов отождествлять и различать сигналы, идущие от познаваемых объектов, по интенсивности и последовательности этих сигналов. Как правило, эти сигналы в принимающем устройстве прибора

преобразуются и кодируются в виде электрических сигналов различной интенсивности и последовательности. В известном смысле учёный как субъект чувственного познания сам может быть рассмотрен как прибор особого рода. Важнейшую роль чувственного восприятия в построении и обосновании математических теорий и отдельных доказательств подчёркивали, как известно, создатели интуиционистской и конструктивистской математики (Брауэр, Гейтинг, Вейль и др.). С их точки зрения, главной основой надёжности (эффективности, строгости и непротиворечивости) математических доказательств может быть только опора на глобальную интуицию человека. Под ней они имели в виду способность сознания различать и отождествлять между собой различные математические символы. Очевидно, что эта способность представляет собой не что иное, как чувственное восприятие элементарных материальных объектов, в роли которых в математике выступают её исходные знаки-символы. Отсюда с необходимостью следовал вывод, что наиболее надёжным и строгим математическим доказательством может быть только его формализованное, конструктивное и финитное построение [10]. Примечательно, что именно такой подход лёг в основу создания современной вычислительной и компьютерной математики. Для этого компьютеры были наделены способностью распознавания отдельных математических символов и сколь угодно длинных строчек таких символов как аналога глобальной интуиции у реальных математиков. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что только и именно к чувственному уровню знания в наибольшей степени применима корреспондентская концепция истины как знания, максимально тождественного по своему содержанию познаваемому объекту [17]. Чувственное восприятие белого снега истинно тогда и только тогда, когда наблюдавшийся снег был действительно бел. При этом если критерием истинности чувственного знания объектов природы является норма восприятия, то для чувственного вос-

приятия символического, формального знания – глобальная чувственная интуиция. Поскольку любая наука, независимо от области познаваемых объектов, имеет чувственный уровень знания, постольку корреспондентская концепция истины может рассматриваться как универсальная, но только с одной важной оговоркой: таковой она является только по отношению лишь к одному уровню научного знания, а именно – чувственному уровню. Конечно, между обычным чувственным познанием и чувственным познанием в науке, особенно в естествознании и технических науках, имеет место важное различие. Оно заключается в том, что в естествознании и технических науках субъектом чувственного познания выступает всегда не отдельный учёный, а более сложная система: учёный + его приборы. Приборы в данной системе выполняют функцию не только усилителя чувственных анализаторов учёного при познании многих объектов, которые недоступны непосредственному чувственному восприятию человека (например, объектов микромира). Они выполняют также функцию посредника между учёным и познаваемым им объектом по переработке информации, поступающей от взаимодействия объекта с прибором, в удобную для учёного форму для последующего использования этой информации [14].

2. ИСТИННОСТЬ ЭМПИРИЧЕСКОГО УРОВНЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Критерии истинности различных единиц эмпирического уровня знания в науке существенно отличаются как от критерия истинности чувственного уровня, так и между собой. Это обусловлено прежде всего качественным отличием онтологии чувственного и эмпирического уровней научного знания, типами объектов, познаваемых на этих уровнях научного познания. Если объектами чувственного уровня познания являются «вещи в себе», то объектами эмпирического уровня научного познания – чувственные данные о «вещах в себе». Фиксация содержания

этих данных в языке приводит к формированию множества так называемых «абстрактных объектов», содержанием большинства которых являются отдельные характеристики «вещей в себе» или чувственных данных о них (свет, цвет, вес, длина, время, геометрическая форма и т. д.). Эмпирическое познание – это рациональная (мыслительная, языковая) фиксация, обработка, схематизация, моделирование и обобщение чувственных данных о познаваемых объектах, направляемая теоретическими и практическими целями конкретного научного исследования [9]. Результатом эмпирического познания является эмпирическое знание, представляющее собой совокупность высказываний о свойствах, отношениях и закономерностях абстрактных объектов. По способу получения эмпирическое познание – это всегда синтез чувственной и мыслительной деятельности учёного, продуктом которого являются различные структурные единицы эмпирического уровня научного знания – первой ступени рационального знания в науке. Основными структурными единицами эмпирического уровня научного знания являются: 1) протокольные предложения («протоколы наблюдений»), 2) научные факты, 3) эмпирические законы, 4) феноменологические теории [1]. Между указанными структурными единицами эмпирического знания имеются существенные различия как в методах их получения (средствах их рационального конструирования), так и в критериях их истинности [2].

2.1. ИСТИННОСТЬ ПРОТОКОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Протокольные предложения – это дискурсное моделирование и описание данных наблюдения и эксперимента [8]. По своей логической форме любое конкретное протокольное предложение – это единичное высказывание вида «А есть В», где А и В – термины, обозначающие некоторые данные в опыте свойства познаваемых объектов, как правило, в количественном

виде (сила тока, напряжение, температура, плотность, вязкость и т. д.). Например: «в момент времени Т 1 в точке С 1 имело место событие А». Поскольку каждое протокольное предложение по своей логической форме является единичным высказыванием о чувственных данных, постольку критерий его истинности достаточно прост: соответствие содержания данного суждения чувственным восприятиям явления или показаниям приборов. Однако, реализация (использование) данного критерия возможна только при соблюдении ряда эпистемологических условий. К ним относятся: доверие учёного к чувственным данным, а также к языку, используемому при дискурсной репрезентации чувственных данных, возможности повторения осуществлённого наблюдения и результата его восприятия членами научного сообщества. Очевидно, что подтверждение (оценка) соблюдения (или несоблюдения) указанных выше условий в отношении конкретных протоколов всегда будет иметь экспертный или консенсуальный характер. Таким образом, уже в критерий истинности самых элементарных единиц эмпирического знания (научных протоколов) входит консенсуальный элемент. Роль этого элемента будет постоянно возрастать в критериях истинности более сложных единиц научного знания, как эмпирического уровня, так и особенно теоретического и метатеоретического его уровней.

2.2. ИСТИННОСТЬ ФАКТОВ

Научные факты – это обобщения (универсальные или статистические) некоторого множества протокольных высказываний об изучаемом объекте [3; 4; 5]. Научные факты – это всегда общие высказывания или суждения. Критерий истинности научных фактов отличается не только от критерия истинности чувственного знания, но и от критерия истинности протокольных предложений. Научный факт суть не более чем особая (сокращённая, общая) логическая форма записи суммы или конъюнкции единичных протокольных предло-

жений. Критерием истинности научного факта является правильность логического обобщения истинного значения протоколов. Существует два логических метода правильного обобщения протоколов: перечислительная индукция и индукция как обратная дедукция [6; 7]. В целом («по интегралу») истинность научных фактов является логической функцией истинности протоколов [12]. Если все конкретные протоколы признаны научным сообществом истинными, то и основанный на них научный факт должен считаться необходимым истинным. Если же только часть протоколов является истинной, то полученный в результате их обобщения факт должен считаться только вероятно истинным суждением (величина этой вероятности равна относительной частоте истинных протоколов среди всех имеющихся протоколов) [12; 13; 15]. Суждение об истинности научных фактов всегда содержит в себе консенсуальную компоненту, ибо оно зависит, во-первых, от оценки профессиональным научным сообществом истинности представленной совокупности протоколов, а, во-вторых, от оценки логической корректности методов логического или статистического обобщения протоколов.

2.3. ИСТИННОСТЬ ЭМПИРИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

Ещё более значительный консенсуальный компонент присутствует при оценке истинности такой структурной единицы эмпирического уровня знания, как эмпирический научный закон. Эмпирические законы науки – это утверждения о наличии между некоторыми явлениями, данными в опыте, всеобщих или необходимых связей (отношений). Обычным опытным маркером наличия таких связей считается их повторяемость во времени или в пространстве при определённых условиях (например, явление *a* происходит всегда раньше, позже или одновременно с явлением *b*). Существуют три главных вида эмпирических законов: 1) причинно-следственные, 2) структурные, 3) функцио-

нальные. В силу всеобщего и необходимого характера связей и отношений, утверждаемых в любом из эмпирических законов, критерием его истинности не может быть установление истинности всех его следствий. Это невозможно по чисто логическим основаниям. Во-первых, правила формальной логики запрещают заключать об истинности посылок (в данном случае законов науки) на основании истинности выводимых из них следствий, поскольку истинные следствия (и) могут быть логически корректно получены и из ложных посылок (л). Рассмотрим пример: 1. Все тигры – травоядные (л). 2. Все травоядные – млекопитающие (л). Следовательно: Все тигры – млекопитающие (и). Во-вторых, все законы – это универсальные высказывания, а истинность универсальных высказываний с неопределённой областью значений не может быть доказана сколь угодно большим количеством примеров из этой области (неполная индукция всегда логически бездоказательна). В-третьих, любой эмпирический закон утверждает наличие необходимых связей между явлениями. Но опыт способен фиксировать только существование чего-либо, но не его необходимость [15]. Существование того или иного явления может иметь и случайный характер. Из существования не следует необходимость. Это также относится и к наблюдению повторяемости наступления одних событий за другими (Д. Юм) [11]. Поэтому критерий истинности эмпирических законов является достаточно сложным. Этот критерий включает в свой состав реализацию следующих требований: 1) соответствие научного закона (непротиворечивость) эмпирическим фактам, признанным научным сообществом в качестве истинных; 2) отсутствие его противоречия другим эмпирическим законам, принятым за истинные, 3) достаточно хорошая объяснительная и предсказательная сила эмпирического закона, 4) демонстрация возможности его выведения в качестве следствия одной из научных теорий (феноменологической или трансцендентальной). Очевидно, что оценка степени

реализации каждого из этих условий для эмпирического закона определяется научным сообществом и всегда имеет экспертный характер.

2.4. ИСТИННОСТЬ ЭМПИРИЧЕСКИХ (ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ) ТЕОРИЙ

Феноменологическая теория – это заключительная ступень эмпирического уровня знания, особая форма его синтетической репрезентации. Она состоит из совокупности определённых принципов и эмпирических законов, описывающих некоторую предметную область [1]. Критерий истинности феноменологической теории ещё более сложен, чем критерий истинности более простых единиц эмпирического уровня научного знания. В состав этого критерия входят следующие компоненты:

1) обоснование логической непротиворечивости феноменологической теории;

2) демонстрация существенной объяснительной и предсказательной силы этой теории по отношению к фактам и законам, относящимся к её предметной области;

3) дедуктивная и (или) конструктивная взаимосвязь высказываний теории, делающая её целостной концепцией;

4) непротиворечивость по отношению к другим феноменологическим теориям, принятым научным сообществом за истину;

5) её выводимость в качестве одной из эмпирических интерпретаций какой-либо трансцендентальной научной теории.

Очевидно, что решение о соблюдении конкретной теорией любого из перечисленных условий истинности может быть только результатом научного консенсуса специалистов в данной области науки.

ВЫВОДЫ

1. Чувственное познание в науке – это конструирование чувственных образов познаваемых объектов, осуществляемое либо на основе непосредственного чувственного восприятия объекта, либо на основе опосредованного их познания с помощью

научных приборов, информация с которых считывается с помощью непосредственного восприятия.

2. Критерием истинности чувственного знания является норма человеческого восприятия, основанная на способности сознания различать и отождествлять образы восприятия. Несмотря на влияние мышления на процесс и результаты чувственного познания в науке (проблемы, цели, установки, накопленное в прошлом знание), в целом человеческое восприятие и в науке имеет биологическую природу, а также интуитивно-бессознательный характер, регулируемый биологической нормой человеческого восприятия.

3. Первым элементом эмпирического уровня знания в науке являются протокольные предложения (протоколы). Каждое протокольное предложение является единичным высказыванием о данных наблюдения и эксперимента. Критерий его истинности достаточно прост: соответствие содержания протокольного предложения своему предмету – чувственным восприятиям явления или показаниям приборов. Однако, реализация (использование) данного критерия возможна только при соблюдении ряда условий. К ним относятся: доверие учёного к чувственным данным, а также к языку, используемому при дискурсной репрезентации чувственных данных, возможности повторения осуществлённого наблюдения и результата его восприятия членами научного сообщества. Очевидно, что подтверждение (оценка) соблюдения (или несоблюдения) указанных выше условий в отношении конкретных протоколов всегда будет иметь экспертный или консенсуальный характер.

4. Более сложным элементом эмпирического знания являются факты. Любой научный факт является логическим (индуктивным) обобщением протоколов. Суждение об истинности научных фактов всегда содержит в себе консенсуальную компоненту, ибо оно зависит, во-первых, от оценки профессиональным научным сообществом истинности представленной

совокупности протоколов, а во-вторых – от оценки логической корректности методов логического или статистического обобщения протоколов.

5. Третьим структурным элементом эмпирического уровня научного знания являются эмпирические законы. Эмпирические законы не являются обобщением фактов. Они создаются конструктивным мышлением учёного путём добавления к некоторым фактам двух новых свойств: всеобщности и необходимости. Факты – это обобщённое знание о том, что наблюдалось, а эмпирические законы – это утверждения о том, что то, что наблюдалось, всегда будет наблюдаться и впредь при повторении условий наблюдения. Переход от фактов к законам всегда осуществляется с помощью гипотезы (предположения). Критерий истинности эмпирического закона включает в свой состав следующие требования: 1) соответствие гипотезы закона (его непротиворечивость) эмпирическим фактам, признанным научным сообществом в качестве истинных; 2) отсутствие её противоречия другим эмпирическим законам, принятым за истинные, 3) достаточно хорошая объяснительная и предсказательная сила гипотезы эмпирического закона, 4) демонстрация возможности его выведения

в качестве следствия одной из научных теорий (феноменологической или трансцендентальной). Очевидно, что оценка степени реализации каждого из этих условий определяется научным сообществом и всегда имеет консенсуально-экспертный характер.

6. Критерий истинности феноменологических теорий, состоящей из множества эмпирических законов определённой предметной области, включает в себя следующий набор требований к теории: обоснование её логической непротиворечивости; демонстрация существенной объяснительной и предсказательной силы по отношению к фактам и законам, относящимся к её предметной области; дедуктивная и (или) конструктивная взаимосвязь высказываний теории, делающая её целостной концепцией; непротиворечивость по отношению к другим феноменологическим теориям, принятым научным сообществом за истину; выводимость в качестве одной из эмпирических интерпретаций какой-либо трансцендентальной научной теории. Очевидно, что оценка выполнимости конкретной теорией этих требований также имеет существенно консенсуальный характер.

Статья поступила в редакцию 25.02.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 392 с.
2. Лебедев С. А. Уровневая концепция истинности научного знания // Известия Российской академии образования. 2018. №4 (48). С. 5–19.
3. Лебедев С. А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер // Гуманитарный вестник. 2019. №3 (77). С. 3.
4. Лебедев С. А. Методология науки: проблема индукции: монография. М.: Альфа-М, 2013. 192 с.
5. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопросы философии. 1980. №6. С. 11–34.
6. Лебедев С. А. Индуктивный метод и его роль в научном познании // Журнал философских исследований. 2018. Т. 4. №2. С. 12–30.
7. Лебедев С. А. Проблема научного метода в античной философии // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. №2. С. 10–20.
8. Лебедев С. А. Проблема научного метода в первом позитивизме // Вопросы философии и психологии. 2018. №5 (1). С. 24–36.
9. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория: монография. М.: Проспект, 2018. 448 с.
10. Лебедев С. А. Эмпирическое познание в науке и его методы // Журнал естественнонаучных исследований. 2019. Т. 4. №1. С. 25–33.
11. Лебедев С. А. Чувственное и эмпирическое знание в науке: сходство и различие // Известия Российской академии образования. 2019. №1 (49). С. 5–13.

12. Лебедев С. А. Проблема Юма // Журнал философских исследований. 2015. Т. 1. №4. С. 2.
13. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
14. Сторожук А. Ю. Философия научного эксперимента: реакция на кризис рационализма // Философские науки. 2004. №3 (22). С. 87–120.
15. Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
16. Чудинов Э. М. Природа научной истины: монография. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2010. 312 с.
17. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 383 с.
18. Lebedev S. A. The problem of scientific method in the logical positivism // Вопросы философии и психологии. 2017. №4 (1). С. 11–34.

REFERENCES

1. Karnap R. *Filosofskie osnovaniya fiziki. Vvedenie v filosofiyu nauki* [Philosophical Foundations of Physics. Introduction to the Philosophy of Science]. Moscow, Progress Publ., 1971. 392 p.
2. Lebedev S. A. *Urovnevaya koncepciya istinnosti nauchnogo znaniya* [Level Concept of Truth in Scientific Knowledge]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2018, no. 4 (48), pp. 5–19.
3. Lebedev S. A. [Scientific truth: the consensual expert in nature]. In: *Gumanitarnyi vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2019, no. 3 (77), pp. 3.
4. Lebedev S. A. *Metodologiya nauki: problema induksii: monografiya* [Methodology of Science: The Problem of Induction: A Monograph]. Moscow, Alfa-M Publ., 2013. 192 p.
5. Lebedev S. A. [The role of induction in the operation of modern scientific knowledge]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1980, no. 6, pp. 11–34.
6. Lebedev S. A. [The inductive method and its role in scientific knowledge]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Studies in Philosophy], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 12–30.
7. Lebedev S. A. [The problem of the scientific method in ancient philosophy]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Studies in Philosophy], 2019, vol. 5, no. 2, pp. 10–20.
8. Lebedev S. A. [The problem of the scientific method in the first positivism]. In: *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], 2018, no. 5 (1), pp. 24–36.
9. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya: monografiya* [Scientific Method: History and Theory: A Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
10. Lebedev S. A. [Empirical knowledge in science and its methods]. In: *Zhurnal estestvennonauchnykh issledovaniy* [Journal of Natural Science Research], 2019, vol. 4, no. 1, pp. 25–33.
11. Lebedev S. A. [Sensual and Empirical Knowledge in Science: Similarities and Differences]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2019, no. 1 (49), pp. 5–13.
12. Lebedev S. A. [Hume's Problem]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Studies in Philosophy], 2015, vol. 1, no. 4, pp. 2.
13. Mach, E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Cognition and Delusion. Essays in Psychology of Research]. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2003. 456 p.
14. Storozhuk A. YU. [The philosophy of a scientific experiment: response to the crisis of rationalism]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2004, no. 3 (22), pp. 87–120.
15. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie: Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p.
16. Chudinov E. M. *Priroda nauchnoi istiny: monografiya* [The Nature of Scientific Truth: A Monograph]. Ed. 2nd. Moscow, Librokom Publ., 2010. 312 p.
17. Shvyrev V. S. *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii* [Theoretical and Empirical in Scientific Knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 383 p.
18. Lebedev S. A. [The problem of scientific method in the logical positivism]. In: *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], 2017, no. 4 (1), pp. 11–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Истинность чувственного и эмпирического знания в науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 117–126.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-117-126

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Truth of Sensory and Empirical Scientific Knowledge. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 117–126.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-117-126

УДК 167

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-127-133

СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Тимофеев А. В.*Самарский государственный экономический университет**443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель исследования – проанализировать феномен «искусственного интеллекта» с позиций философского и научного анализа, сопоставить интеллект естественный и искусственный, сравнить их потенциал.

Процедура и методы исследования. В статье выделяются основные проблемы формирования искусственного интеллекта, в том числе совокупность социокультурных условий, препятствующих его полноценному построению, а также затрагиваются вопросы этического характера, возникающие в рамках системы «человек / машина».

Результаты проведённого исследования. Внедрение в жизнь человека систем искусственного интеллекта имеет ряд серьёзных последствий – экзистенциальных, моральных, интеллектуальных и пр. Теоретические и практические результаты приложения искусственного интеллекта координируют механизмы взаимосвязи между двумя основными пластами мироздания – естественным и социокультурным.

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье отмечается потенциал научно-технических и философских исследований в области искусственного интеллекта для дальнейшего развития общества, достижения им таких границ сущего, которые прежде считались недоступными человеку.

Ключевые слова: искусственный интеллект, естественный интеллект, человек, компьютер, программирование, суперинтеллект, трансгуманизм

THE ESSENCE AND PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS

A. Timofeev*Samara State University of Economics**141 Sovetskoi Armii ul., Samara 443090, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The purpose of the research is to analyze the phenomenon of «artificial intelligence» from the standpoint of philosophical and scientific analysis, to compare human and artificial intelligence, to show their potential.

Methodology and Approach. The article highlights the main problems of artificial intelligence formation, including the set of socio-cultural conditions hindering its full construction. Ethical questions arising within the «human / machine» system are also discussed.

Results. The use of artificial intelligence systems in human life has a number of serious consequences – existential, moral, intellectual, etc. Theoretical and practical results of the artificial intelligence application coordinate the mechanisms of interaction between the two main levels of the universe – natural and socio-cultural.

Theoretical and / or Practical Implications. The article notes the potential of scientific, technical and philosophical research in the field of artificial intelligence for the future development of the society. This opens such boundaries of the reality that have been previously inaccessible for humans.

Keywords: artificial intelligence, human mind, human, computer, programming, superintelligence, transhumanism

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, общеупотребительное понятие «интеллект» является производным от латинских концептуальных эквивалентов – «ум», «разум», «рассудок». Оно содержательно и сущностно связано с мыслительной способностью, свойственной человеку как живому существу. По аналогии с естественным интеллектом (ЕИ), которым наделён человек, интеллект искусственный (ИИ) воспринимается как нейронная система программного обеспечения (ПО), а также копия человеческого мозга, то есть он может выбирать, принимать решения и действовать как человек. Сам термин «искусственный интеллект» был впервые озвучен Джоном Маккарти на научной конференции в Дартмутском университете в 1956 году.

В нашей современности, и в частности за последние десятилетия, в мире стали мощно и динамично развиваться точные и естественные науки, как математические, так и биологические, особенно затрагивающие сферу информационных систем и технологий (ИСТ). Учёные выяснили, что человеческий мозг содержит около 240 основных узлов нейронов, которые помогают воссоздать 250 связей синапсов! А это влечёт за собой очевидный факт: потребуется приблизительно 5–6 млн. квантовых компьютеров, чтобы все вместе они заработали как ОДИН человеческий мозг!

Однако здесь возникает, наверное, наиболее актуальный для нашей современности вопрос: какова, в конечном итоге, цель создания искусственного интеллекта? Ведь существуют самые разные целевые предпочтения, влекущие за собой потенциальную возможность как беспрецедентного развития, так и уничтожения человечества, например, в результате столь популярного в

фантастическом жанре восстания машин. Подобные оптимистичные или же пессимистичные прогнозы, разумеется, не могут выдвигаться беспочвенно, не имея под собой какой-либо реальной базы в виде научно-теоретической рефлексии. Поэтому проблема ИИ нуждается в детализации, рассмотрении с позиций науки и философии.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С точки зрения философского аспекта исследования искусственного интеллекта возникают следующие вопросы:

1. Возможно ли создание искусственного разума?
2. Каковы параметры оценки интеллектуальной машины для классификации её как искусственного интеллекта?
3. Что есть самосознание? Каким образом оно реализовано в личности человека и как оно могло бы проявляться в машине?
4. Каким образом можно обеспечить человечеству безопасное существование в случае создания искусственного интеллекта?

В то же время с точки зрения этики и возможного создания искусственного интеллекта рассматриваются вопросы различия между человеком и машиной, необходимость предоставления социальных прав и признание личности для машин, имеющих разум и чувства, не будет ли являться процесс их эксплуатации негуманным и т. д. [4, с. 65].

Изначально проблема ИИ была связана с поиском средневековыми мыслителями универсального «философского» языка, посредством которого человек может познать истину. Сегодня наблюдается завершающая стадия процесса превращения представлений об ИИ в научную конструк-

цию рациональной направленности. При этом чётко вырисовываются три основополагающие идеи: доведённый до логического завершения гносеологический оптимизм, имеющий следствием убеждение в возможности окончательного познания мира; уверенность в существовании объективного знания, не зависящего ни от конкретного индивида, ни даже от человечества в целом; созданное кибернетикой представление о качественном совершенстве мира будущего, достигаемом посредством развития ресурсов ИИ.

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В плане развития научного подхода к этой проблеме следует отметить, что проблематика ИИ является сегодня в наибольшей степени обсуждаемой. В области искусственного интеллекта создано огромное количество междисциплинарных трудов, на стыке таких дисциплин как физика, информатика, философия, кибернетика, психология, математика, химия и др. [1; 2; 3]. В начале 90-х гг. XX в. были проанализированы особенности функционирования нейронных систем, которые уже тогда находились практически на уровне нервной системы головоногого моллюска (100 тыс. нейронов в практичном, но хаотичном порядке). Такие конкретные системы способны к самообучению, к образованию рефлексов и даже к простейшим, если можно так выразиться, умозаключениям, основанным на выявлении аналогий. Машинный (или искусственный) интеллект – это, прежде всего, искусственная система, которая имитирует решение, выбор и сознание человека, включая такие его мыслительные способности, как творчество, логический ум и т. д.

В ходе своей исторической эволюции ИИ прошёл три этапа, отражённых через призму соответствующего уровня научно-исследовательской деятельности: 1 этап, 50–60-е гг. XX в. – становление программы ИИ, которая формирует задачи, и языков программирования (ЯП) –

Lisp, Prolog и др.; 2 этап, 60–70-е гг. XX в. – внедрение ИИ в сферу образования, использование в обучающих программах; 3 этап, 80–90-е гг. XX в. – широкое практическое применение и открытый доступ к работе над совершенствованием ИИ. К основным программам ИИ относится создание ПК, которые способны выполнять функции, относящиеся к работоспособности ИИ в деятельности человека, включая попытки обратить сам человеческий разум в форму моделей мозгового субстрата (нейрокомпьютеры). Последней стадией данного процесса является создание самообучающегося ИИ, который способен к самостоятельному развитию и эволюции. В современном мире компьютер выполняет существенную часть интеллектуальной деятельности человека. Причём он берёт на себя не только монотонные, постоянно повторяющиеся операции – он сам может обучаться.

Построение полноценного ИИ открывает перед человечеством новые пути развития. Для поддержания эффективной деятельности в современном обществе и среде обитания ИИ должен обладать моделью окружающего его мира. В данной модели концентрируется информация об окружающей среде, её свойствах и отношениях между ними, о событиях и процессах, происходящих в ней, и т. д. Для принятия определённого решения ИИ должен чётко следовать алгоритму. Под «алгоритмом» в данном случае подразумевается некоторый комплект инструкций, которые включают в себя порядок выполнения определённых действий для достижения желаемого результата. Нахождение и правильное использование алгоритма является основной целью во время решения и достижения целей в различных задачах [5, с. 40].

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК – КОМПЬЮТЕР»

В контексте проводимого рассмотрения следует также учитывать различия человеческого и машинного мышления. Машинное мышление сводится к логи-

ческому построению знаков, структур и различий между ними, которые представляются на специальных ЯП. Образные феномены, целостные представления, интуиция и эмоциональные состояния напряжения, за которые они несут общую ответственность, играют ведущую роль в интеллектуальных механизмах человеческих решений. Эти решения и действия регулируются через образы как психологические отражения исходного объекта, а полученный таким образом опыт трансформируется в творческую идею. Компьютеры работают без такого рода изображений. Кроме того, человеческая мысль значительно богаче, чем её логическая структура, которая воспроизводится на уровне машинного процесса.

В свете вышесказанного можно сослаться на конкретные меры по организации эффективного взаимодействия в системе «человек / компьютер». Это, например, использование компьютерной техники в области управления для подготовки человека к принятию решений; взаимодействие человека и машины в области когнитивной деятельности для решения системных прогнозных задач (методы имитационного моделирования); организация информационных услуг на основе диалога между человеком и компьютером в информационной сфере и пр.

Интеллектуальный потенциал системы «человек – компьютер» имеет специфическую особенность, которая заключается в том, что обе её составляющие обеспечивают не только средства познания и формирования реальности (особенно, информационной среды вокруг человека), но и сами в этой реальности «содержатся». Благодаря этому резко возрастает эффективность использования интеллектуальных ресурсов общества (разработка баз данных, технических и программных средств взаимодействия и т. д.). Всё это позволяет выстраивать гораздо более разнообразные и гибкие семантические структуры и отношения из данных, трансформировать их в разные фрагменты, обновлять и исключать, представлять богатство состояний предметного мира в виде ряда моделей для решения новых прикладных задач и т. п.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Рассмотрим далее основные проблемы ИИ. Как уже отмечалось выше, искусственный интеллект – это (компьютерный) процесс, обладающий свойствами, схожими по своему существу с человеческим мышлением. В настоящее время искусственный интеллект, согласно некоторым представлениям, является всего лишь интуитивной компьютерной системой. Под «некоторыми представлениями» подразумеваются, в частности, следующие характеристики искусственного интеллекта:

1. **Существование модели развития внешнего мира, которая требует способности дополнять и развивать имеющуюся информацию.** Это указывает на индивидуальность или единство заранее заданного исполняемого алгоритма, т. е. каждая реализация должна быть индивидуально-двойной;

2. **Адаптируемость.** Искусственный интеллект является адаптивной системой, хотя это его свойство проявляется только в отношении программных аспектов;

3. **Относительная независимость при оценке ситуации, например, выбор действия, которое имеет только условия.** В этом случае «относительная независимость» действительно отсутствует;

4. **Возможность различной интерпретации требований и влияния системы.**

Очевидно, что для создания искусственного интеллекта должен быть реализован целый ряд необходимых условий: важно сделать ИИ почти полностью похожим на человеческий; важно понимать, что есть человеческий интеллект и человеческое мышление, и что требуется для того, чтобы их «переопределить», придав им объективные свойства; осознавать пути реконструкции человеческой деятельности с учётом всего организменного строя, включая все его внутренние системы (например, гормональную, нервную и др.); принимать во внимание тот факт, что искусственный интеллект должен формироваться интеллектуально, а не программно.

Основанием для демонстрации невозможности создания искусственного интеллекта в существующих научных и исторических реалиях являются пределы традиционной логики. Ведь искусственный интеллект возникнет не только по функциональным и формальным логическим причинам. Существенными условиями его появления являются также следующие: в терминологии Павлова, искусственный интеллект есть некая реализация физического типа – в основном, первая система сигнализации, которая является условно рефлексивной деятельностью. Её существование обуславливают врождённые рефлексы (собственные данные и способности), восприятие и обработка раздражений (данных), в том числе используемых для решения определённых задач, накопление информации о себе и мире, адаптация обрётённых форм, связанная с их превращением в «искусственные» характеристики. Таким образом, развивается не искусственный интеллект, а система условно рефлексивной активности, или рефлексивного мышления.

При разработке ИИ должна быть обязательно учтена специфика ассоциативного мышления человека, определяющегося не только особой функцией мозга (рефлексивным мышлением) и ощущениями, но и внешней объективностью, идентифицированной в человеческом сознании человека. Этого элемента пока недостаёт для понимания, определения и создания искусственного интеллекта. И, наконец, что самое важное, ИИ не может быть создан до тех пор, пока сознание человека и его мышление не будут демаркированы и корректно определены. В современной философии по этому поводу акцентируются следующие этически направленные аспекты: если машины в будущем смогут рационально мыслить, осознавать себя и чувствовать, что в этом случае сделает человека человеком, а машину – машиной? Если машины смогут иметь чувства, можно ли их использовать, или же их необходимо укреплять? Если машины всё-таки станут разумными, как будет развиваться коммуникативное взаи-

модействие между человеком и машиной? Этот вопрос давно привлекает к себе внимание писателей-фантастов, фигурирует в известных образцах современной кинематографии. Будет ли считаться «человеком» человек, заменивший 99% естественных органов имплантатами? Или он всё-таки будет «машиной»?

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Философский интерес к проблеме ИИ проявляется в понимании важности нахождения аналогии между искусственным интеллектом и человеческим мышлением, а также осознании того, что данная аналогия может привести к значительным социальным последствиям. Вполне возможно, что в ближайшие десятилетия мир кардинально изменится, и источником изменений станут новые технологии, такие как Суперинтеллект и нанотехнологии. В современной философии получает всё большее распространение такое направление, как трансгуманизм, сторонники которого увлечённо обсуждают роль человека в меняющемся мире, воздействие инновационных технологий на социум, биосферу и др.

Трансгуманисты высказывают убеждённость в том, что в обозримом будущем молекулярные нанотехнологии позволят создать искусственный разум по типу человеческого мозга, а также перенести сознание из биологического мозга в компьютер [8, p. 50]. Предполагается, что экспериментальным образцом этого будущего Суперинтеллекта станет нечёткий нейронный ИИ, основанный на принципах, которые не только отражают основные научные подходы, но и моделируют различные аспекты человеческого поведения (зрение, слух, мышление, движение и т. д.).

Следует отметить, что сегодня действительно существуют весомые предпосылки для будущего формирования развитых интеллектуальных систем, основанных на аналогии между ИИ и ЕИ. Будущий Суперинтеллект, по всей видимости, станет имитацией человеческого мышления.

Данная имитация окажется плодотворной в том случае, если она позволит разрешить проблему выявления «скрытых» структур знания, например, смоделировать его невербальную форму или объяснить феномен так называемого «шестого чувства» человека или интуиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI веке благодаря интенсивной информатизации общество приобрело такую сложность, нестабильность и открытость, что оказалось намного выше того, что было доступно человечеству XX столетия. Современное общество насыщено колоссальными потоками информации, что обуславливает его сверхсложность и полифункциональность [7, р. 1040]. При этом область знаний, связанная с разработкой проблем ИИ, занимает одно из лидирующих мест в ряду современных наук, способствует быстрому продвижению научно-технического прогресса, разрешению глобальных проблем современности и в

будущем, возможно, сможет существенно смягчить главные вызовы нашего столетия.

Внедрение систем ИИ в жизнь человека не может не иметь для него весьма серьёзных последствий – экзистенциальных, моральных, интеллектуальных, актуализирующих проблематику этических ценностей [6, с. 22], хотя обозначенные выше проблемные моменты имеют скорее прогностическую природу. Реалии нашей современности таковы, что полученный сегодня ИИ представляет собой лишь определённую физическую реализацию рефлексивного мышления или, нередко, только программную среду. Получается, что создаётся не интеллект, а что-то иное. Но смысл и потенциал реализации подобной идеи с использованием всех доступных научных технологий становится поистине очевидным. Сегодня ИИ уже имеет обширную сферу своего приложения. А его результаты – теоретические и практические – координируют механизмы взаимосвязи между двумя основным пластами мироздания – естественным и социокультурным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. В. Эвристические модели в машиностроении: монография. Одесса: АО БАХВА, 2012. 268 с.
2. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О'Коннор, Иан Макдермотт; перевод с английского [Б. Пинскера]. М.: Альпина Паблишер, 2018. 384 с.
3. Осипов Г. С. Методы искусственного интеллекта. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. 296 с.
4. Рапорт Г. Н., Герц А. Г. Биологический и искусственный разум. Ч. 2. Модели сознания. Может ли робот любить, страдать и иметь другие эмоции? М.: Либроком, 2010. 296 с.
5. Стоцкая Т. Г. Проблема искусственного интеллекта // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Социально-гуманитарные и экономические науки: сб. статей. Самара: Самарский государственный технический университет, 2017. С. 39–41.
6. Тимофеев А. В. Трансформация системы ценностей в эпоху цифровизации // Научное мнение. 2019. №9. С. 22–25.
7. Guryanova A., Frolov V., Makhovikov A., Khafiyatullina E., Petinova M. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking. In: Lecture Notes in Networks and Systems. Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. Vol. 87. Springer International Publishing, 2020, pp. 1040–1047.
8. Guryanova A. V., Smotrova I. V. Transformation of the worldview orientations in the digital era: humanism vs. anti-, post- and trans-humanism. In: Lecture Notes in Networks and Systems. Digital age: Chances, Challenges and Future. Vol. 84. Springer International Publishing, 2020, pp. 47–53.

REFERENCES

1. Ivanov V. V. *Evristsicheskie modeli v mashinostroenii: monografiya* [Heuristic Models in Engineering: A Monograph]. Odessa, AO BAKHVA Publ., 2012. 268 p.
2. O'Connor, Joseph. The Art of Systems Thinking (Russ. ed.: Pinsker B., transl. *Iskusstvo sistemnogo*

- myshleniya: neobkhodimye znaniya o sistemakh i tvorcheskoy podkhode k resheniyu problem/ Joseph O'Connor, Ian McDermott. Moscow, Al'pina Publisher, 2018. 384 p.).*
3. Osipov G. S. *Metody iskusstvennogo intellekta* [Artificial Intelligence Methods]. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2011. 296 p.
  4. Rapoport G. N., Herz A. G. *Biologicheskii i iskusstvennyi razum. Ch. 2. Modeli soznaniya. Mozhet li robot lyubit', stradat' i imet' drugie emotsii?* [Biological and Artificial Intelligence. Part 2. The Model of Consciousness. Can a Robot Love, Suffer and Have Other Emotions?]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 296 p.
  5. Stotskaya T. G. *Problema iskusstvennogo intellekta* [The Problem of Artificial Intelligence]. In: *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture. Sotsial'no-gumanitarnye i ekonomicheskie nauki: sb. statei* [Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Socio-Humanitarian and Economic Sciences: A Collection of Articles]. Samara, Samara State Technical University Publ., 2017, pp. 39–41.
  6. Timofeev A. V. [Transformation of the system of values in the era of digitization]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2019, no. 9, pp. 22–25.
  7. Guryanova A., Frolov V., Makhovikov A., Khafiyatullina E., Petinova M. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking. In: *Lecture Notes in Networks and Systems. Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. Vol. 87*. Springer International Publishing, 2020, pp. 1040–1047.
  8. Guryanova A. V., Smotrova I. V. Transformation of the worldview orientations in the digital era: humanism vs. anti-, post- and trans-humanism. In: *Lecture Notes in Networks and Systems. Digital age: Chances, Challenges and Future. Vol. 84*. Springer International Publishing, 2020, pp. 47–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории права и философии, Самарский государственный экономический университет;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Timofeev – PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of The Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимофеев А. В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-127-133

FOR CITATION

Timofeev A. V. The Essence and Problems of Artificial Intelligence in the Context of Modern Scientific and Philosophical Conceptions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-127-133

РАЗДЕЛ V. ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-134-141

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ТЕХНОГНОЗИСА

Ильин В. В.

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
132182, г. Москва, пл. Академика Курчатова, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. На фоне отрицательных эффектов экспансии технотехники, которые, словно неумолимый рок, тяготеют над будущим общества (имеются в виду в первую очередь технологии воздействия на сознание, поведение, общение, влекущие дегуманизацию, деформацию, деструкцию, деградацию, дереализацию антропосферы), необходимо исследовать систему образования в эпоху техногенеза.

Процедура и методы исследования. Исследование осуществлялось на основе системного подхода.

Результаты проведённого исследования. В складывающейся крайне тревожной ситуации безраздельного господства технологий пересотворения, улучшения человека, био-, социарта возникает необходимость предотвращения технологического расширения сапиента гуманитарным развитием. Центральное место отводится общечеловеческой адаптации авангардных технологий на базе культуроподобия.

Теоретическая и / или практическая значимость. Положительное решение поставленных вопросов вызывает необходимость определить магистрали самого родового развития, законов культуры, базиса человеческого роста.

Ключевые слова: образование, социализация, технотехника, культуроподобие

EDUCATION IN THE ERA OF TECHNOGNOSIS

V. Ilyin

*National research center "Kurchatov Institute"
1 Akademika Kurchatova pl., Moscow 132182, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The negative effects of the expansion of technoscience, like an inexorable fate, weigh on the future of society. We mean, first of all, technologies of influence on consciousness, behavior and communication that lead to dehumanization, deformation, destruction, degradation, and derealization of the anthroposphere.

Methodology and Approach. The study is based on systemic approach.

Results. In the current extremely alarming situation of the undivided domination of technologies of recreation, human improvement, bio-, socioart, there is a need to prevent the technological expansion of the sapient by humanitarian development. The central place is given to the universal adaptation of avant-garde technologies based on cultural similarity.

© CC BY Ильин В. В., 2020.

Theoretical and / or Practical Implications. The research argues the necessity of determining the mainstream of human development, laws of culture, and the basis for human growth.

Keywords: education, socialization, technoscience, cultural similarity

ВВЕДЕНИЕ

Для общества, равно как для индивида, первое условие внутреннего прогресса суть самопознание. Настала пора актуализировать рефлексивные самопознавательные процессы в сфере образования. Суть в том, что капитальное назначение образования как могущественного инструмента возрастной социализации, состоящее в обеспечении полифундаментального перехода от незнания, незрелости к духовному, гражданскому возмужанию, сугубо деформируется упрочением техногнозиса.

Довольно принять во внимание лишь такие шокирующие эффекты, как размытие субъективности (следствие коннекционизма); оформление киберсущего (дополненная реальность – смешение виртуального и реального миров); распределённый интеллект; сетевое мышление; погружение в де-realizующее клиповое киберпространство; цифровой психоморфоз (перестройка психоэмоциональной организации с атрофией аналитичности, критичности мировосприятия) и т. п., дабы наполниться безрадостным пониманием: мы оказываемся свидетелями укоренения своего рода цифрового слабоумия, становящегося заглавной виной нашей эпохи.

Столь обязывающая квалификация – не стужение красок в духе дремучего экзорцизма; это – предлог для осмысления складывающихся весьма тревожных реалий с целью выправления их возможным saniрующим вмешательством компетентной общественности.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ТРЕВОГИ

Речь идёт об истреблении следов человеческого начала усилиями техномагии, озабочивающейся трансгуманистической перспективой субъективной сборки, «актуальной онтологической трансформации человеческого существа» (С. Хоружий), подлинного трансцензуса Человека [2].

К соответственным непредвзятым выводам возможно прийти, оценивая характерную симптоматику.

Соматическая плоскость. Поворотный момент, своеобразный кайрос текущей истории – разворачивание enhancement technologies (ET), предусматривающих физическое совершенствование человека. В оптимизирующем курсе видения божья тварь – высшая сфера мироздания – предстаёт объектом пересоздания задействованием инструментов предикативно-превентивной партиципационной биомедицины, методик секвенирования поколений, выпуска клонов, биополитического контроля самореализации. Манипулятивные телесные вмешательства намечают магистраль выпуска неведомых прошлому программируемых антропных ландшафтов в опоре на вспомогательную репродукцию, модификацию генома, биоарт, задетерминирование параметров потомства, загрузку сознания, проектирование мировидения.

Между тем очевидно: гипертрофия ET, неадекватно редактируя морально-гуманитарные соображения о ценности человеческой жизни, трактовки её капитальных устоев, подводит к сомнительному – с заметным привкусом конъюнктурного – выпуска нового вида – Homo Glaxo Wellcomus. Вопрос, заменимо ли жизнедеятельное человеческое его технонаучной копией (киборги, аватары, постлюди, неочеловеки), имеет единственно приемлемый и притом отрицательный ответ.

Антропная плоскость. Технологические интервенции в витальность (трансплантация, имплантация, выпуск гибридных киберорганизменных систем) претендуют на созидание новой антропной реальности, некоего техно-био-профиля человеческой жизни. (Вспомнить хотя бы большевистский проект выведения новой человеческой породы – homo soveticus; программу выпуска паралюдей – человекоподобных

существ с заданной атрибутикой [6]; эксперименты превращения *das Selbst* в кибернавта [7].)

Насколько производство технорельфов, культивация обтекаемого (распределённого) интеллекта, делокализованного (размытого) человека, диссоциированного «Я» выступает выверенной затеей, адекватно спланированным усилием?

Говоря кратко, интенция выразить «человеческое в человеке» ресурсом технонауки (будь то генная инженерия или разработки ИИ) – бессмысленна и бесполезна. Паушально техногнозис обновляет натуралистическую (киберорганизменные новации), но не метафизическую подкладку человечности.

Ментальная плоскость. Утрата могущества познающего духа предreshена отчётливо просматриваемыми сомнительными тенденциями, к каким могут быть отнесены: развёртывание деперсонифицированной субъектности, краудсорсинг, подмена смысловой когеренции локальной каузальностью, сетевое калькулирование, когнитивная дереализация.

Информационная плоскость. В ряду познавательных способностей ещё Шопенгауэр различал приобщённость к «сведению» и «разумению». Иметь на языке много имён не значит иметь в голове много мыслей. Осведомлённость – лишь средство достижения уразумения. На данном резоне знание – плод креативного движения в предметной сфере, а не результат компиляции.

Вытеснение предметоцентризма инфоцентризмом сугубо редактирует поисковую природу мысли, переориентируя её с освоения «материала» на освоение «сообщений о материале» во всеобщем доступе. В сухом остатке: на фоне расширения виртуального мультимедийного пространства съёживается реальное пространство предметности; доминирует «короткая» память с заимствуемой ментальностью, разрушается креативный потенциал духовности, утрачивается инновационность, оригинальность.

Способность думать подменяется способностью идентифицировать, наращивание тезауруса – умением двигаться внутри

него; сознание оборачивается имитацией, генерация – трансляцией, продукция – репродукцией. Констатируется, следовательно, специфическое бегство от мышления, выражаемое снижающими эпистемологическими рядами нашего постиндустриального социального времени.

Поведенческая плоскость. Связанные «одной сетью», вовлечённые в контент дополненной реальности, среднестатистические юзеры жизнедействуют в искусственных техноорганизуемых (по сетевому принципу) локалах. В дефиците кипения рефлексивных дискурсивно-аналитических страстей проступают выразительные контуры расчеловеченной интернет-истории, как-то: гуманитарная отстранённость – отсутствие сопереживания в реакциях на калейдоскопические конфигурации мчащихся короткой строкой контент-картин мобильного трафика; инфантилизм, покладливость (взрослые в интернете «впадают в детство» – С. Гринфилд); эскапизм; суггерендность; бессознательное подражание. Сапиенты управляются «нажатием кнопок», истончается слой способных самостоятельно мыслить, принимать ответственные решения.

Психологическая плоскость. Гибельный побочный результат технообразного стиля самоутверждения – людический, клипо-геймерский способ существования с гуманитарно отключённым, едва не психоделическим грезевым типом сознания (ср. постмодернистские деконструктивные упражнения наподобие ритуальной «игры в бисер»). Ориентация не на антропную, но средовую инноватику выхолащивает живой ареал межсубъективного общения с некомпенсируемыми издержками: ростом психических расстройств, усилением агрессивности, зависимостью от психологических расширений.

Податливая на сиюминутное реагирование (использованием настраивающих техник *brain-washing*) человеческая духовность пребывает ареной всеохватного манипулирования. По мнению экспертов, с начала 2020-х потребление неадекватной информации (спамы, фейки, троллин-

ги, флуды, фрейминги, продукты иных интерактивных дигитальных практик) перекроет потребление информации адекватной. Последнее даёт основание предсказывать утверждение контрафактной среды обитания с имитационным, превращённым характером интеракции.

Универсализация технонаучной стороны субъективной сборки с выпуском агентов технотропного общества означает прекрасно идентифицируемую гуманитаристикой антропологическую катастрофу.

Есть ли надёжный способ борьбы с грозящей катастрофой? По аналогии с выказанной М. Ковальчуком глубокой идеей перевода технологической оснастки жизни на природоподобие, панацею от развала гуманитарной самоопределённости человечности в бесконтрольной экспансии технонауки правильно видеть в развёртывании культуроподобия.

Последнее суть бережное поддержание гуманитарного остова планетарной цивилизации посредством согласования деятельности с антропным императивом, провозглашающим всеобъемлющую ценность человечности как таковой.

По аналогии же с принятым космологией антропным принципом напрашивается его культурологическая интерпретация: то, что мы ожидаем получить (и получаем), ограничивается условиями, необходимыми для нашего утверждения как представителей рационально-целесообразной организации. С момента геокосмизации практико-преобразующей деятельности культуроподобие – базовая интенция на сообщение гуманитарной оправданности антропоориентированной морфогенетике – оказывается камертоном праксиологии.

Локомотивом саморазвития в нынешней ситуации фронтальной модернизации выступает наращивание человеческих качеств – прогресс образования, культуры, гражданской зрелости, самостоятельности, вовлечения, участия [5]. Приводы истории универсальны. Прежде характер социальной эволюции диктовался данностями колонизации, урбанизации, индустриализации. Теперь – гуманизации.

Человечество дифференцируется на фрактуры, где свершается и не свершается жизненная гуманизация, означающая материализацию человеческих ценностей.

Всё гуманизации оппонирует безучастная человечности технизация. Противостояние одному другому образует основное содержание современной эпохи.

В створе сказанного образование, в большей, нежели ранее, степени вдохновляясь пафосом своего высокого служения ответственному содержанию современной эпохи призвания, обязано культивировать поколение гуманитарно состоятельных творцов (не поколение гаджетов!), способных производить культурное богатство.

Производить – как? Продолжением, продуктивным наращиванием гуманитарного достояния.

Такая постановка (тем более в свете январского Послания Президента РФ Федеральному Собранию) существенно трансформирует принятые у нас образовательные каноны. Востребована определённая компенсация встраивания человека в ИКТ-ресурсы.

На ранних фазах онтогенеза оправдано восстановление классических приёмов формирования тонких аспектов мыслительности, а именно:

- использование клавиатуры не отменяет чистописания, способствующего обретению произвольной моторной регуляции [4, с. 125];
- умения считать, иницирующего возможность абстрагирования;
- свободного знания грамматики (системы отношений между языковыми категориями), препятствующего тривиализации общения;
- навыков поддержания детальной образной памяти, ответственных за способность самостоятельно мыслить, чувствовать [3, с. 209].

На позднейших этапах онтогенеза следует отказаться от засилия тестирования. Ещё Эйнштейн почти 80 лет назад в письме от 4.11.1942 бразильскому адресату, высказывая обоснованные сомнения отбора людей с помощью данного метода, ква-

лифицировал его типичной инженерной идеей, противоречащей утверждению, что «человек – не машина».

На данных этапах возрастает масштаб обязанностей по формовке способностей творческого мышления, взыскующего активности внимания, воображения, мысли и требующего фронтального купирования ментальной механализации. Необходимо представлять: выстроенные как функциональные гибриды homo киберы, *digerati* мыслить по-человечески не могут. Это потому, что техногенная перестройка головного мозга не имеет отношения к моделированию мыслительного процесса; интеллектуальные проблемы ставятся и решаются не искусственным, а естественным интеллектом [1, с. 20].

Обретение навыков мыслительного плодотворения – генерал-бас современного образования, нацеленного на привитие склонностей положительно обновлять жизнь, креативно преобразовывать реалии.

Рассуждая гносеологически, умение не собирать и усвоить, но обогащать и творить культивируется овладением орудия производить смыслы задействованием содержательного самопорождения – аутопозиса.

Аутопозис – вид обновительно-созидательного преобразования, протекает как вообразительный перебор возможностей в режиме мыслительного самопрогресса, налаживаемого конструктивным идейным комбинированием, отображением символических групп друг в друга.

Источник внутренней энергии духа – когитальные самостимулирующие морфизмы (отображения-преобразования), позволяющие наращивать (в уподоблениях-ассоциациях) смысловые поля. Закон творчества – закон ассоциации – пластичного типа сочетания мыслительных элементов безотносительно автоматичным, механистическим коннотациям.

Ассоциативное связывание в тесном значении слова вообразительно – не укладываемо даже в нестрогие изучаемые психологией правила смежности, сходства, контраста. Последние, мобилизуя эффект

тропообразной установки, налаживают рождение нового.

Итак, творческая статья мышления версифицируется моделью аутопозиса, вводящей понятие *само-* (autos) *созидания* (poesis). Механизм творчества – эвристическое сочинительство, за счёт синтетических варьирований предобуславливающее структурно-обновительное порождение. Приведём только один пример.

Релятивистская физика выстроена нетривиальной прививкой: инкорпорацией образной литературной платформы в фундаментальную теорию. Почему, по Эйнштейну, Достоевский дал ему больше, нежели коллеги-теоретики по естественнонаучному цеху? Потому что романист Достоевский утвердил непреходящую роль поведенческого опробования жизненного идеала: направляющая идея демонстрирует состоятельность исключительно практическим оправданием.

Пафос операционализации доктринальной конструкции позволил ревизовать классическую картину мира, дискредитировать эфир как неverifiedируемую стихию, обосновать новый взгляд на вещи.

Мораль проста: чтобы стать Эйнштейном, надо знать Достоевского! И тяжела: сообщает ли образование такое знание?

(Отдельная тема – совершенствование патриотического воспитания через образование, она не может быть убедительно поднята вне усиления гуманитарной компоненты подготовки специалистов, прежде всего приобщения к культурному кладезю нации – фольклорно-эпическим пластам народного самосознания).

Вернёмся к нашей проблеме.

Совершенно ясно: способ достижения новизны – мыслелёт, обеспечиваемый модельными репрезентациями предметов, ассоциативным экспериментированием в мире возможного.

Указанные когнитивные действия и именуется воображением, перекрывающим рутину устоявшегося. Что же технонозис? Фактически реанимирует алгоритмическую методу умножения содержания через форму выстраиванием исчислений.

Между тем никакой расчислимости творческого созидания (опирающегося, как подчёркивалось, на автокаталитические аутопоэзисные процессы) не просматривается. Творческое не алгоритмизуемо.

С теоретико-познавательной точки зрения высказанное развенчивает спровоцированные идеями того же Луллия механистические программы:

– *Mathesis universalis* (Уилкинс, Дальгарно, Валлис, Декарт) – унитарного предметного знания;

– *Scientia generalis* (Полициано, Альштед, Юнг, Гленвилль, Лейбниц) – универсальной теории знания.

Предел фантазмагии «алгоритмичность открытия» положили капитальные ограничительные результаты Геделя, Тарского, Левенгейма, Сколема, упрочившие представление общей немашинизируемости эвристического.

Главное – идеи, не имитация.

Некогда В. Шкловский озабочивался проблемой готовности массы воспринимать классику. В настоящий момент сюжет обретает значительно более серьёзную трактовку.

Во-первых, классику перестают знать, а ввиду снижения ёмкости оперативной памяти (результат тотальной мобильной смартфонизации, некачественности обработки информации проекционными зонами головного мозга и далее – зоной сложного мышления) – воспринимать, понимать.

Во-вторых, отпадает (ввиду невежества) необходимость преодолевать классику в собственном творчестве. Знание в крайнем случае демонстрируется, но не расширяется.

Стопорится закон культуры – закон идейного приращения; создаётся опасность ментального провала – погрязания в убогости, посредственности, вторичности. Не случайно среди угрожающих современной цивилизации всадников Апокалипсиса эксперты ООН называют злоупотребление цифровыми технологиями, оглуляющее самоутверждение «в сетях».

Напрашивается стратегия исцеляющего маневрирования, связанная с культивацией креативности: образование должно учить думать!

Мартиролог культуры – перечень фазовых переходов в типах фиксации, трансляции знания.

1 фазис – дописьменность (устность), крепящаяся на тренировке долговременной памяти. Оттого изобретение письменности Платон квалифицировал созданием ленивых.

2 фазис – письменность. Звучащее, произносимое слово вытесняется рукописным, позже – книжным; оформляется универсум Гуттенберга.

3 фазис – телевидение. Книжное слово заменяется экранным, видео-вещательным. Теле- (радио-) трансляция не отменила вовсе книгу, но потеснила её положение как монополиста передачи информации. Соответственно, изменился способ мышления, образованности.

Высокую литературу и телевидение соединить не удалось. Не удалось по причине некогерентности законов одного и другого. Плёнка (вещание) многого не передаёт: ограничиваясь событийной (хроникально-документальной) канвой происходящего, она не захватывает в свой бредень метафизическую (душещипательную) его подноготную. Скажем: почему Соня Мармеладова (в авторском толковании) морально выше тех, кто ею пользуется; почему она существо «просветлённое»? – «снять» невозможно.

4 фазис – телефонизация. Оформление универсума Цукерберга. Дело не в переходе на безбумажные технологии. Дело – в развале живого общения, универсализации шаблонных, рутинных приёмов извлечения информации (в гипертрофии короткой памяти), стимулирующих цифровой аутизм, механизацию мысли, дегуманизацию жизни, что вслед за Эйнштейном (письмо от 11.04.1946. Юлиусбергу) правильно считать гибельным побочным результатом технизации.

Приобщаем ли к науке, культуре нажимающий кнопки *homo iPhonus*? Преодолима ли цифровая жизнеориентация?

Существовать и не творить (или имитировать творение в манере *сфумато*) для человека возможным не представляется. Таким образом, креативное образование

масс – тех, кто будет делать жизнь грядущую, – насущнейшая социальная задача.

Как поставить «цифру» на служение ответственному общечеловеческому делу? – именно таков проблемный фон современных образовательных размышлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бесспорно: времена, определяемые существом исторических фазовых переходов, – разные. Однако заботы, стоящие перед заинтересованной критической мыслью, – прежние. И это суть: образо-

ванный состоятельный человек, звучащий гордо.

Литературу с телевидением совместить не удалось. Печально, но как бы там ни было, переживания по поводу этого улеглись, острота ситуации стала принадлежностью прошлого.

Вопрос настоящего – совместима ли способность продуктивно мыслить, полноценно жить со способностью пользоваться смартфоном? Положительное решение вопроса вызывает необходимость провидеть магистрали самого родового развития, законов культуры, базиса человеческого роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И. и др. Семиотика и семантика коммуникативных волн «подсознания». К актуальным вопросам структурной семиотики. Часть I / Аршинов В. И., Лукьянчук Б. С., Никольский А. Е., Рубанов В. А., Шелудяков А. В. // НБИКС: Наука. Технологии. 2018. Т. 2. №3. С. 17–29.
2. Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, 2020. 160 с.
3. Новое в науках о человеке / Под ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2014. 432 с.
4. Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2016. 272 с.
5. Alekhina E.V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, Vol. 8, Issue 1, pp. 175–181.
6. Fletcher J. *The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette*. Prometheus Books, 1988. 218 p.
7. Warwick K., Gasson M., Hutt B., Goodnew I., Kyberd P., Andrews B., Teddy P., Shad A. The Application of Implant Technology for Cybernetic Systems. In: *Archives of Neurology*, 2003, 60 (10), pp. 1369–1373.

REFERENCES

1. Arshinov V. I., Luk'yanchuk B. S., Nikol'skii A. E., Rubanov V. A., Sheludyakov A. V. [Semiotics and semantics of the communicative waves of "subconscious". To topical issues of structural semiotics. Part I] In: *NBKS: Nauka. Tekhnologii*, 2018, vol. 2. , no. 3, pp. 17–29.
2. Ilyin V. V. *Teoriyapoznaniya. Kritikainstrumentaln'ogorazuma. Speciosamiracula: total'nyimiroveinik*[The Theory of Knowledge. Critique of Instrumental Reason. *Speciosamiracula: a total miroveinik*]. Moscow, *Prospekt Publ.*, 2020. 160 p.
3. *Novoe v naukakh o cheloveke* [New in the Sciences of Man]/ ed. by G. L. Belkina. Moscow, *LENAND (URSS) Publ.*, 2014. 432 p.
4. *Problema sovershenstvovaniya cheloveka v svete novykh tekhnologii* [The Problem of Development of Man in the Light of New Technologies] / ed. by G. L. Belkina. Moscow, *LENAND (URSS) Publ.*, 2016. 272 p.
5. Alekhina E.V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, Vol. 8, Issue 1, pp. 175–181.
6. Fletcher J. *The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette*. Prometheus Books, 1988. 218 p.
7. Warwick K., Gasson M., Hutt B., Goodnew I., Kyberd P., Andrews B., Teddy P., Shad A. The Application of Implant Technology for Cybernetic Systems. In: *Archives of Neurology*, 2003, 60 (10), pp. 1369–1373..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, советник президента НИЦ «Курчатовский институт»;
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ilyin – Doctor in Philosophy, professor, adviser of the President of the National Research Center «Kurchatov Institute»;
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Приглашение к дискуссии: образование в эпоху техногнозиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 134–141.
DOI: [10.18384/2310-7227-2020-2-134-141](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-134-141)

FOR CITATION

Ilyin V. V. Invitation to a Discussion: Education in the Era of Technognosis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 134–141.
DOI: [10.18384/2310-7227-2020-2-134-141](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-134-141)

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2020. N 2

Над номером работали:

Литературный редактор Е. О. Духовнова
Переводчик Е. А. Кытманова
Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9, уч.-изд. л. 14,5.
Подписано в печать: 23.06.2020 г. Дата выхода в свет: 30.06.2020 г. Заказ № 2020/06-02.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А